

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (ТОМ 1)
2022

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2022. Т. 1. № 1
2022. Vol. 1. № 1

Екатеринбург 2022 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2022. VOL. 1. № 1

Ekaterinburg

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide

PUBLISHER AND FOUNDER

Autonomous non-profit organization “Research center
“Young historians of the Urals”

**Published with the support of the Fund-Operator of Presidential Grants
for the Development of Civil Society (project № 21-2-002276)**

EDITOR

Mikhail M. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev,
Konstantin I. Zubkov, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev,
Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

© Autonomous non-profit organization “Research center
“Young historians of the Urals”

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2022. Т. 1. № 1

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издается при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества (проект № 21-2-002276)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к.и.н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к.и.н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к.и.н. А. В. Дедук, к.г.н. А. А. Зайцев, к.и.н. К. И. Зубков, А. О. Кайсин, д.и.н. А. А. Метельский, к.и.н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к.и.н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, к.и.н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 190–414

hist-geo@list.ru

© Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

- Гришин Е. С., Уманский Л. А.* Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи 6
- Дедук А. В.* Из истории землевладения кн. Хотетовских в XV–XVII вв. (к вопросу о расположении центра Хотетовского удела Карачевского княжества) 30
- Санжаров В. А., Баканова Е. Н.* Королевский итинерарий Филиппа VI Валуа: феномен «номадизма» властных институтов в Средние века 52
- Разинков С. Л.* Анализ развития сети учебных заведений профессионально-технического образования в Свердловской области в 1920–1950-е гг.: опыт использования технологии баз данных и геоинформационных систем 64

АРХЕОЛОГИЯ

- Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К.* Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным 82
- Пушкова А. А.* География расселения мордвы в Окско-Сурско-Цнинском междуречье VIII — первой половине XIII вв. 93

ИСТОЧНИКИ

- Кашаева Ю. А.* Картографическое наследие XVIII–XX вв. в хранилищах Пермского края (характеристика, формирование, использование) 100
- Рыжова М. М.* Карты Д. Н. Вергуна как один из инструментов структурирования русской националистической мысли начала XX в. 114

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

- Беляков А. В.* Открывая Мещеру (рецензия на кн.: Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. 316 с.) 128
- Шеков А. В.* О датировке новосильско-литовского договора середины XV в. в свете исторической географии 138

СООБЩЕНИЯ

- Юбилей Сергея Михайловича Каштанова 144

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL CARTOGRAPHY

- Grishin E. S., Umansky L. A.* Methodological foundations of regional historical mapping based on the material of a unified digital model of the European part of the Russian Empire 6
- Deduk A. V.* Touching upon the history of the Khotetovsky princes' land ownership (in concern with the question of the location of the centre of Khotetovsky's inherited land in Karachevsky Principality) 30
- Sanzharov V. A., Bakanova E. N.* Royal Itinerary of Philip VI of Valois: the Phenomenon of "Nomadism" of Power Institutions in the Middle Ages 52
- Razinkov S. L.* Analysis of the development of a vocational educational institutions network in the Sverdlovsk region in the 1920s–1950s by means of using database technology and GIS 64

ARCHAEOLOGY

- Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K.* The Khlynov Kremlin in the 16th–18th centuries according to the data from archaeology 82
- Pushkova A. A.* Settlement geography of the Mordvins in the Oka-Sura-Tsna interfluve of the 8th — first half of the 13th centuries 93

SOURCES

- Kashaeva Yu. A.* Cartographic heritage of the 18–20th centuries in the repositories of the Perm Region (characteristics, formation, use) 100
- Ryzhova M. M. D.* Vergun's maps as a tool for structuring Russian nationalist idea in the early 20th century 114

REVIEWS AND DISCUSSIONS

- Belyakov A. V.* Discovering the Meshchera
(Review: Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries). Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, 2021. 316 p.) 128
- Shekov A. V.* On the dating of the Novosilsk-Lithuanian Treaty of the mid-15th century in terms of historical geography 138

INFORMATION

- Anniversary of Sergei Mikhailovich Kashtanov 144

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

УДК 913(470)

Гришин Евгений Сергеевич

заведующий научной редакцией картографии Большой Российской энциклопедии, руководитель группы картографических работ ЛКЦТ, Институт востоковедения РАН; старший преподаватель ИОН РАНХиГС (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Уманский Леонид Алексеевич

научный редактор Большой Российской энциклопедии (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-2528-7402

E-mail: leonidioum@gmail.com

Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы построения исторической карты регионального уровня. Приводится описание структуры карты, подходы к ее созданию. Дается характеристика основных картографических источников, которые определяли вид регионального картографирования Российской империи. Статья носит не столько проблемный, сколько методический рекомендационный характер и обобщает в себе опыт построения региональных исторических карт различного назначения. При этом авторами учитывалась практика ведения картографических работ в других дисциплинах, не игнорируя в то же время специфику исторически ориентированных карт: проблема динамики и хронологической атрибуции объектов, хронологическая актуальность карты. Проработка вопросов методики картографирования отдельных регионов подразумевает решения нескольких отдельных задач: определение математической основы карты, актуализация и адаптация общегеографической основы, структурирование тематических объектов картографирования; по каждой из этих задач приведены рекомендации относительно их решения и выполнения базовых действий исследователя при формировании собственного картографического материала. Особое место в статье занимает структурирование историко-картографических проектов в формате геоинформационных систем. Несмотря на использование в качестве примера цифровой модели Российской империи, методические приемы, описанные в статье, не привязаны только лишь к конкретному региону и сформулированы с достаточным уровнем обобщения. Текст статьи может рассматриваться как базис для более пространный методического пособия по ведению историко-картографических работ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональное картографирование, картографическая основа, европейская часть России, губерния

Для цитирования: Гришин Е. С., Уманский Л. А. Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 6–29.

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL CARTOGRAPHY

УДК 913(470)

Evgeniy S. Grishin

head of the Scientific Editorial Board of Cartography of the Great Russian Encyclopedia; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; ION RANEPА (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Leonid A. Umansky

scientific editor of the Great Russian Encyclopedia (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0002-2528-7402

E-mail: leonidioum@gmail.com

Methodological foundations of regional historical mapping based on the material of a unified digital model of the European part of the Russian Empire

ABSTRACT. The article deals with the issues of constructing a historical map of the regional level. It describes the structure of the map, approaches to its construction. The characteristic of the main cartographic sources that determined the type of regional mapping of the Russian Empire is given. The article contains methodological recommendations and summarizes the experience of making regional historical maps for various purposes. The authors took into account the practice of conducting cartographic work in other disciplines, without ignoring the specifics of historically oriented maps: the problem of dynamics and chronological attribution of objects, the chronological relevance of the map. Studying issues of methodology for mapping individual regions involves solving several separate tasks: determining the mathematical basis of the map, updating and adapting the general geographical basis, structuring thematic objects of mapping; for each of these tasks, recommendations are given regarding their solution and the implementation of the basic actions of the researchers in the formation of their own cartographic material. A special place in the article is occupied by the structuring of historical cartographic projects in the format of geographic information systems. Despite the use of the digital model of the Russian Empire as an example, the methodological techniques described in the article are not tied only to a particular region and are formulated with a sufficient level of generalization. The text of the article can be considered as a basis for a more extensive methodological manual on conducting historical cartographic work.

KEYWORDS: regional mapping, cartographic basis, European part of Russia, province

For citation: Grishin E. S., Umansky L. A. Methodological foundations of regional historical mapping based on the material of a unified digital model of the European part of the Russian Empire // *Historical Geography Journal*. 2022. Vol. 1. № 1. P. 6–29.

ВВЕДЕНИЕ

Понимание роли пространственных факторов в исторических процессах закономерно приводит к формированию запроса со стороны научного сообщества на создание качественных картографических цифровых материалов. Практика создания импровизированных геоинформационных систем, ориентированных на решение единичных исследовательских задач, создает проблему совмещения многочисленных разнородных наборов геоданных. Слабой стороной подобных проектов является недостаточная проработка исторического пространства: обычно используются лишь те геоданные, которые нужны для ответа на конкретный исследовательский вопрос; соответственно, сопутствующий историко-географический фон не рассматривается. На содержательном уровне это выражается в игнорировании картографической основы или в отсутствии увязки с ней тематического наполнения карты. Несмотря на частое цитирование одного из принципов исторических ГИС, сформулированного Э. К. Ноулз¹, — не создавать ГИС-проекты под единичные задачи, — его реальное воплощение встречается редко и может быть достигнуто лишь в виде больших, охватывающих значительное пространство и хронологический диапазон геоинформационных проектов и цифровых карт ГИС-формата. Преимуществом объемных, хорошо структурированных и унифицированных проектов является реализация накопительного эффекта как в фактографическом, так и в методическом отношении: данные, задействованные в них, не умирают вместе с самим проектом, а аккумулируются и взаимно друг друга дополняют; точно так же происходит и накопление методических приемов по работе с этими данными.

Для поиска наиболее эффективных форм организации историко-картографических материалов важно учесть опыт не только исторической географии и картографии, но и других отраслевых дисциплин.

Сама по себе ориентация на большой территориальный и фактографический охват не гарантирует высокой востребованности конечной цифровой карты. Для ее совместимости с другими материалами важно продумать структуру и основные блоки. Нужно учесть, что каждая новая историко-географическая исследовательская работа нуждается в картографической основе. Ее качественная проработка позволяет существенно облегчить процесс построения цифровых карт, избавив автора от необходимости создавать весь проект с нуля. Картографическая основа является конструктором для отдельных карт: на ее основе в дальнейшем может быть составлена карта по отдельному хронологическому интервалу с конкретной тематической нагрузкой².

Устойчивым остается ошибочное восприятие карт как иллюстративного материала, основное назначение которых — наглядное сопровождение основного содержания текста. Однако на современном этапе развития науки историческая карта в пространственно-ориентированных исследованиях является важнейшим инструментом приращения знаний, которые не могли быть в готовом виде извлечены из источников, она также является моделью исторического пространства³.

Карта исторического региона может быть определена как ретроспективная общегеографическая или политико-административная карта. Ее основные отличия от карты современного вида происходят как раз от самой ретроспективности: если последняя отображает состояние региона к моменту создания карты, то к исторической карте добавляется хронологическая основа. Необходимо определиться с тем, каков будет период ее актуальности; будет ли она отражать динамику развития региона. При всем многообразии решений проблемы изменений исторического пространства (динамические и псевдинамические карты, полистное отображение отдельных периодов) особое значение имеет определение базовой хронологической атрибуции карты, то есть какой хронологический срез будет на ней отображен изначально.

¹ Владимирова В. Н., Рыгалова М. В. Зарубежная историография о проблемах и перспективах применения геоинформационных систем в исторических исследованиях // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 3 (26). С. 102.

² Гришин Е. С. Фонд историко-картографических материалов как средство унификации исторических ГИС и цифровой картографии // Историческая информатика. 2019. № 1. С. 133–142.

³ Гришин Е. С. Технологии и методика применения пространственно-временного анализа в специально исторических ГИС-проектах // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 74–84.

Авторами статьи была создана мелкомасштабная цифровая карта в формате ГИС европейской части Российской империи как объект отработки задач по построению крупных региональных историко-картографических проектов. Основные целевые назначения ресурса — использование картографической основы для тематических исследовательских карт; отработка методики создания мелкомасштабных историко-картографических материалов; апробирование технологических и методических приемов по построению цифровых исторических карт с большим хронологическим диапазоном. Территориальный охват карты включает в себя всю европейскую часть России, в том числе губернии и области основной территории (внутренних регионов), Царства Польского, Финляндии, Кавказского края. Структура цифровой модели позволила в дальнейшем распространить картографическую основу на азиатскую часть Российской империи и сопредельные государства. Выбор территории был обусловлен высокой востребованностью картографических данных для исторических исследований. Кроме того, работа именно с европейским сегментом позволяла создать картографический материал с опорой на единую источниковую базу. Хронологические рамки актуальности карты имеют широкий диапазон — с 1775 по 1913 г. Создание карты на конкретную опорную дату представляется неэффективным решением, так как в этом случае она не может быть использована как основа для любого другого хронологического среза. В структуре цифровой модели была предусмотрена возможность учета всех административно-территориальных изменений на уровне губернии или уезда, а также изменений по основным населенным пунктам.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Источниковую базу для построения карты можно разделить на две группы источников: картографические и текстовые. Несмотря на то, что картографическая дает основной материал для пространственных данных, особенно площадного и линейного распространения, ее нельзя в полной мере считать преобладающей, так как обоснование и хронологическую актуальность объектов — в частности, административных границ — можно выявить только по текстовым источникам официального происхождения.

Среди картографических источников выделяются те, которые были использованы для получения пространственных данных, и те, которые служили лишь для актуализации пространственных сведений. Первая группа включает относительно поздние по хронологии карты, которые были хорошо обеспечены топографическими съемками и могут быть достаточно точно сопоставлены между собой. Вторая группа характеризуется слабым математическим аппаратом, небольшим количеством астрономически установленных пунктов и, как следствие, большой погрешностью локализации и объектов. При всех перечисленных недостатках источники второй группы важны, так как они не только содержат атрибутивные и пространственные сведения, но и помогают проследить эволюцию картографических материалов.

Хронологически первым источником нашего проекта является «Подробная карта Российской Империи и близлежащих заграничных владений» Сухтелена-Оппермана, называемая также «Столистой картой» 1801–1804 гг.⁴ «Российский атлас» 1792 г., составленный Вильбрехтом, появился чуть раньше «Столистой карты», однако он представляет собой классический сборник карт, структурированный по административным единицам, и замечателен лишь тем, что является первым изданием подобного рода после «Атласа» 1745 г.⁵ При этом он значительно уступает своему предшественнику: дорожная сеть отсутствует, не приводятся поясняющий текст, таблица астрономически установленных пунктов, легенда. «Столистая карта» между тем является первой многолистной картой Российской империи с охватом значительной территории, построенной по последним требованиям картографии на основе всего накопленного фактографического материала (в некоторой степени ее предшественницей можно считать «Генеральную карту части России»⁶, изданную в 1799 г.; на карте фигурируют города губернского и уездного значения, города

⁴ Зондерван Г. Географическая карта. Ее история, составление и воспроизведение. СПб., 1909. С. 222.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

приписные, крепости, редуты, небольшие укрепления, местечки и большие слободы, села, деревни, почтовые дороги, побочные и непочтовые большие дороги, почтовые станции).

В качестве своеобразного аккумулирующего источника был использован «Список карт, атласов, медалей, эстампов, книг и геодезических инструментов, составленных... в Военно-Топографическом Депо»⁷. «Список» был опубликован в одном из изданий РГО 1858 г. и может служить путеводителем по тем картографическим работам, которые велись в промежуток между составлением «Столистой карты» и «Специальной карты» Стрельбицкого. Источниковедческое значение списка состоит в том, что в нем фигурируют именно те картографические работы, которые были обеспечены топографическими съемками местности, а не только лишь основывались на генерализации и переиздании других карт. Поскольку в «Списке» речь идет в основном о картах среднего, а нередко и крупного масштаба (отметим также, что многие из этих карт были впоследствии задействованы для составления «Специальной карты»), далеко не все из них могли быть привлечены для картографической основы.

Промежуточное место среди указанных групп картографических материалов занимает «Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского», составленный В. П. Пядышевым в 1820 г. С одной стороны, атлас придерживается традиционного подхода — построения карт по административным единицам (всего составлено 70 листов с генеральной картой); с другой — он содержит ряд обновленных сведений. В то же время по детальности проработки границ атлас значительно уступает прочим картографическим изданиям подобного рода.

Другой магистральный источник из перечня многолистных карт называется «Специальная карта Западной части Российской Империи, составленная и гравированная в 1/420 000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом Депо, во время управления генерал-квартирмейстера Нейдгарта под руководством генерал-лейтенанта Шуберта». Десятиверстовая карта Шуберта 1832 г. на 62 листах с дополнительным листом условных обозначений⁸ была основным картографическим изданием вплоть до «Специальной карты» Стрельбицкого.

С точки зрения точности и полноты сведения нашим основным источником является Специальная карта европейской части России, составленная И. А. Стрельбицким⁹. Работа над первым изданием карты была запланирована в 1863 г. и велась Военно-Топографическим Отделом Главного Штаба с ноября 1865 г. по ноябрь 1871 г. Азиатскую часть карты издали в 1916 г. Дополнения и переиздания продолжались вплоть до 1930-х гг. Масштаб карты Стрельбицкого — 1:420 000, 10 верст в одном дюйме. Листы построены в проекции Гаусса, эллипсоид Бесселя 1841 г. Всего было выпущено 178 листов, покрывающих обширные пространства Европейской части России, включая Финляндию и нынешние территории Прибалтийских стран, Беларуси, Украины и Молдовы, а также часть азиатской части Российской империи вплоть до Оренбурга и Уфы. На севере атлас Стрельбицкого охватывал побережье Ледовитого океана, а на юге покрывал весь Кавказ и местность вплоть до самого южного побережья Черного и Каспийского морей. На карте фигурируют населенные пункты без разгрузки — от больших городов до поселков в несколько дворов; среди малых объектов топографии обозначены мызы, церкви и храмы, постоянные дворы, заводы, фабрики и прочие большие и значимые сооружения.

Стоит обратить внимание на характеристику источников построения «Специальной карты» Стрельбицкого. В пространственном отношении они были весьма неоднородны, и это, естественно, сказывается на точности и детализации данных. Авторы карты использовали материалы последних съемочных работ; по отдельным регионам были проведены специальные съемки местности. В других случаях, касающихся малоизученных территорий, были привлечены устаревшие источники, не удовлетворяющие требованиям современной на тот момент картографии, вроде

⁷ Отчет о действиях Императорского Русского Географического Общества в 1862 году. СПб., 1863.

⁸ Зондерван Г. Указ. соч. С. 230.

⁹ Там же. С. 231.

планов Генерального межевания. Для построения цифровой модели нами было задействовано 149 листов «Специальной карты».

Стоит обозначить, что «Специальная карта» Стрельбицкого отражает не только ситуацию на момент проведения работ по ее составлению. Актуализация ее листов проводилась многократно в последующие годы; появлялись новые издания, по которым можно провести уточнения по отдельным территориям, а также проследить динамику топографии региона. Поэтому в ряде случаев было привязано несколько листов одной территории, но разных годов издания.

Важным источником для создания топографической основы является «Гипсометрическая карта Европейской России» 1889 г., составленная генерал-майором Генерального штаба А. А. Тилло¹⁰. По сути, это первая профессиональная карта рельефа и гидрографии европейской части России; конечно, рельеф на картах предшествующих поколений также фигурировал, однако он изображался условно — с помощью размывки или штриховки, не говоря уже об иконографических изображениях на картах XVIII в. В случае с картой Тилло мы располагаем детализированными изолиниями неровностей местности. Тем большую ценность представляет собой «Гипсометрическая карта», которая не просто объединяет в себе весь накопленный материал по рельефу и гидрографии, но и включает сведения, полученные в ходе специальных работ по ее составлению в течение пятнадцати лет. Шестидесятиверстный масштаб карты мог бы вызвать некоторое смущение, однако, во-первых, он вполне пригоден для поставленных целей с точки зрения базового масштаба картографической основы, во-вторых, высокая детализация карты Тилло позволяет поставить ее в ряд с современными физико-географическими картами. Разрядка изолиний высот составляет 20 саженей, таким образом, общее число уровней, окрашенных градиентными цветами, составляет 17 изолиний. Кроме того, указаны абсолютные высоты отдельных точек рельефа. Среди других достоинств карты стоит указать наличие основных населенных пунктов, мощеных и железных дорог. Картографирование железных дорог в работе Тилло имеет особое значение, так как он занимался построениями профилей железнодорожных путей и, соответственно, располагал большим объемом пространственных сведений. «Гипсометрическая карта» не затрагивала территории Кавказа и Финляндии, однако по этим регионам в дальнейшем были составлены отдельные карты большего масштаба.

Конечно, цифровая модель рельефа не является приоритетной задачей при составлении исторической картографической основы; к тому же объем работ по созданию такой модели превысил бы усилия по всем остальным этапам подготовки обзорной карты. Тем не менее «Гипсометрическая карта» дает важный материал по топографии европейской части России и позволяет актуализировать общие географические условия картографируемой территории. С этой точки зрения рельеф важен для нас как геоморфологическая основа для уточнения по гидрографическим объектам. В рамках мелкомасштабной карты мы не можем показать хорошо детализированную топографию и ее динамику за весь хронологический диапазон, но привлечение гипсометрической карты позволяет уточнить общую морфологию важнейших рек и их самых крупных притоков, выявить регионы с наиболее устойчивой топографией и, напротив, с высокой изменчивостью топографических условий. Все это было бы невозможным, если бы мы опирались исключительно на карты Стрельбицкого и тому подобные источники, где гидрография без фонового рельефа (у Стрельбицкого рельеф показан стилизованно, штрихами) выглядит однородной как с точки зрения динамики, так и в плане изученности.

Линейку генеральных карт продолжает «Карта Европейской России и Кавказского края», подготовленная Русским Географическим обществом в 1862 г.¹¹ Точность этой карты далека от уровня «Специальной карты», однако ее методическая проработанность, оптимизация содержания

¹⁰ Опыт изображения строения поверхности Европейской России. Труд генерального штаба генерал-майора Алексея Тилло. Председательствующего в Отделении Математической Географии Императорского Русского Географического Общества. 1889. Издание Департамента шоссейных и водных сообщений Министерства путей сообщения. Масштаб 60 верст в дюйме (1:2 520 000). СПб., 1889.

¹¹ Отчет о действиях Императорского Русского Географического Общества...

и комплексный подход к структуре и математической основе делают ее полезной для работы над исторически ориентированной топографической основой. Пояснительная записка к карте была опубликована в «Отчете» РГО за 1862 г. Помимо собственно характеристики самой карты этот отчет примечателен также критическим разбором существовавших на тот момент карт европейской части России. Этот экскурс позволил существенно дополнить источниковую базу и скорректировать оценку отдельных карт.

Содержание «Карты Европейской России» разнообразно и охватывает одиннадцать категорий объектов. Помимо стандартных административных границ и важнейших населенных пунктов фигурируют железные, шоссейные, почтовые и торговые дороги, в отдельных случаях проселочные; все каналы; мануфактурные и промышленные места, заводы и фабрики; почтовые станции; посадки и местечки. Конечно, высокая насыщенность объектами встречается и на так называемых специальных картах, однако последние фактически представляют собой атласы из нескольких десятков листов и одного сборного. В случае именно с «Картой Европейской России» задача осложнялась тем, что все объекты надо было отобразить на одной генеральной карте, не причиняя ущерба ее читаемости, не прибегая ко врезкам и другим приемам. Все это было блестяще исполнено. Безусловно, с точки зрения абсолютной локализации объектов карта имела много слабых мест, что осознавали и ее создатели (малоизученные или вовсе неизученные территории, как, например, часть Архангельской губернии на листах 2 и 3, оставались в виде белых пятен), однако продуманность и методическая реализация заставляют рассматривать ее не только как один из источников по исторической географии России, но и как пример образцовой картографии.

Особую сложность составляла необходимость отобразить многочисленные объекты на карте в выбранном масштабе и в то же время выдержать баланс в представлении населенности территорий. Так, на малонаселенных территориях старались отображать все населенные пункты: если выводить только крупные города, то создается впечатление, будто эти территории вовсе не населены; в губерниях с высокой плотностью населения не было возможности выносить все подобные объекты, иначе карта будет перегружена. В таких случаях для репрезентативности на полотно карты выносились поселения с наибольшим количеством дворов либо имеющие большее промышленное значение.

Сюда же могут быть отнесены карты, добавленные в энциклопедический словарь издания Ф. А. Брокгауза (Лейпциг) и И. А. Ефрона (Санкт-Петербург), обычно в масштабе 40 верст в одном дюйме. Однако их общая характеристика едва ли возможна, так как их вид менялся в зависимости от одного исполнителя к другому. Так, на карте Тамбовской губернии помимо традиционного изображения рельефа штриховкой указывались горизонталы с упрощенной системой высот — выше, ниже и на уровне 80 сажень. На карте Орловской губернии рельеф не показан, однако имеются границы чернозема с различным составом гумуса. Как видно, здесь проявлялось не только многообразие региональных особенностей, но и стиль работы отдельных картографов, которые вносили свои акценты. Изолинии в 80 сажень на карте Смоленской губернии хорошо выделяли речные долины, однако карты подобного рода были мало пригодны для ориентации в административном делении — уездные и окружные границы с зеленой обводкой терялись на фоне лесных пятен и путей сообщений, из-за чего контуры отдельных уездов плохо выделялись из общего пространства губернии.

Довольно нетипичным картографическим источником является сборник Статистического комитета Министерства внутренних дел «Волости и населенные места» 1893 г.¹² Сборник содержит схемы губерний с разделением на волости. Несмотря на отсутствие координатной сети, схемы позволяют внести ряд корректив в административные границы, которые не могут быть учтены при использовании обычных карт.

Несмотря на то, что «Специальная карта» является базовым источником для составления цифровой карты по Российской империи, документальное обоснование административного деления,

¹² Волости и населенные места 1893 года. СПб., 1893–1896.

а также изменения административных границ в рамках выбранного хронологического диапазона производились на основе источников официального происхождения, в первую очередь — «Полного собрания законов» Российской империи. Законы, относящиеся к изменению административного деления, фиксируют образование новых губерний и уездов, перенос административных центров из одного населенного пункта в другой, объединение или ликвидацию административных единиц, переход тех или иных территорий из одного региона в другой. Сведения из ПСЗ преимущественно были использованы из приложения к работе В. И. Дэна по населению России¹³.

Высокой информативностью отличается семитомное издание «Городские поселения», составленное в 1860 г. сотрудниками Министерства внутренних дел¹⁴. Статьи сборника опираются на богатый документальный материал, в котором даются сведения по истории, экономике и демографии всех городских поселений России. На основе «Городских поселений» были установлены нижние хронологические границы актуальности населенных пунктов. В отдельных случаях материалы сборника могут быть задействованы в атрибутивных таблицах. Отметим также, что в статьях по городам содержится информация по их внутренней топографии, что может оказаться полезным при создании картографических работ крупного масштаба.

К числу комплексных, всеохватывающих источников как в пространственном аспекте, так и в полноте сведений относится «Полное географическое описание нашего отечества»¹⁵, изданное в 1899–1914 гг. под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского. Каждый том был посвящен конкретному региону Российской империи. Применительно для задач по созданию картографической основы сведения из «Полного географического описания...» позволяют внести уточнения в характеристику топографических условий, а также более полно охарактеризовать те или иные регионы в тексте пояснительной записки.

Среди других справочных изданий общего характера привлекались сведения из «Географическо-статистического словаря Российской империи», изданного в 1863–1885 гг. под редакцией того же П. П. Семенова-Тян-Шанского¹⁶.

Для оценки картографических источников и конкретизации приемов их использования привлекались сведения из работ по истории картографирования XVIII–XIX вв. Первое место среди них занимает монография Г. Зондервана «Географическая карта» 1909 г.¹⁷ Этот уникальный труд в полной мере освещает все основные картографические аспекты начала XX в. Особый интерес представляет восьмая глава, подготовленная специально для русского издания П. Воляровичем, «Работы по картографии России». В этой главе содержится исторический очерк русской картографии, постепенно переходящий в обстоятельные характеристики ряда картографических работ — начиная от «Атласа» Кириллова и «Атласа» 1745 г. до современных топографических и специальных карт. В качестве приложения к главе в русском издании опубликовано несколько сводных листов основных многолистных карт территории России.

Некоторые дополнения к историческому обзору русской картографии вносит книга Ю. М. Быковского «Картография: Исторический очерк». Помимо перечисления картографических работ в монографии содержатся указания на преобладающие тенденции при исследовании и картографировании местности, как, например, использование плановых фотографий.

¹³ Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. 1. Приложение 3: Изменения в административном разделении России за время с 1775 по 1897 год. С. 243–376; Статистический временник Российской империи. СПб., 1887. Сер. 3. Вып. 19: Указатель изменений в распределении границ административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 г.

¹⁴ Городские поселения в Российской Империи. СПб., 1860–1863. Т. 1–7.

¹⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: [в 19 т.] / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. СПб., 1899–1914. Т. 1–11.

¹⁶ Географическо-статистический словарь Российской Империи / сост. П. Семенов, при содействии В. Зверинского, Р. Маака, Л. Майкова, Н. Филиппова и И. Бока. СПб., 1863–1885. Т. 1–5.

¹⁷ Зондерван Г. Указ. соч.

ОЦЕНКА ИСТОРИКО-КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ИЗУЧЕННОСТИ

Для построения ретроспективной карты, которая охватывает значительное пространство, недостаточно следовать по простому пути векторизации картографического источника, поскольку таких источников много, они разнообразны и по методике исполнения, и по качеству и точности используемых данных. Это обстоятельство значительно влияет как на общее содержание картографической основы, так и на методику работы с картографическими материалами. Поэтому необходимо произвести их качественную оценку для последующего использования, в том числе — для привязки к цифровой модели карты. Для этого была разработана схема географической изученности европейской части России.

Ю. Шокальский по ряду источников составил схему «обследованности суши» всей территории Земли (опубликована в издании книги Г. Зондервана «Географическая карта»)¹⁸. В соответствии с этой схемой, большая часть европейской России была покрыта инструментальными съемками; точные съемки велись на приграничных и прибрежных территориях; север и северо-восток по изученности включены в группу «подробных географических карт». Территории Сибири и Дальнего Востока попадают в группу «общих географических карт». Как отмечает сам Ю. Шокальский, 80 % территории Европы к началу XX в. была снята уже с достаточной точностью, в то время как многие территории других континентов по-прежнему были малоизучены.

Более информативной является схема изученности, составленная Э. А. Каверским и приложенная к его докладу на Первом Всероссийском съезде деятелей по практической геологии и разведочному делу, прошедшему в 1903 г. в Санкт-Петербурге. Площадные характеристики изученности территории разделены на следующие показатели: области точных съемок полуверстового масштаба; территории с инструментальной съемкой; области сплошных рекогносцировок и маршрутной съемки; съемки, произведенные соединенными средствами Военного и Межевого ведомств. Также на схеме указаны области триангуляций и базисов, точки футштоков и мареографов и другие сведения.

Преимущественно подобные схемы и картограммы составляются для прикладных целей: на их основе ставятся задачи по постановке новых картографических съемочных работ, оценивается прирост изученности территории за конкретные периоды. Однако нас они интересуют чисто в источниковедческом аспекте — насколько та или иная территория была обеспечена топографической изученностью, что, в свою очередь, позволяет дать качественную оценку отдельных листов многолистных топографических карт.

Схема Э. А. Каверского была положена в основу исторически ориентированной картограммы изученности (см. цв. вклейку, рис. 1). Помимо объектов, фигурирующих на схеме, в состав картограммы были включены контуры территории, по которым составлены планы Генерального межевания (в цифровой модели они не были задействованы напрямую, но их материалы фигурируют в картографических источниках), разграфки сборных листов многолистных карт, в том числе карты Стрельбицкого; области проведения топографических съемок и других видов изучения местности по отдельным годам на основе отчетов РГО.

К наиболее изученным, а следовательно, более обеспеченным картографическими источниками, относятся приграничные территории, береговые линии, устья рек и их судоходные участки, окрестности крупнейших населенных пунктов, линии важнейших путей сообщений. В основном это касается картографических работ среднего и крупного масштаба, которые могут быть учтены при построении картографических материалов.

Благодаря схеме изученности мы можем не только отобрать интересующие нас источники по конкретному региону и оценить их качество, но и сформулировать источниковое ядро для проведения среднемасштабных картографических работ.

¹⁸ Быковский Н. М. Картография: исторический очерк. М.; Пг., 1923.

ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ

При работе с цифровой моделью карты авторы придерживались программно-независимого подхода, подразумевающего отсутствие привязанности ресурсов карты к функционалу конкретных модулей тех или иных программных средств. Формат и структура цифровой модели создавались таким образом, чтобы ее целевое использование было возможным в рамках любого среднего ГИС-редактора. Конечно, специфика геоинформационных систем исторической тематики подразумевает использование более сложных функций, чем со стандартными ГИС, однако в случае с картографическими основами важнее сохранить технологическую маневренность и возможность использования данных в различных программных средах.

Материалы карты содержатся в виде единой цифровой модели (ЕЦМ), состоящей из структурированных каталогов и содержащихся в них материалов по тому или иному блоку (см. приложение). Концепция ЕЦМ состоит в том, что любая тематическая нагрузка на карту, то есть добавление конкретных фактографических материалов, осуществляется в рамках одного проекта с общей географической основой. Любые изменения картографического ядра или дополнения к нему будут отражены в рамках всего проекта карты. Тем самым соблюдается унитарный подход к историческому пространству, подчеркивается взаимосвязь историко-географических процессов и явлений. Наличие единой цифровой модели позволяет не создавать каждый раз карту заново под конкретную исследовательскую задачу, а дополнять уже существующий ГИС-проект тематической нагрузкой и комбинировать данные с уже имеющимися сведениями. Таким образом, ЕЦМ является не только базовым картографическим материалом, но и конструктором по созданию новых карт.

Здесь можно было бы пойти дискретно по блокам карты, сформулировав отдельные требования к проработке гидрографии, населенных пунктов, границ административно-территориального деления (АТД), путей сообщения. Однако изолированное определение гидрографических объектов, которые должны быть отражены на карте, не представляется возможным без увязки с другими ее содержательными частями. Если на макет карты будут вынесены все водотоки местности, он будет перегружен, к тому же ориентация в самих реках будет затруднена в силу их многочисленности. Необходим отбор, при этом обоснованный и согласованный с другими картографируемыми объектами.

Выделим основные подходы к региональному историческому картографированию:

- 1) комплексное картографирование: все элементы выносятся на одну карту;
- 2) основное содержание выносится на общую географическую карту региона; административное деление показывается в виде отдельной схемы;
- 3) основное содержание карты — административная карта региона; географические условия размещаются на отдельной сопровождающей карте.

Чаще всего используется первый подход в силу своей универсальности, однако он имеет ряд недостатков.

Выбирая определенный подход к построению карты региона, мы определяем и ее семантику. Поскольку цвет сплошной полигональной заливки должен отдаваться основной теме карты, то в случае с акцентом на административное деление цветные полигоны будут отображать административные единицы; для общегеографической карты цвет служит для указания высот рельефа или используется для отображения растительности.

При проработке исторической пространственной модели важно наметить конкретные целевые уровни изучения картографируемой территории. Уровень историко-географической изученности не отражает проработанность территории по конкретным исследовательским направлениям. Это показатель того, насколько хорошо известна конкретная территория в рамках заданного периода. Основной критерий изученности — локализация населенных пунктов. Дополнительные критерии изученности: административное деление и пути сообщений. Всего выделяется четыре уровня:

1. *Базовый уровень.* Административные границы I–II порядка. Наиболее значимые населенные пункты (центры административных единиц, крупнейшие города); мелкий масштаб.
  2. *Общий уровень.* Административные границы I–II порядка и их детальная динамика. Все населенные пункты городского уровня, культовые и научные центры; общая конфигурация основных путей сообщений; мелкий и средний масштабы.
  3. *Детальный уровень.* Административное деление I–III порядка, относительная локализация населенных пунктов всех уровней; абсолютная локализация значительной части особенностей топографических условий. Средний масштаб.
  4. *Населенные пункты всех уровней с развернутой типологией и атрибуцией.* Уровень освоения территории и использования природных ресурсов, высокая детальность топографических условий, актуальных картографируемому периоду. Средний и крупный масштабы.
- Единая цифровая модель создавалась с ориентацией на общий и базовый уровни с тем, чтобы иметь возможность наращивать детализацию на имеющемся наборе данных.

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТЫ

В содержательном отношении структура исторической карты состоит из следующих трех компонентов: общая топографическая основа, конкретно-историческая топографическая основа и фактографическая часть. Первые два блока составляют картографическую основу карты, которая является базовым и активным компонентом карты, а вовсе не фоновым графическим сопровождением. Помимо характеристики топографических условий основа карты связывает и обосновывает ее тематическое содержание.

Основная проблема карт отдельных административных образований — баланс между доступной и необходимой информацией. Отсюда возникает одна из главных методических задач обзорного картографирования — отбор объектов. К установленным группам отбора относятся: реки, в долинах которых расположены населенные пункты, фигурирующие на карте; реки и другие водные объекты, задающие границы административно-территориального деления картографируемой области; судоходные реки и другие водотоки, входящие в систему путей сообщений; реки, притоками которых являются выше перечисленные. Также выносятся каналы, выраженные в масштабе карты. Как видно, актуализация общегеографической основы не может быть проведена в полной мере до внесения конкретно-исторических объектов.

Проблема последовательности отображения слоев также не настолько проста, как это может показаться, если иметь в виду возможности переключения видимости слоев и их перемещения. Оптимальный подход к структурированию слоев цифровой модели позволяет добиться ряда преимуществ: повышается общая изначальная читаемость карты; становится возможной высокая информационная насыщенность карты без риска ее перегруженности. Очередность картографических слоев определяется типом объекта и его принадлежностью к конкретному содержательному блоку цифровой карты.

Типы объектов:

- площадные с заливкой — 1а;
- площадные со штриховкой или крапом — 1b;
- площадные без заливки — 1с;
- линейные — 2;
- точечные — 3;
- надписи — 4.

Блоки:

- общая топографическая основа — ОТ;
- конкретно-историческая топографическая основа — КИТ;
- тематическая фактография — ТФ.

Рекомендуемая последовательность размещения элементов выглядит следующим образом:

- надписи (4);
- точечные знаки (ТФ-3);
- точечные знаки (КИТ-3);
- линейные знаки конкретно-исторической основы (границы) (КИТ-2);
- площадные объекты без заливки (ТФ-1с);
- линейные знаки общей топографической основы (реки, каналы) (ОТ-2);
- площадные знаки с крапом и штриховкой (ТФ-1b);
- площадные знаки с заливкой (ТФ-1a);
- полигоны морей и океанов (ОТ-1a);
- цифровая модель рельефа (ОТ-1a).

МАСШТАБ КАРТЫ, ОБЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА, ТРЕБОВАНИЯ К НЕЙ И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ

Масштаб карты не только является частью ее математической основы; его выбор в значительной степени определяет содержание картографической основы, уровень ее детальности, точность локализации, структурирование объектов картографирования. При определении базового масштаба следует учитывать: каково целевое назначение и тематика карты; территориальный охват картографируемого региона; характер изученности территории; информативность используемых источников; наличие картографических работ более крупного масштаба; плотность картографируемых объектов. Так, если предполагается решение задач по локализации населенных пунктов, установлению границ административного деления, изучению характера расселения, то предпочтительно использовать средний масштаб. Для значительных по площади территорий могут потребоваться карты мелкого масштаба. Неравномерное распределение объектов и их большие скопления в отдельных регионах создают запрос на использование карт-врезок наряду с обзорными картами. Отсюда происходит и выбор источников, необходимых для построения карты.

Базовый масштаб построенной нами карты соответствует 1:1 000 000. Выбор нижнего порога мелкого масштаба обусловлен следующими соображениями. Использование более мелкого масштаба представляется малопродуктивным, так как это приведет к значительному снижению детальности карты, ее контуры будут чрезмерно генерализованными и ее прикладное значение снизится. С другой стороны, если возникнет вопрос о печати картографической основы, то масштаб все же необходимо будет уменьшить до 1:2 500 000 без существенных изменений в содержании карты. Более крупный масштаб также создает ряд проблем. Во-первых, при нынешнем уровне изученности территории Российской империи невозможно создать равномерную по достоверности и детальности карту европейской части России: одни территории будут визуализированы более подробно, другие будут иметь значительные пропуски. Отсюда вместо единой картографической основы мы получим ряд дискретных региональных карт. Во-вторых, что касается административных границ, то они могут быть актуальны и в масштабе 1:100 000, однако остальные слои карты актуализированы именно с ориентацией на базовый масштаб, поэтому приближение к более крупному масштабу требует дополнительных работ по отдельным регионам. Таким образом, благодаря охвату мелкого и среднего масштабов, карта может быть использована как для обзорных работ, так и для исследований по отдельным регионам. Детальность на уровне 500 000-го масштаба — удобный рубеж для продвижения к более крупномасштабным проектам, которые в дальнейшем позволят уточнить и дополнить содержание представленной карты.

Конечно, при создании цифровой карты проблема перегруженности не стоит так остро, однако она может возникнуть на этапе подготовки карты к печати или ее адаптации для вывода тематических слоев, читаемость которых может пострадать от большого количества объектов на карте. Кроме того, задача характеристики территории через выведение репрезентативности объектов, демонстрация неравномерности их размещения остаются актуальными и в современной картографии.

Соответственно выбранному базовому масштабу осуществлен отбор объектов картографирования и адаптация топографической основы.

Если отталкиваться от следующей шкалы масштабов:

- крупномасштабные карты — крупнее 1:200 000;
- среднемасштабные карты — от 1:200 000 до 1:1 000 000;
- мелкомасштабные карты — 1:1 000 000 и мельче,

то большая часть региональных карт исторического содержания применительно к европейской части России будет размещаться в диапазоне от среднего масштаба до нижних показателей мелкого (см. цв. вклейку, рис. 2).

Таблица

Проработка исторических карт по масштабам

Виды объектов	Крупный масштаб	Средний масштаб	Мелкий масштаб
Целевое назначение и исследовательские проблемы	Планировка населенных пунктов, реконструкция исторических ландшафтов	Локализация населенных пунктов, характер и типология расселения, установление границ административных единиц, характер освоения местности	Характеристика и развитие регионов, распространенность явлений и процессов, генерализация материалов более крупного масштаба
Источниковая база	Топографические карты актуального масштаба, дешифрованные материалы дистанционного зондирования Земли, картографические источники актуального масштаба, тематические карты, данные геофизической съемки, памятники материальной культуры	Топографические карты актуального масштаба, дешифрованные материалы дистанционного зондирования Земли, картографические источники актуального масштаба, тематические карты, памятники материальной культуры	Результаты картографирования среднего масштаба, общая топографическая основа
Объекты гидрографии	Выносятся все, без разгрузки	Выносятся все, которые могут быть показаны в масштабе карты	Показывается общее направление и морфология крупных рек и их основных притоков
Ландшафтные области	В цифровой модели карты должны содержаться все объекты ландшафта, доступные для изучения по наличным источникам		Основные объекты ландшафта площадного распространения — пустыни, болота, солончаки, лесные массивы — выносятся на тематические карты и топографические основы
Отдельные объекты топографии	Показываются в полном объеме в соответствии с источниковой базой	То же	На полотне карты не выносятся. Могут быть учтены на отдельных тематических картах, в которых задействованы по фактографическому содержанию (мысы, бухты, перевалы, проливы)

Продолжение таблицы

Виды объектов	Крупный масштаб	Средний масштаб	Мелкий масштаб
Рельеф	Цифровая модель рельефа и абсолютные отметки высот отображаются полностью	На карту выносятся основные точки высот, линии хребтов, основные изолинии рельефа, обозначающие его направленности и крутизну склонов	Рельеф показывается только на тематических картах
Населенные пункты	Показываются все типы поселений, актуальные картографируемому периоду. Условные обозначения предпочтительно отображаются в масштабе карты (полигональной темой), если позволяет источниковая база	На карту выносятся все города, крупнейшие сельские поселения, центры административных единиц III порядка, а также другие населенные пункты, имеющие особое значение с точки зрения тематического наполнения карты	Показываются только крупнейшие населенные пункты, столицы, административные центры I порядка (губерний и областей), в отдельных случаях — II порядка. Для обозначения используются внесмасштабные знаки
Административные границы	Показываются границы административных единиц всех уровней	Показываются государственные границы и границы административных единиц I–III порядка в полном объеме. Надписи преимущественно выносятся для областей II порядка	На полотно карты выносятся все государственные границы и административные границы I порядка, на отдельных тематических картах могут быть учтены административные границы II порядка. Административные области I порядка могут быть подписаны, II порядка — обозначены числовыми индексами
Пути сообщений	Показываются все типы путей сообщений с максимальной дифференциацией, доступной по наличной источниковой базе. Железнодорожные и почтовые станции показываются без разгрузки	Показываются пути сообщений с допустимой генерализацией. Железнодорожные и почтовые станции показываются без разгрузки	На полотно карты выносятся наиболее значимые дорожные пути, шоссе, тракты, железные дороги, морские пути сообщений, крупнейшие каналы, на тематических картах — судоходные участки рек
Объекты инфраструктуры	На топографической основе показываются в полном объеме, однако могут быть разгружены в зависимости от тематического назначения карты	Объекты, связанные с путями сообщений (маяки, мосты, гавани), энергетикой и производством, предпочтительно показывать в полном объеме. На тематических картах возможна разгрузка	Выносятся только на тематических картах

Населенные пункты и их классификация. Важнейший принцип организации данных в цифровой карте ГИС-формата состоит в следующем: объекты одной группы с общей атрибуцией должны располагаться в одном тематическом слое. Смысл в том, чтобы данные по картографируемым объектам содержались в единой атрибутивной таблице, что значительно упрощает работу с ними: сортировку, выборку и любые другие формы обращения к ним. Типологическое разнообразие объектов реализуется с помощью служебных атрибутов. Так, вместо создания отдельных слоев

для уездных и губернских городов, все населенные пункты объединяются в один слой, в котором атрибут `I_code` определяет принадлежность объекта к конкретной группе:

- 1) города столичного значения или подчиненные градоначальникам;
- 2) города губернского значения;
- 3) города уездного значения;
- 4) заштатные города;
- 5) крупные населенные пункты без городского статуса;
- 6) населенные пункты прочих групп (поскольку картографическая основа ориентирована на мелкий масштаб, сельские населенные пункты на ней не должны фигурировать, однако отдельные значимые объекты — к примеру, позволяющие избежать искажений в оценке заселенности территории — могут быть отмечены).

Отдельной группой становятся незакодированные объекты, чей атрибут `I_code`, таким образом, приравнивается к значению «0». Список выше ориентирован в первую очередь на мелкомасштабные карты, на которых подобные объекты не выносятся, но на уровне чуть более крупном — губернском или региональном — этот номинально отсутствующий код присваивается прочим населенным пунктам без ярко выраженной функциональной окраски. В то время как объекты, обладающие функциональной окраской (монастыри с прилегающими поселениями, погосты, отдельные крупные заводы и т. д.) образуют шестую группу на среднемасштабных картах.

Фактически атрибут `I_code` определяет и тип объекта, и его отображение в виде конкретного условного обозначения.

Тот же принцип реализован и в построении административных границ: они также содержатся в одном слое, а атрибут `I_code` определяет порядок административного статуса границы: границы первого порядка (государственные), границы второго (губернские и областные) и третьего порядка (уездные или окружные). Для построения полигонов губерний нужно задействовать границы первых двух порядков, для уездных — всех трех.

Необходимо определить основные атрибуты для базовых объектов исторической цифровой карты. Имея в виду огромное разнообразие всех возможных параметров объектов, наиболее рационально отказаться от внедрения этих параметров непосредственно в состав цифровой карты в виде атрибутов. В противном случае атрибутивная таблица будет перенасыщена полями; мало того, поскольку каждый атрибут должен быть обоснован источниками, понадобятся служебные атрибуты для ссылок; наконец, остается проблема с динамикой — каждый параметр изменяется во времени, у каждого значения — свой хронологический диапазон актуальности. Оптимальное решение — предусмотреть несколько слоев, в которых к идентичным объектам применялись бы разные значения атрибутов соответственно хронологическому отрезку и источниковой базе. Однако этот вариант приведет к структурному усложнению цифровой модели карты и нарушит принцип содержания однородных объектов в одном слое. Более оправданным представляется использование внешних связанных таблиц, которые ассоциируются с атрибутивными таблицами через атрибут `id`. «Один источник — одна связанная таблица» — при таком подходе мы получаем набор дискретных внешних данных, которые могут быть подключены в зависимости от решаемых задач. Значительно облегчается и сравнение данных, изучение их динамики: при соединении нескольких таблиц с помощью калькулятора поля мы можем произвести необходимые манипуляции и синтезировать новые данные.

Таким образом, базовая атрибутивная таблица практически полностью разгружается от многочисленных полей, в ней остаются лишь два обязательных параметра:

- `id` — уникальный идентификатор объекта;
- `I_code` — атрибут, определяющий типологическую принадлежность объекта и его графическое отображение на карте.

Помимо базовой таблицы атрибутов ГИС-проект включает ряд других таблиц, которые являются компонентами цифровой модели карты, не будучи прямо ассоциированы с картографируемыми

объектами. К ним относятся классификаторы и справочники источников, по которым строилась карта; типологические справочники населенных пунктов; справочники атрибутов, топонимов. Основное назначение сопровождающей базы данных — не дублировать данные, содержащиеся в ЕЦМ исторической карты, а дополнять и обосновывать их.

Есть еще два базовых атрибута, которые были задействованы, чтобы реализовать хронологическую адаптацию картографического материала под конкретную дату. Это `date_f` и `date_l` — даты нижней и верхней хронологической актуальности объекта, то есть интервал его существования в историческом пространстве. Определение этих дат для населенных пунктов — вопрос методический, однако для тех из них, которые появились уже в Новое время, даты возникновения могут быть установлены с достаточной точностью.

Также для большинства объектов фактографического значения необходимо было предусмотреть и номинативный атрибут, который облегчал бы идентификацию объекта при использовании карты и обеспечивал бы вывод надписей.

Относительно хронологического охвата можно выделить несколько основных вариантов решения базового картографического определения:

- карта как итог развития региона;
- карта как инвариантное представление региона;
- карта как состояние региона в конкретный хронологический момент.

Существуют также промежуточные или комбинированные подходы к отображению, которые являются производными от трех основных.

Карта как итог развития региона концептуально наиболее близка к классическим общегеографическим картам: состояние территории показывается по верхней границе хронологической шкалы.

Инвариантное представление региона подразумевает картографирование тех объектов, которые оставались стабильными в пространственном и типологическом отношении на протяжении большей части картографируемого периода. Обозначенный на карте населенный пункт считается актуальным для всего хронологического интервала карты, соответственно, для нее требуется особый отбор объектов.

Карта региона на конкретный хронологический срез легче реализуется методически и обычно является результатом обработки конкретных картографических источников, однако ее построение с точки зрения взаимодействия с другими материалами является наименее гибким решением, так как сразу же возникает потребность охвата соседних хронологических диапазонов. В то же время карта на отдельную дату может служить основой для построения более сложных пространственно-хронологических моделей.

В выборку на карту регионального уровня общей детальности попадают:

- центры административных единиц;
- заштатные города, не имеющие статуса центров административных единиц;
- населенные пункты с особым административным статусом (местечки, слободы);
- населенные пункты, постоянное число жителей которых превышает заданный порог, который может быть определен по средней населенности административных центров;
- крупнейшие сельские поселения, определяющие характер освоения территории;
- мелкие сельские поселения, характеризующие освоенность малозаселенных территорий;
- дорожные узлы и конечные пункты подъездных путей;
- действующие фортификационные объекты регионального значения (крепости, форты);
- региональные культовые центры вне основных населенных пунктов;
- промышленные объекты вне основных населенных пунктов (заводы, районы добычи природных ресурсов).

В этом перечне смешиваются три признака населенного пункта — *населенность*, *административный статус* и *функциональное значение*. Причем функциональность применима для последних трех групп, поэтому они выбывают из общей классификации и получают автономные позиции в легенде карты. Дорожные центры в этом смысле являются своеобразным исключением:

для них значение в системе путей сообщения служит критерием отбора, но отображение на карте будет определено статусом самого населенного пункта. То же самое относится и к критерию населенности. Конечно, в реальности разделение этих признаков в историческом пространстве не будет столь значительным, однако многие примеры заставляют внимательнее относиться к обозначенным признакам населенных пунктов, которые должны быть включены в отображаемые объекты на карте. Так, в Перекопском уезде Таврической губернии уездный центр уступал своему пригороду, Армянскому базару, в населенности, а крупный железнодорожный центр — Джанкой — по значимости заметно превышал Перекоп.

В итоге мы получаем следующий перечень:

Городские населенные пункты:	Города столичного значения и центры градоначальств Административные центры I порядка — губернские и областные города Административные центры II порядка — уездные и окружные города Заштатные города («безуездные» города), пригороды
Сельские населенные пункты:	Крупные сельские поселения Малые сельские поселения
Функциональные объекты с постоянным или временным населением:	Монастыри, заводы, крепости

Семантика объектов на карте должна четко отражать их положение в классификации и значимость для картографируемого региона. На общегеографических картах современного вида тип населенного пункта обычно совмещается с его населенностью, однако для исторических карт этот подход малоприменим: показатель населения можно задействовать лишь для отдельных хронологических срезов; к тому же он фактически является тематической нагрузкой для карт определенного содержания. Кроме того, зачастую региональная историческая карта создается для значительного хронологического диапазона, так что группировка объектов по населенности теряет смысл. Это не отменяет вместе с тем важность показателя численности населения как критерия включения объекта в состав карты.

Стоит обозначить некоторые рекомендации по номинации населенных пунктов. Номенклатура населенных пунктов приводится в единой системе, будь то перечень, официальное постановление, картографический источник или другой носитель названий объектов. В состав названий на карте не включаются типологические атрибуты населенного пункта (кроме случаев, когда обозначение, некогда служившее атрибуцией, со временем превратилось в неотъемлемую часть названия), поскольку типологическое определение объекта уже заложено в его условном обозначении. Также атрибутивные элементы названия («Большой», «Нижний», «Новый» и т. д.) не подлежат сокращению — это затрудняет как общую идентификацию объекта, так и его поиск в базе картографируемых объектов. Другие формы названий, актуальные для картографируемого периода, могут быть указаны в скобках, что особенно актуально для сельских поселений, которые могли иметь несколько параллельных топонимов.

Для более гибкой настройки отображения объектов слоя в различных масштабах может быть предусмотрен атрибут *scale*, значение которого будет определять, на каком уровне масштаба объект выносится на карту. Этот атрибут может быть использован для тех населенных пунктов, к которым не может быть применен обычный типологический классификатор или отбор по числовым показателям.

Административное деление. Объекты административного деления представлены двумя основными группами: полигональные объекты административно-территориальных единиц и линейные объекты их границ.

Элементы административного деления нуждаются в согласовании с общей географической основой: участки границ, увязанные с географическими объектами, должны повторять их морфологию и совпадать с их контурами. Соответственно, уровень точности и генерализации границ не может расходиться с теми же показателями картографической основы.

На отображение границ влияет не только уровень их вложения, но и взаимодействие с элементами картографической основы. Поэтому условные обозначения для административного деления обычно имеют двухсоставный вид: сплошная линия обводки определенного цвета и штрихпунктирная линия. На тех участках, где граница идет по географическому объекту или совпадает с береговой линией, используется только линия обводки. Отсюда возникает потребность в значениях служебного параметра, которые определяли бы характер отдельных участков применительно к картографической основе:

1. Участок границы по открытой территории.
2. Участок границы по водному линейному объекту.
3. Участок границы по береговой линии площадного водного объекта.
4. Участок границы по внутренней территории площадного водного объекта.
5. Участки границы, ассоциированные или совпадающие с путями сообщений, линиями укреплений и другими объектами инфраструктуры, выраженными в масштабе карты.

Полигональные объекты фактически являются производными от линейных объектов, соответственно, к ним относятся все перечисленные требования.

Атрибуция площадных административных единиц в целом повторяет атрибуцию населенных пунктов, допускается отличие лишь в наименовании на карте: в названиях полигональных объектов допустимо использовать сокращения («губ.» вместо «губерния» и пр.).

ГЕОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОДЕКС

Обязательный компонент картографической основы, ориентированной на период Нового и Новейшего времени, — государственные границы и границы административных единиц. При этом объекты административно-территориального деления (АТД) не только являются одним из содержательных слоев карты, но и скелетом для добавления тематических данных, так как многие сведения в источниках привязаны именно к административным единицам. Составление полигональной темы АТД на конкретный хронологический срез не составляет особой проблемы с точки зрения методики. С другой стороны, подобная картооснова, жестко привязанная к одной дате, сразу потребует адаптации, если понадобится отобразить картину по другому хронологическому интервалу. Исторически ориентированная обзорная карта должна охватывать значительный временной диапазон, чтобы возможно было ее использовать для различных дат, отображать динамику исторических процессов.

Каковы пути представления административно-территориального деления в рамках цифровой карты в широком хронологическом диапазоне? Решение классической картографии состоит в построении нескольких карт по опорным датам, в которые произошли наибольшие изменения в АТД, например, 1775, 1785, 1796, 1799 и другие. Этот вариант вполне пригоден для создания традиционного атласа, однако сразу видны его недостатки. В содержательной части мы пропускаем ряд частных изменений, которые не попадают в осевые даты, как в случае с разделением Астраханской губернии в 1802 г. на Астраханскую и Кавказскую. Другой пример — многочисленные перераспределения уездов и их отдельных частей между губерниями. Все подобные перемены в границах придется отображать как дополнительные контуры, выходящие за пределы опорных дат. Очевидно, что работать с подобным материалом в рамках цифровой карты в формате ГИС не представляется возможным.

Другой вариант состоит в построении всех возможных вариантов полигональных объектов по административным единицам. Преимуществом подобного подхода является возможность формирования картографической основы на любую дату в рамках актуального хронологического

диапазона цифровой модели с помощью выборки по хронологическим атрибутам. Однако обратной стороной является существенная информационная перенасыщенность. Например, границы Архангельской губернии с 1780 до 1917 г. менялись семь раз, соответственно, для нее потребовалось бы семь полигонов. При этом большая часть границ этих полигонов остаются неизменными; следовательно, мы многократно дублируем пространственную информацию.

Обойти эту проблему возможно, если исходить из положения, что главная пространственная информация содержится не в полигональных объектах, а в границах между ними. Вместо того, чтобы создавать все возможные варианты полигональных объектов с общими границами, мы формируем все границы между ними, в результате чего получаем возможность собрать полигоны на любую интересующую нас дату.

Для решения проблемы отображения административного деления и его эволюции был разработан вспомогательный инструментарий, изначально охватывавший те же временные рамки, что и весь проект (на текущий момент его границы раздвинулись в обе стороны) — геохронологический кодекс административно-территориального деления Российской империи 1775–1913 гг. (Кодекс АД РИ). Кодекс содержит в себе индексацию всех административно-территориальных единиц I–II порядка (губерний, областей, уездов и округов), даты актуальности их границ и ссылку на соответствующий источник. Геохронологический кодекс позволяет отобразить из цифровой модели карты административные границы, соответствующие той или иной дате, и собрать из них полигональные объекты, соответствующие губерниям и уездам.

Основным источником построения кодекса АД РИ послужило «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ), пространственные данные формировались на основе картографических источников, указанных выше.

Для корректной работы этого механизма необходимо было провести индексацию административно-территориального деления России. Прежде всего были определены уровни административного деления. Первый уровень идет сразу после государственного образования и соответствует губерниям и областям, второй уровень входит в состав первого и включает в себя уезды и округа. В случае с провинциями и областями второй половины XVIII в. уровень может быть смещен в ту или другую сторону. Для идентификации губерний недостаточно опираться только лишь на название, поскольку многие из них были переименованы без упразднения прежней губернии, как это было с Харьковской (Слободско-Украинской). Поэтому для них предусмотрен составной индекс.

Первая часть индекса административных единиц I порядка представляет собой номер губернии или области, который присваивается ей и остается неизменным на протяжении всего ее существования. Вторая часть — римское число, определяющее конкретную пространственную конфигурацию административной области. Проиллюстрируем это на примере Новгородской губернии. Полный индекс ее первой пространственной конфигурации — 33-I; 33 — порядковый номер губернии в общем списке, I — ее первоначальные границы на момент создания Новгородского наместничества (1776). В 1787 г. от Новгородского наместничества к Санкт-Петербургской губернии присоединена вся Олонецкая область и Новолодожский уезд. Соответственно, индекс региона после этих территориальных перестановок будет обновлен, что отразится на второй его половине: 33-II. В свою очередь, Санкт-Петербургская губерния также претерпевала изменения, и к 1787 г. индекс ее пространственной версии уже составляет 48-V. Таким образом, индекс общей границы между Новгородской и Санкт-Петербургской губерниями будет иметь следующий вид: 33-II:48-V.

Эта граница оставалась актуальной до 1799 г., когда последовало разделение Олонецкой губернии. Таким образом, из составного индекса мы можем извлечь информацию о губерниях, между которыми проходила граница, их конкретные пространственные версии и, соответственно, хронологический интервал актуальности этой границы.

Очевидно, что для внешних, государственных границ индекс должен содержать только указатель на одну губернию или область.

Возвращаясь к названию административных единиц первого порядка, обозначим, что в геохронологическом кодексе и цифровой модели карты названия рассматриваются лишь как номинативный атрибут полигонального объекта. В таблицу самого кодекса они также включаются, но главным образом для облегчения ориентирования в таблице. В качестве базовых названий указаны те из них, которые просуществовали наибольший интервал времени.

В тех случаях, когда конфигурация границы оставалась неизменной, а сами губернии претерпевали изменения (название, губернский центр), индексы всех ассоциированных с этой границей губерний добавляются к составному идентификатору этой границы. Например, граница между Минской и Киевской губерниями оставалась стабильной за весь интервал актуальности цифровой модели карты — с 1780 по 1917 г. Однако со стороны Киевской губернии происходили значительные изменения: до 1781 г. южное ребро границы принадлежало Малороссийской губернии, которое перешло затем в Киевское наместничество, а с 1796 г. — снова в Малороссийскую губернию. Геометрия объекта не менялась, однако его принадлежность демонстрирует высокую динамику, поэтому в его индексе должны быть отражены все эти изменения: 28-I, 20-I, 20-II, 20-V. Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что индекс может отражать и изменения внутри отдельно взятой административной единицы — в таком случае к арабской и римской цифрам прибавляется латинская буква, счет которых обнуляется после обновления показателя внешних, межрегиональных изменений (то есть, если после 1-I С идет 1-II, то следующее изменение внутри самого региона 1 будет обозначено вновь как А, 1-II А, а не 1-II D).

Несколько иначе разрешаются те случаи, когда контуры границ между губерниями имеют хронологический провал, что может произойти, если одна из губерний упразднялась, а затем снова была восстановлена, как это происходило, например, с Пензенской и Олонецкой губерниями. Здесь применение сложного индекса внесет путаницу, так как ему нельзя задать корректные хронологические атрибуты. Для подобных ситуаций в цифровой модели контуры временно упраздненной АТЕ сохраняются отдельно с присвоением им собственных индексов и хронологической атрибуцией, но без включения в пул собирающихся в полигон линий.

Индексация административных единиц второго порядка — уездов и округов — осуществляется путем присвоения простых числовых индексов без привязки таковых к единицам I порядка. Индексы губерний и областей могут быть добавлены лишь как указатели на тот регион, в состав которого входил уезд в тот или иной год. Индексация с привязкой к губерниям не представляется возможной, так как многие уезды переходили из одной губернии в другую.

Наличие геохронологического кодекса административно-территориального деления России дает возможность воспроизвести полигональный слой с административными единицами на любую запрашиваемую дату в рамках заданного интервала, для чего необходимо произвести хронологическую выборку границ, собрать на их основе полигоны и через индексы идентифицировать их.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ОРГАНИЗАЦИИ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦИФРОВОЙ КАРТЕ

Описав базовые блоки цифровой модели исторической карты, вернемся к ее основной задаче — построению отдельных тематических карт на имеющейся основе.

Одна из методологических проблем исторического картографирования состоит в распределении фактографических данных карты. Картографируемые объекты и их атрибуты могут происходить из разных источников и относиться к различным хронологическим диапазонам. Все это требует отражения в структуре цифровой модели для верификации данных. Кроме того, одна из задач цифровой модели карты состоит в обеспечении пространственных и атрибутивных запросов.

В практике составления исторических карт распространен вариант решения этой проблемы, по которому каждому однородному набору объектов соответствует отдельный слой геоданных. Так, массив данных, обеспеченный конкретным источником, выносится в отдельный слой, данные из другого источника — в следующий слой и так далее. Аналогичная реализация встречается при разделении объектов разных типов и периодизации.

Вариант I. Один источник — один слой

Слой 1. Источник 1

Id	Название
1	Объект_1
2	Объект_2
3	Объект_3
4	Объект_4

Слой 2. Источник 2

Id	Название
1	Объект_5
2	Объект_1
3	Объект_6
4	Объект_3

Обратим внимание, что объекты 1 и 3 присутствуют в обоих слоях, однако в каждом из них имеют свои идентификаторы.

Вариант II. Источник как атрибут

Справочник источников

id	Название источника
1	Источник_1
2	Источник_2

Общий слой по объектам

id	Название объекта	Индекс источника
1	Объект_1	1
2	Объект_2	1
3	Объект_3	1
4	Объект_4	1
5	Объект_5	2
6	Объект_6	2

Здесь мы наблюдаем один слой и одну справочную таблицу с унифицированной индексацией объектов. Ограничение этого варианта состоит в том, что мы упускаем информацию о присутствии объектов 1 и 3 во втором источнике.

Вариант III. Источник как поле

Справочник источников

id	Название источника
1	Источник_1
2	Источник_2

id	Название объекта	Источник_1	Источник_2
1	Объект_1	1	1
2	Объект_2	1	0
3	Объект_3	1	1
4	Объект_4	1	0
5	Объект_5	0	1
6	Объект_6	0	1

Справочник источников здесь сохраняется, однако в самой структуре данных он мог быть опущен, вся основная информация может быть сохранена в одной таблице. Несмотря на полное

представление всех данных, к недостаткам этого варианта можно отнести увеличение количества полей в атрибутивной таблице — чем большее число источников привлекается при картографировании, тем более громоздкой становится таблица.

Каждый из приведенных вариантов имеет собственные преимущества и область применения. Подход «один источник — один слой» оправдывает себя при подготовке предварительных карт, составляемых по нескольким источникам. Составление обобщенных, результирующих карт, в которых все объекты одного рода должны быть сведены в общий массив данных, предпочтительно вести по второму варианту: здесь нам важен сам факт существования и локализации объекта и его обоснованность. Третий вариант эффективен как способ анализа объектов с сохранением их ассоциирования с источниками.

Важный принцип организации данных в историческом картографировании состоит в том, что объекты одного геометрического типа с общими атрибутивными полями должны содержаться в одном тематическом слое, так как в этом случае сохраняется возможность сортировки и выборки всех однородных объектов. Например, населенные пункты предпочтительно включать в один общий слой; дифференциация объектов по типам и другим параметрам может быть реализована через соответствующие атрибуты. С точки зрения приложения этого принципа последние два варианта представляются более предпочтительными по сравнению с первым.

Дополнительную сложность при работе с различными источниками составляет обработка атрибутивных данных. Их разделение по принципу послойного представления источников приводит к тому, что операции по анализу атрибутов — изменение параметров объектов, прирост показателей и прочее — станут затруднительными. Добавление дополнительных полей для каждого значения по всем источникам в соответствии с третьим вариантом резко усложнит структуру атрибутивной таблицы: количество атрибутов возрастает пропорционально количеству источников и числу параметров объектов.

Наиболее сбалансированным решением представляется совмещение следующих приемов организации данных. Объекты включаются в общую таблицу с унифицированной индексацией, а все атрибутивные данные по источникам выносятся во внешние цифровые таблицы, которые могут быть связаны со слоем с помощью индексов объектов. Автор карты или пользователь подключает в зависимости от своих задач определенную внешнюю таблицу или несколько таблиц. Таким образом, принцип «один источник — один слой» замещается приемом «один источник — одна внешняя таблица»; информация сохраняется в полном объеме без усложнения структуры. Правильное применение присоединяемых таблиц позволяет максимально разгрузить структуру ГИС-проекта, вынести однотипные геометрические объекты в один общий слой и разделять его лишь при помощи соответствующих атрибутов. По сути, слой такого рода представляет собой лишь пространственный регистр всех используемых на карте объектов, а их типология и характеристики могут быть полностью переадресованы на внешние данные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подготовленная картографическая основа предназначена в первую очередь для исторических исследований по Новой истории России, ориентированных на пространственную проблематику, и является цифровой картографической базой для тематических работ и основой для перехода к подготовке цифровых карт более крупного масштаба. Вместе с тем это не отменяет возможность использования представленного материала в справочных и учебных целях.

Многоцелевой характер картографической основы позволяет рассматривать ее как основной компонент национальной исторической геоинформационной системы. Дальнейшие пути развития ЕЦМ Российской империи состоят в подготовке картографических работ более крупного масштаба с включением их в состав общей цифровой модели; в расширении географического охвата территории картографической основы — от европейской части Российской империи до всей территории государства. Отдельное направление составляет апробация методики использования подобных картографических основ для специализированных карт по исторической экономике, демографии

и другим важным исследовательским направлениям. Наконец, опыт создания представленной цифровой модели может рассматриваться как базовая методика построения мелкомасштабных историко-картографических материалов.

REFERENCES

Grishin E. S. [Fund of Historical-Cartographic Materials as a Means of Unification of Historical GIS and Digital Cartography]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Information Science], 2019, no. 1, pp. 133–142. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.1.29260 (in Russ.).

Grishin E. S. [Technologies and methods of spatial and temporal analysis application in specially historical GIS-projects]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Information Science], 2017, no. 2, pp. 74–84. DOI: 10.7256/2585-7797.2017.2.23295 (in Russ.).

Vladimirov V. N., Rygalova M. V. [Foreign historiography on the problems and prospects of Geoinformational systems in historical research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2014, no. 3 (26), pp. 99–106. (in Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТРУКТУРА ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ (ЕЦМ) РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Каталоги ЕЦМ содержат отдельные блоки материалов проекта (квадратные скобки соответствуют каталогу цифровой модели; отступ — уровень вложения каталога относительно предыдущего; название без скобок — конкретный материал или документ):

[ЕЦМ Империя] — головная папка

[TEXT] — текстовые приложения

ZAP — пояснительная записка

BIB — используемая библиография и методические пособия

PAS_MAP — паспорт цифровой модели

[MAP] — картографические материалы

[PRINT] — растровые карты

[DMAP] — цифровые материалы

[TOPO] — каталог с топографической основой

[GEN_TOPO] — общая топографическая основа

[HIST_TOPO] — конкретно-историческая основа

[ADM] — административное деление

[PATHS] — пути сообщений

[DIST] — дистанционная основа

[DMGR] — тематическая нагрузка по демографии

[ECON] — тематическая нагрузка по экономике

[SOURCE] — природные ресурсы и их добыча

[AGR] — сельское хозяйство

[INDUSTR] — промышленное производство

[TRAD] — торговля, финансовые учреждения

[ETN] — этнографическая нагрузка

[SIENC] — научные учреждения и образование

[ECOL] — экологическая нагрузка

[RELIG] — церковные институты, распространение конфессий

[DOP] — дополнительные материалы — шрифты, растры

[USL] — условные обозначения

[SHEM] — схемы

[DBASE] — сопровождающая база данных

Descr — описание структуры базы данных

[SOURCE] — материалы источников

[SOURCE_MAP] — картографические источники

[SOURCE_TEXT] — текстовые источники

[SOURCE_IMG] — фотодокументы, рисунки, иконографика, кинодокументы

УДК 913(470):94(470)''14/16''

Дедук Андрей Владимирович

к.и.н., заведующий архивохранилищем фондов поместно-вотчинных и дворцовых учреждений РГАДА; научный сотрудник отдела археологических исследований государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Москва; Тула)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

**Из истории землевладения кн. Хотетовских в XV–XVII вв.
(к вопросу о расположении центра Хотетовского удела
Карачевского княжества)**

АННОТАЦИЯ. Регион Верхней Оки интересен тем, что в XVI–XVII вв. здесь еще сохраняются «островки» землевладения княжеских фамилий — потомков владельцев уделов и княжеств (кн. Оболенские, кн. Мосальские, кн. Воротынские, кн. Волконские и т. д.). Одной из таких фамилий могут являться кн. Хотетовские. Представители рода князей Хотетовских, как минимум, дважды «отъезжали» в Москву: в 1408 г. с князем Свидригайло и около 1500 г. с князем Семеном Бельским. В статье проанализированы упоминания представителей рода в XV–XVII вв. и реконструирована их генеалогия. Относительно расположения центра владений князей Хотетовских в литературе высказывались взаимоисключающие точки зрения. Предпринятый автором просмотр кадастровых и картографических материалов XVI–XIX вв. позволил выявить пять топонимов с корнем -хотет-, на котором мог распространяться центр удела: д. Юдина, Хотетовское тож, Карачевского уезда; Хотетово, Перково тож, Карачевского (после реформы Екатерины II — Болховского) уезда; с. Хотетово Болховского уезда; с. Хотетово Орловского (после административной реформы — Мценского) уезда и Хотетовский хутор; д. Хотетово Алексинского уезда. Кроме этого, в статье рассмотрено поместное землевладение князей Хотетовских в Воротынском уезде. Исходя из анализа делопроизводственных документов Поместного приказа — Вотчинной коллегии в статье сделан вывод, что родовым владением кн. Хотетовских являлось только с. Хотетово под Болховым и именно оно было центром их удела.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хотетово, князья Хотетовские, Болхов, Карачевское княжество, локализация

Для цитирования: Дедук А. В. Из истории землевладения кн. Хотетовских в XV–XVII вв. (к вопросу о расположении центра Хотетовского удела Карачевского княжества) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 30–51.

УДК 913(470):94(470)''14/16''

Andrew V. Deduk

the head of the archive of the patrimonial and palace establishments of the Russian State Archive of Ancient Acts; Scientific Researcher, State Museum-reserve «Kulikovo field» (Russia, Moscow; Tula)
ORCID: 0000-0002-9458-3934
E-mail: deduk@list.ru

**Touching upon the history of the Khotetovsky princes' land ownership
(in concern with the question of the location of the centre
of Khotetovsky's inherited land in Karachevsky Principality)**

ABSTRACT. The Upper Oka region is noted for the fact that during 16th–17th centuries it still holds the remains of the land ownership by the descendants of the princes Obolensky, Mosalsky, Vorotynsky, Volkonsky, etc., who used to own lands in the indicated region. One of such family names might be the Khotetovsky family. The representatives of the Khotetovsky clan at least twice left for Moscow: for the first time in 1408 accompanied by Prince Svidrigailo, and for the second time around 1500 with Prince Semyon Belsky. The article analyzes the references to the Khotetovsky clan and their mentioning in the 16th–17th centuries, and reconstructs their genealogy. Different literary sources contain mutually exclusive views concerning the location of the centre of Khotetovsky's lands. The undertaken study of cadastral and cartographic materials of the 16th–19th centuries enabled the author to find out five toponyms with the root -KHOTET- which might have to do with the centre of the Khotetovsky lands, namely village Yudina, Khotetovskoye of Karachevsky District, Khotetovo, Perkovo of Karachevsky District (after Catherine's II reformation — Bolkhovsky District), settlement Khotetovo of Orlovsky District (after the administrative reform — Mtsensky District) and hamlet Khotetovsky, village Khotetovo of Aleksinsky District. The article also touches upon the land ownership of the Khotetovsky family in Vorotynsky District. Taking into account the deep analysis of clerical documents of the Domestic Prikaz — Patrimonial board a conclusion is drawn that the only ancestral ownership of the Khotetovsky Princes was settlement Khotetovo which also represents the centre of the Khotetovsky Princes' lands.

KEYWORDS: Khotetovo, Khotetovsky family, Bolkhov, Karachev principality, localization

For citation: Deduk A. V. Touching upon the history of the Khotetovsky princes' land ownership (in concern with the question of the location of the centre of Khotetovsky's inherited land in Karachevsky Principality) // *Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 30–51.*

В XVI–XVII вв. на землях Верхней Оки сохраняются «островки» землевладения княжеских фамилий — потомков владельцев уделов и княжеств (кн. Оболенские, кн. Мосальские, кн. Воротынские, кн. Волконские и т. д.)¹. Одной из таких фамилий могут являться кн. Хотетовские. Целью статьи является локализация центра Хотетовского удела Карачевского княжества.

Впервые кн. Хотетовские фигурируют в связи с отъездом кн. Свидригайло в Москву в 1408 г.: «Мѣсяца июля 26 приеде к великому князю изъ Бряньска князь Литовъскы Швитригаило Олгердович служите, а с ним владыка Дебряньскы Исакии, да с ним же князь Патрекѣи Звенигородски и князь Александръ Звенигородскы ис Путимля, князь Федор Александрович, князь Семень Перемышльскы, князь Михаиле Хотѣтовъскы, князь Урустай Менъскыи, и бояря Черниговъекие и Дебряньскыи и Любутъскыи и Рославъскыи»². Отметим, что этот выезд упомянут в одном из самых ранних генеалогических сочинений, помещенном в сборнике начала XVI в. и принадлежащем кн. Даниилу (в монашестве — Дионисию) Звенигородскому. Интересующий нас персонаж именован искаженно как «князь Михайло Ховъский»³. В самом памятнике (или его дошедшем фрагменте) упоминание родословия потомков Ивана Хотета отсутствует⁴.

М. К. Любавский, анализируя события 1408 г., предположил, что отъезд кн. Хотетовского в Москву мог быть вызван тем, что Витовт в ходе войны 1407–1408 гг. занял Мценск и прилегающую к нему волость Хотетово⁵.

Следующие упоминания князей Хотетовских связаны уже с московско-литовскими конфликтами конца XV — начала XVI столетий. Так, в июне 1490 г. послы великого князя литовского Казимира указывали на такую конфликтную ситуацию: «Жаловали нам слуги наши, пана Сопежины дети, чтож с твоее земли многи люди приходили под их город под Опоков, а в старших с ними был Хотетовский, город весь выбрали, шкоды великим починили, людей многих головами повели: про то чтобы еси взятое велель отдати; а который то чинили, тых бы еси велель сказнити»⁶. Город Опаков располагался на правом берегу р. Угры, на городище у д. Палатки Юхновского р-на Калужской обл. В конце XV столетия этот город находился во владении у смоленских наместников Сапер⁷.

Кроме этого, у нас есть недатированный акт эпохи великого князя Казимира, дошедший в составе четвертой книги метрики. Согласно ему, Хотетовский был брошен в тюрьму неким князем, которого первый бесчестил («ганиль», ср.: «ганебный» — позорный, унижительный;⁸ «ганити» — оспаривать⁹; «ганбити» — бранить, хулить¹⁰). После освобождения из тюрьмы Хотетовский должен

¹ См., напр.: Дедук А. В., Шеков А. В. Борьба князей Волконских за родовые земли в первой половине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2. С. 79–90; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988. С. 55; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 58–59; Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 187; Павлов А. П. О родовом землевладении князей Мосальских в XVII в. // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 78–86; и др.

² ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 237. Также см.: ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 154–155.

³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 74. Про сборник см.: Там же. С. 39–40; Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Генеалогия в России: История и перспективы. М., 2004. С. 38–42.

⁴ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 74–77.

⁵ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского ко времени издания первого литовского статута: Исторические очерки. М., 1892. С. 52–53.

⁶ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 49.

⁷ Массалитина Г. А. Археологические работы на Опаковском городище // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 221–231; Она же. Средневековый Опаков на Угре // Калужское наследие. 2019. № 1 (5). С. 58–65; Массалитина Г. А., Болдин И. В. Опаков в средневековых русских документах и европейских хрониках // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2016. С. 30–33; Они же. Каменная оборонительная башня на Угре (археологические свидетельства московско-литовских пограничных конфликтов в верховьях Оки) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2016. Вып. 9. С. 177–178.

⁸ Ерусалимский К. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 936. Ср.: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Минск, 1985. Вып. 6. С. 253–254.

⁹ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977. Т. 1. С. 238.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 10.

был быть приведен к присяге¹¹. В заключенном в 1494 г. московско-литовском договоре князя Хотетовские не упоминаются¹².

В следующий раз претензии представителей великого княжества Литовского относительно кн. Хотетовских появляются в посольской документации в апреле 1500 г.: «И ты, брате, тыми разы, мимо свое с нами докончание и крестное целованье, слугу нашего, князя Семена Белского, к себе еси принял и иных слуг наших еси к собе поприимал, князя Хотетовекого и иных бояр наших мценских, с землями и с водами и с людми с нашею отчиною»¹³. Князь Семен Бельский «выехал» в Москву с вотчинной в 1500 г.¹⁴ Думается, что ненамного раньше апреля 1500 г. состоялся отъезд в Москву и кн. Хотетовского.

На претензии великого княжества Литовского московский дьяк Федор Курицын отвечал: «...что есмь приняли Хотетовского и бояр мченских с землями и с водами, и нам бы тех его израдец ему повыдавати, а в земли и в воды, что они держат, не велети нам вступатися... а Хотетовской и Мосалские князи и с своими отчинами, и мченские бояре и со Мченском, и Серпеане с Серпейском, и иные люди и з землями и з водами от тоеж нужи [притеснений православной веры. — А. Д.] к нам приехали служить; и мы их приняли и з землями; коли на них какова нужда от нашего брата о греческом законе, и нам их как не приимати?»¹⁵

Вероятно, чуть позже московская сторона выдвинула следующее требование: «А во княж Семенову вотчину Белского и в ыные вотчины, с которыми ко государю нашему служить приехали князи Мосальские, и Хотетовской, и мченские бояре, и серпяне, князь великий не вступался»¹⁶.

В 1503 г. был заключен очередной московско-литовский договор. Статус князей Хотетовских в нем не оговорен¹⁷. Возможно, это вызвано тем, что по договору к Москве отходит «Мценск с волостями», а сами кн. Хотетовские ранее именовались мценскими боярами, то есть имели владения, административно относящиеся к Мценску¹⁸.

В правых грамотах 1509 и 1510 гг., составленных по судебным тяжбам в Бежецком Верху, фигурирует без титула Яков Хотетовский¹⁹. По предположению, высказанному М. М. Бенциановым, его появление в актах может быть связано с пожалованием кн. Семену Ивановичу Калужскому соседнего Воротынска, куда позднее будут испомещены Хотетовские²⁰.

Князя Хотетовские упоминаются в дворовой тетради 1550-х гг. В этом источнике мы находим две записи по Воротынску, но они есть не во всех списках памятника: «Богдан княж Данилов сын Хотетовского. Умре» и «Ивашко да Васько княж Ивановы дети Хотетовского»²¹.

Источники второй половины XVI — начала XVII в. дополняют список князей Хотетовских, служивших по Воротынску. В списке дворовых, оставленных в Москве во время Троицкого похода царя Федора Ивановича в августе 1585 г., упомянут кн. Андрей Богданов сын Хотетовский, служивший по Воротынску²². Так, в боярском списке 1588–1589 гг. среди выбора по Воротынску указан умерший в 1588/89 г. князь Федор Иванов сын Хотетовский и служивший с городом кн. Дмитрий

¹¹ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. № 52. P. 105. Ранее издано: РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 364.

¹² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 83. С. 329–332.

¹³ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 297. Также см.: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. № 426. P. 267.

¹⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 124.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 299, 300.

¹⁶ «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. М.; Варшава, 1997. С. 76. Ранее опубликовано: Сб. РИО. Т. 35. С. 301. Ср.: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. № 500. P. 301.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 35. С. 398–402; Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506). № 518. С. 314.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 399; Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506). № 518. С. 324.

¹⁹ Акты Русского государства: 1505–1526 гг. М., 1975. № 57. С. 60; № 61. С. 68.

²⁰ Бенцианов М. М. «Литвины» и «паны»: Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2019. С. 101; Он же. Служилые элиты Московского государства: Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021. Вып. 12. С. 182.

²¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М., 1950. С. 172.

²² Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 320.

Иванов сын Хотетовский²³. Последний фигурирует и в списке дворян, которые должны были принять участие в зимнем походе на Швецию 1589/90 г.²⁴ В боярском списке 1602–1603 гг. по Воротынску присутствуют кн. Дмитрий Иванов сын Хотетовский и кн. Петр Андреев сын Хотетовский²⁵.

Таким образом, кн. Хотетовские впервые оказались на московской службе в начале XV столетия вместе со Свидригайло, затем, похоже, вернулись в Литву. В конце XV в. мы видим их колеблющимися между службами Москве и Вильно и затем отъезжающими на Русь со своей вотчиной. Как минимум с середины XVI столетия кн. Хотетовские оказываются испомещены по Воротынску. Кроме вышеприведенных сведений, информация о роде Хотетовских в XV–XVI вв. содержится в генеалогических источниках второй половины XVII в., и они требуют отдельного рассмотрения.

***

Наши представления о генеалогии князей Хотетовских во многом строятся на родословной росписи, поданной в 1686 г. в палату родословных дел²⁶ (см. схему 1). Родоначальником рода по ней является князь Иван Мстиславович Хотет, праправнук черниговского князя Михаила Черниговского. В росписи указываются и ближайшие сродники князей Хотетовских — князья Звенигородские и Козельские. Содержит роспись и отсылку на выезд князя Михаила к московскому князю в 1408 г. вместе со Свидригайло²⁷.

Так как «в родословной книге родов Мосальских и Хотетовских князей не написано», служащими палаты родословных дел была организована «проверка» достоверности росписей двух родов. Она заключалась в получении сказки от князей Никиты Ивановича и Якова Никитича Одоевских, которые показали: «А Мосальских в родословце не написано и от кого они пошли, того мы не ведаем, про то они сами скажут. А Хотетовских в родословце не написано ж, и от кого они пошли, того мы не ведаем же, а скажут они про себя сами...»²⁸ Обращение же к Степенной книге, содержащей описание отъезда Свидригайло, позволило внести оба рода в родословную книгу²⁹.

15 ноября 1687 г. челобитную о родстве с Хотетовскими подали Бунаковы. Свой род они возводили к Лариону Бунакову, который якобы был сыном князя Михаила Хотетовского³⁰. В доказательство своей правоты они предъявили жалованную грамоту Лариону Бунаку «княж Михайлову сыну Хотетовского» великого князя Василия Васильевича 1461 г. на земли в Вяземском уезде³¹. И. А. Голубцов и Б. Н. Флоря считали эту грамоту подлинной, хотя последний отметил некоторые странности формуляра³². В. Б. Кобрин отнес акт к разряду фальсифицированных, так как Вязьма вошла в состав Русского государства только в 1493 г. Кроме этого, историк обратил внимание на запрет на принятие в «инокняжцев» из Можайска, который в 1461 г. входил в состав земель Василия II³³. Все это говорит о подложности акта.

Попытка Бунаковых приписаться к князьям Хотетовским вызвала протест со стороны последних. Закономерным итогом стало то, что род Бунаковых не был внесен в так называемую Бархатную книгу³⁴.

²³ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 240.

²⁴ Там же. С. 337.

²⁵ Там же. С. 284.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 68. Л. 5–11.

²⁷ Там же. Л. 5–6. Опубликовано: Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство / публ. Л. Е. Шабалева // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2019. Вып. 5. С. 143.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 68. Л. 6–7.

²⁹ Там же. Л. 8–11. Также см.: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1. С. 192–193.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 152. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 2–3. Последняя публикация: Акты служилых землевладельцев. М., 2008. Т. 4. № 64. С. 48.

³² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 179. С. 195; Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 53. Прим. 40.

³³ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 19–20.

³⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. С. 103; Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Указ. соч. С. 80.

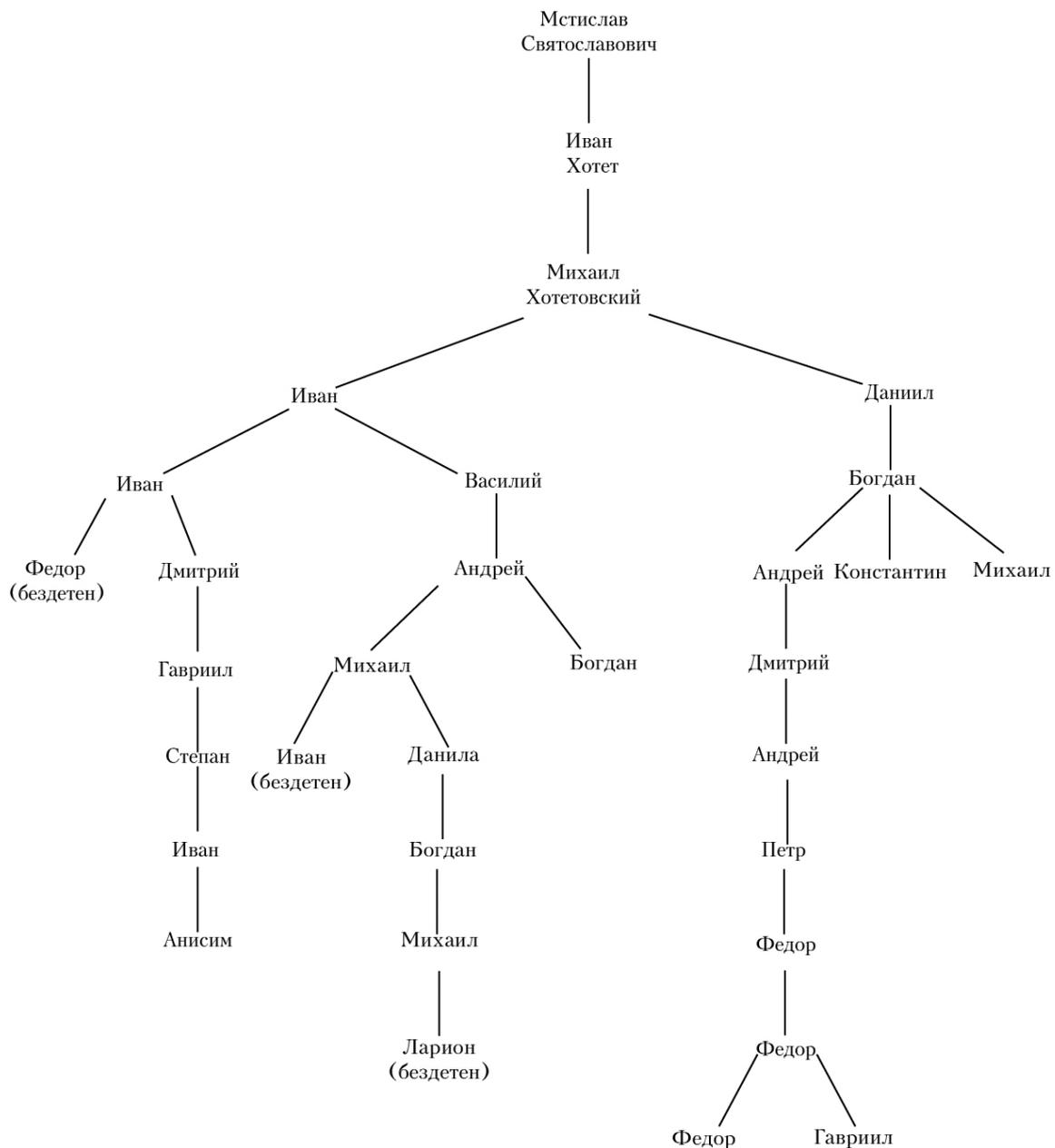

Схема 1. Генеалогия кн. Хотетовских по родословной росписи, поданной кн. Иваном в Палату родословных дел в 1686 г.

Вероятно, первым доподлинно нам известным представителем рода Бунаковых являлся мценский боярин Сенька, который к 1499 г. «к Москве збег»³⁵. В источниках XVI–XVII вв. мы не находим ни одного представителя рода с княжеским титулом³⁶. Подложный акт и отсутствие титула в документах позволяют, на наш взгляд, уверенно говорить, что кн. Хотетовские не были в родстве с Бунаковыми.

Генеалоги XIX–XX вв. отметили нестыковки в родословной росписи кн. Хотетовских. Так, Г. А. Власьев отмечал: «...сопоставляя время жизни некоторых лиц с тем, к которому колену по росписи они принадлежат, не трудно отметить явные несообразности, например: кн. Иван Степанович по времени своей жизни должен был бы находиться в одном колене с кн. Федором и Гавриилом

³⁵ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 338.

³⁶ См., напр.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Отд. 2. С. 582, 584, 597, 728, 744, 778, 804, 824, 830. Кроме этого см.: Ерусалимский К. Ю. Братья и соратники: семейная сага Бунаков в эмиграции // Сборник статей памяти Ю. Д. Рыкова (в печати).

Федоровичами, а между тем он находится в XXIII колене, что вполне правдоподобно, тогда как последние два брата в XXVI? — Это обстоятельство сильно подрывает веру в непогрешимость поданной в Розряд росписи»³⁷. Р. В. Зотов предполагал, что кн. Иван Степанович Хотет относился к XVII колону от Рюрика, а не к XXVIII³⁸. Т. А. Мартемьянов писал: «Не можем не отметить здесь крупной несообразности в родословной Хотетовских, основанной на росписи и составленной их потомками и поданной лишь в конце XVII в.; по этой росписи выходит, что с 1377 г., — времени брака кн. Святослава Титовича на дочери Ольгерда, до 1408 г., когда кн. Михаил “ушел” в Москву, т. е. всего за какие-нибудь три десятка лет, у Святослава успели родиться и вырасти не только сын Мстислав и внук Иван, но даже и правнук — Михаил, — вещь весьма невероятная»³⁹.

Отметим некоторые нестыковки в генеалогии кн. Хотетовских по родословной росписи, обнаруживаемые при обращении к источникам XVI в. Так, упомянутых в дворовой книге братьев кн. Ивана и Василия Ивановичей Хотетовских, которые должны быть современниками кн. Богдана Даниловича Хотетовского, мы просто не находим в росписи. А единственные кандидаты на их роль оказываются внуками кн. Михаила Хотетовского, соратника Свидригайло. Через несколько десятилетий мы видим в Воротынске кн. Дмитрия Ивановича, сына кн. Ивана Ивановича и по росписи правнука кн. Михаила. Это говорит о том, что уже к концу XVII в. Хотетовские утратили свои представления о предках, живших в первой половине XVI в. Все это делает родословную роспись недостоверным источником относительно XV–XVI столетий, но в ней зафиксирована важная для нас информация о существовании нескольких веток рода, которые разделились не позднее первой трети XVI в.

Об утрате князьями Хотетовскими представлений о своей генеалогии свидетельствует и «кружковая» родословная роспись, поданная в 1733 г. кн. Анисимом в Вотчинную коллегию⁴⁰ (см. схему 2). Роспись охватывает семь поколений. Самым ранним персонажем в ней указан кн. Федор, у которого были дети Федор и Гавриил. Согласно же документам первой четверти XVII в., кн. Гавриил был сыном кн. Дмитрия. Князь Федор, живший в начале XVII в. и по росписи 1733 г. имевший отца по имени Федор, по подлинным документам XVII столетия оказывается сыном Петра. Таким образом, роспись была составлена без учета документов, хранящихся в архиве Вотчинной коллегии и семейном архиве кн. Хотетовских, а причиной ее составления стало обоснование прав одной линии рода на земли другой.

***

Для определения территорий, отошедших от Литвы к Москве в ходе войны 1500–1503 гг., актуальной задачей является выделение земель, с которыми кн. Хотетовские «отъехали» из великого княжества Литовского в 1500 г.

М. К. Любавский первым связал князей Хотетовских и однокоренной населенный пункт: «...есть село с таким названием на границе Орловского уезда с Мценским»⁴¹, однако на карте, размещенной в книге, с. Хотетово не показано. Эту локализацию позднее принял Ю. Вольф⁴². Вероятно, М. К. Любавский имел в виду с. Хотетово Мценского уезда в границах конца XVIII — начала XX в., которое располагалось в верховьях р. Вишенки (совр. р. Вишневец), правого притока р. Рыбницы, на самой границе его с Орловским уездом⁴³.

Составители «Исторического описания церквей, приходов и монастырей Орловской епархии», вышедшего в 1905 г., полагали, что с. Хотетово Болховского уезда «очень давнее... В древности

³⁷ Власьев Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословной. СПб., 1906. Т. 1: Князья Черниговские. Ч. 1. С. 260.

³⁸ Зотов Р. В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 306. Прим. 20; С. 310–311. Прим. 18.

³⁹ Мартемьянов Т. М. Древние княжества в Орловском крае: Карачевский удел // Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 г. Орел, 1906. С. 134. Прим. 2.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу. Ед. хр. 10105. Л. 673.

⁴¹ Любавский М. К. Указ. соч. С. 53.

⁴² Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 17.

⁴³ Орловская губ.: список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871. № 70. С. 8.

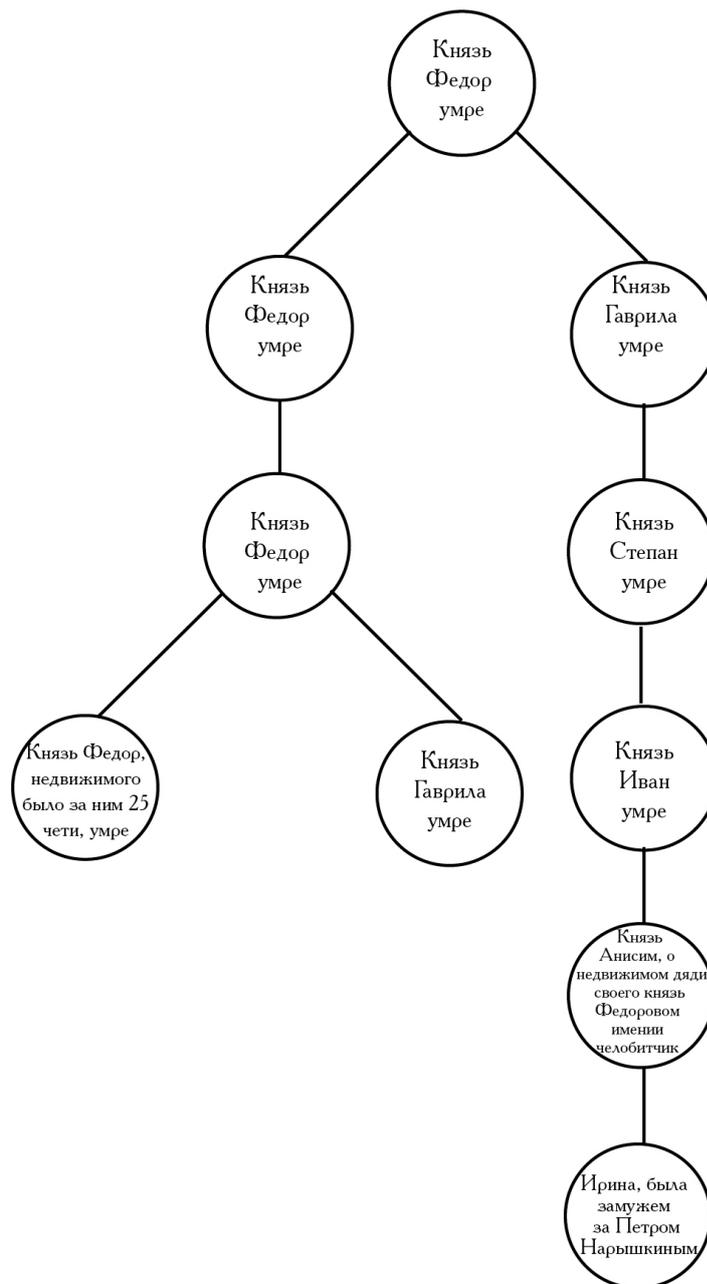

Схема 2. «Кружковая» родословная роспись кн. Хотетовских, поданная в 1733 г. кн. Анисимом Ивановичем в Вотчинную коллегию. Прорисовка (РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу. Ед. хр. 10105. Л. 673)

оно составляло особую княжескую вотчину — «княжество Хотетовское». Упоминают составители и церковный синодик 1767 г., где был записан род кн. Хотетовских⁴⁴.

Стефан Кучинский на карте к своей работе показал Хотетово («Chotetovo») юго-восточнее Болхова⁴⁵. Отметим, что на карте сам Болхов показан ошибочно в бассейне р. Вытебыть, тогда как он находится несколько южнее, на р. Нугрь (она на карте не обозначена). В тексте своей работы польский историк локализацию Хотетова никак не прокомментировал⁴⁶. Все это не позволяет определить, с каким топонимом С. Кучинский связывал Хотетово. На карте по московско-литовской

⁴⁴ Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1905. Т. 1. С. 47.

⁴⁵ Kuczyński S. M. Ziemle czernihowski-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. «Мапа Ziem Czernihowsko-Siewerskich: Włości i kompleksy w XIV i XV wieku».

⁴⁶ Ibid. S. 63, 137, 225, 310.

войне 1487–1494 гг., составленной В. Н. Темушевым и изданной в 2003 г., историк и картограф сохранил примерное соотношение Болхова и Хотетова, как на карте С. Кучиньского. Хотетов же показан на левом берегу р. Нугрь⁴⁷. На более поздних картах, посвященных войне 1487–1494 гг., В. Н. Темушев исправил эту оплошность⁴⁸.

В. Н. Темушев на карте «Верховские княжества в конце XIII — начале XVI в.» поместил Хотетово северо-восточнее г. Болхова⁴⁹. Расположение этого населенного пункта он определил как «на северо-запад от Мценска, на другой стороне р. Оки»⁵⁰.

А. В. Шеков в своей работе о Верховских княжествах констатировал существование Хотетовского удела Карачевского княжества, но не затронул вопрос о его расположении⁵¹.

Последним проблему владений кн. Хотетовских затронул Р. А. Беспалов в труде о локализации вотчин кн. Огдыревских и кн. Мезецких: «Локализация Годыревского стана ставит в затруднительное положение локализацию центра княжения хотетовских князей на месте села Хотетова вблизи Болхова, принятую целым рядом исследователей. Лишь М. К. Любавский полагал, что Хотетово располагалось на границе Орловского и Мценского уездов. Согласно спискам Я. Е. Водарского, Хотетово входило в состав Годыревского стана Болховского уезда XVII в. К XIX в. в Орловской губернии насчитывалось до четырех Хотетовских сел. Очевидно, происхождение большинства из них гораздо более позднее, чем происхождение Годыревского стана, и связано с вотчинами и поместьями Хотетовских XVI–XVIII вв.»⁵².

Логика исследователя в какой-то степени является не совсем удачной. Дело в том, что первоначальные владения кн. Хотетовских (волость Хотетово, Хотетовский удел) могли быть включены в состав Огдыревского (Годыревского) стана в более позднее время. Приведем несколько примеров из русского Средневековья, когда в состав одной административной единицы включается вторая. Так, волость Середокоротна духовных Ивана Калиты, по мнению А. Б. Мазурова и В. Н. Темушева, вошла в состав Песоченского стана Коломенского уезда⁵³. А в состав Мстиславльского стана Каширского уезда в первой половине XVI в. была включена волость Ростиславль, центром которой являлся город Рязанского княжества Рославль Польской⁵⁴.

На карте к другой своей работе Р. А. Беспалов поместил Хотетов под знаком вопроса на том месте, где его располагал М. К. Любавский⁵⁵.

С. Н. Келембет расположил центр Хотетовского удела под Болховым вслед за составителями «Исторического описания...» и В. Н. Темушевым. Свою точку зрения исследователь обосновал следующими аргументами, подчеркнутыми из краеведческой литературы XIX — начала XX в.: 1) наличие в с. Хотетово синодика XVIII в. с поминанием кн. Хотетовских; 2) наличие у Болховского Оптиной монастыря земель, пожалованных одним из кн. Хотетовских; 3) наличие по десятне 1622 г. у одного из князей Хотетовских родовой вотчины в Болховском уезде (состав вотчины в источнике

⁴⁷ Пограничная война великого княжества Московского с великим княжеством Литовским 1487–1494 гг. / сост. В. Н. Темушев // Родина. 2003. № 11. С. 58–59.

⁴⁸ Темушев В. Н. На восточной границе великого княжества Литовского. Тула, 2016. Карта 26.

⁴⁹ Там же. Карта 13; Темушев В. Н. Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2: История. Этнография. Искусствоведение. С. 262 (карта).

⁵⁰ Он же. На восточной границе... С. 139.

⁵¹ Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств: середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 155, 176, 181.

⁵² Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2016. Вып. 2 (5). С. 154.

⁵³ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского централизованного государства. М., 2001. С. 68, 544; Темушев В. Н. Территория и границы Московского княжества в конце XIII — первой половине XIV в.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2002. С. 91.

⁵⁴ Дедук А. В. Из истории административно-территориального деления Каширского и Тульского уездов в первой половине XVI в. // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 220–223.

⁵⁵ Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 130–131 (карта).

не расписан)⁵⁶. Однако эти доводы требуют подтверждения или опровержения на более широком материале. Наличие синодика не исключает того, что с. Хотетово могло быть пожаловано кн. Хотетовским в поместье уже в XVII–XVIII вв. Кроме этого, надо разбираться, не были ли вотчины в Болховском уезде пожалованы кн. Хотетовским за участие в событиях Смутного времени.

Таким образом, высказанные в историографии точки зрения о владениях кн. Хотетовских строились на созвучии фамилий и топонимов, вероятно, произведенных от нее. Это привело к возникновению нескольких взаимоисключающих точек зрения. История же появления этих топонимов оказалась не изученной в исторической литературе. Попробуем восполнить этот пробел.

* * *

Сложившаяся в литературе ситуация вынуждает обратиться непосредственно к источникам, фиксирующим топонимы XVI–XIX вв. Регион поиска центра Хотетовского удела фиксируется землями Карачевского княжества. В литературе они определяются по городам и относившимся к ним землям, где сидели потомки Тита Карачевского: Козельск, Звенигород, Перемышль на р. Оке, Мосальск и Мезецк. Кроме них, в княжество в разное время входили или могли входить Серпейск и Серенск. Исходя из локализации этих населенных пунктов у исследователей сложилось впечатление, что Карачевское княжество занимало земли в левобережье р. Оки к югу от Медыни на севере до Кром на юге, от р. Десны на западе до р. Оки на востоке⁵⁷. Эта территория условно соответствует границам следующих уездов Русского государства, существовавших с XVI в. до административной реформы Екатерины II: Карачевский, Медынский, Мосальский, Мещовский, Серпейский, Козельский, Белевский, Перемышельский, Болховский, Кромский и Орловский⁵⁸. По этим уездам нами были просмотрены «регесты» XVIII–XIX вв., составленные по писцовым книгам 1620-х гг., и выписаны все топонимы с корнем -хотет-. В случае, если валовое письмо 1620-х гг. не дошло, мы привлекали более ранние или поздние документы фискального учета⁵⁹. Кроме этого, такая же работа была проведена по территории Калужского, Мценского и Брянского уездов, которые могли частично входить в Карачевское княжество⁶⁰. В случае отсутствия регестов мы обращались непосредственно к писцовым описаниям⁶¹. Чтение топонима из регеста обязательно проверялось по единице хранения, описанной в нем.

Особенно пристальное внимание при поиске топонимов с корнем -хотет- уделялось территориям, близким к Мценску, ведь в конце XV в. князь Хотетовский фигурирует как «мценский боярин».

Также нами были просмотрены публикации писцовых описаний XVI–XVII вв. по указанным выше уездам и опубликованные перечни населенных пунктов, составленные по переписным книгам 1646 и 1677 г.⁶²

⁵⁶ Келембет С.Н. Тарусское княжество и его уделы // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 118.

⁵⁷ Темушев В. Н. На восточной границе... Карта 13; Шеков А. В. Политическая история и география... С. 102–103, 154–157, 279–282. Более ранние представления о границах Карачевского княжества см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. Карта: «Княжества Северо-Восточной Руси к 1389 г.»; Kuszyński S. M. Op. cit. «Mapa Ziemi Czernihowsko-Siewerskich: Włości i kompleksy w XIV i XV wieku». Также см. отдельные наблюдения: Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских... С. 139–160.

⁵⁸ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 256–259.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 1. Л. 191–222; Ед. хр. 2. Л. 406–432; Ед. хр. 7. Л. 354–381; Ед. хр. 8. Л. 157–184об.; Ед. хр. 10. Л. 288–317об., 344–346; Ед. хр. 13. Л. 86–300об.; Ед. хр. 16. Л. 681–722; Ед. хр. 47. Л. 1–55; Ед. хр. 64. Л. 179–201; Ед. хр. 89. Л. 1–60об.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 7. Л. 272–354; Ед. хр. 52. Л. 1–86; Ед. хр. 93. Л. 1–145об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 993; 1037; 1061; 6438; Оп. 2. Ч. 1. Калуга. Ед. хр. 11619. Л. 1346 – 1399об.

⁶² Белевская вивлиофика: собрание древних памятников по истории Белева и Белевского уезда. М., 1858. Т. 1–2; Водарский Я. Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 215–242; Дозорная книга Карачевского уезда 1614 г. / подг. А. В. Антонов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10; Писцовые книги Московского государства... С. 832–1073; Пясецкий Г. М. Орловский уезд по переписным книгам 1647 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891 г. Орел, 1891. Вып. 2. С.17–22; Он же. Город Болхов и его уезд по переписной книге 1647 г. // Там же. С. 31–35.

Параллельно шло выявление сведений о землевладении кн. Хотетовских в указанных уездах. В частности, О. А. Шватченко указывал, что изучаемый нами род владел вотчинами в Воротынском уезде в первой трети XVII в.⁶³ Во второй половине XVII столетия исследователь фиксирует землевладение рода в Болховском и Воротынском уездах⁶⁴. Отметим, что О. А. Шватченко не была использована дозорная книга Болховского уезда 1619/20 г., содержащая описание двух вотчин кн. Хотетовских⁶⁵. Наличие таких лагун в работе исследователя заставило нас по-новому рассмотреть вопрос о землевладении княжеского рода.

При поиске топонимов нами просмотрены архивные описи к фонду 1354 РГАДА, содержащие планы дач Генерального межевания по Калужской, Смоленской, Орловской и Тульской губерниям и «списки населенных мест» середины XIX в.⁶⁶ Отметим определенные погрешности такого поиска: в архивные описи фонда, составленные в XIX в., часто вносилась только первая часть «сложного» топонима. Кроме этого, нами были привлечены сведения о гидронимах с корнем -хотет-, содержащиеся в работе Г. П. Смолицкой⁶⁷.

Такой «перекрестный» просмотр источников объясняется несколькими причинами. Во-первых, в кадастровые материалы XVI–XVII вв. могло быть не помещено описание дворцовых земель. Во-вторых, топоним мог локализоваться на территории, не освоенной к моменту проведения описания («дикое поле»), и по этой причине он бы не встретился нам в источнике. В-третьих, даже последнее описание писцовых материалов фонда 1209 РГАДА⁶⁸ часто не учитывает лагуны в текстах источников. В-четвертых, мы не исключаем, что можем пропустить топоним. Использование различных по хронологии материалов позволило, на наш взгляд, избежать ряда оплошностей и недоразумений.

По итогам изучения материалов у нас сложилась следующая картина. Мы имеем по одному топониму с корнем -хотет- в Карачевском и Болховском уездах по описаниям первой трети XVII в. Встретились также несколько топонимов, созвучных искомому корню, но которые мы не будем использовать в дальнейших построениях: д. Хотеново в Выжецком стане Мединского уезда, пустоши Хотенович в Сухиничском стане Мещовского уезда, д. Хотенка на р. Хотенке в Подгороднем стане Козельского уезда и пуст. Хотенки в Перемышельском уезде⁶⁹. Землевладения кн. Хотетовских обнаруживаются только в Болховском уезде. Кроме них, мы еще обнаруживаем детей боярских Хотеповых, владевших землями в Мосальском и Козельском уездах⁷⁰. Планы дач генерального межевания дают нам кроме Хотетова в Болховском уезде еще с. Хотетово во Мценском уезде, на которое обратил внимание М. К. Любавский. По «Спискам населенных мест» известно четыре Хотетова в Орловской губернии, одно — в Тульской. Попробуем проанализировать историю возникновения этих топонимов, рассмотрев их с запада на восток (см. цв. вклейку, рис. 3).

1. Д. Юдина, Хотетовское тож, Карачевского уезда. Населенный пункт, получивший свое название от рода князей Хотетовских, располагался в непосредственной близости от столяного города Карачевского княжества — Карачева. Из дозорной книги Карачевского уезда 1613/14 г.: «Иван Тимофеев сын Юрасов сказал за собою отца своего поместье старинное деревня Юдина, а Хотетовская то же, девяноста три чети...»⁷¹ В писцовой книге 1625/26 г. д. Юдинская, Хотетовское тож, записана уже за Фомою Ивановым сыном Юрасова и указано ее расположение на р. Быковке⁷².

⁶³ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 173–174.

⁶⁴ Он же. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. (историко-географический очерк). М., 1996. С. 106.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13.

⁶⁶ Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов. СПб., 1782. Т. 1–3; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 150–161, 311–323, 446–457, 535–546. Ч. 1.

⁶⁷ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 25, 87.

⁶⁸ Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2009–2018. Вып. 1–6.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 379об.; Ед хр. 192. Л. 414об.; Ед хр. 249. Л. 601, 603, 666об., 680, 681; Ед. хр. 1061. Л. 139, 139об., 140об.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед хр. 438. Л. 709об.–710.

⁷¹ Дозорная книга Карачевского уезда... С. 231. Чтение сверено по подлиннику: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 167. Л. 2.

⁷² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 9181. Л. 95об.–96об.

Как становится ясно из документации Вотчинной коллегии XVIII столетия, этот населенный пункт несколько раз менял названия, но род Юрасовых продолжал им владеть. Так, в 1795 г. населенный пункт назывался с. Никольским, Юрасово тож, а в 1745 г. — «село Юрасово, что была деревня Юдинская, Хотеевская тож»⁷³. По Генеральному межеванию «село Юденское, Хотеевское тож, что по мирскому названию Никольское, Юрасово тож» находится на р. Быковке⁷⁴. И в наши дни с. Юрасово лежит всего в 5 км на юго-восток от Карачева.

Таким образом, мы здесь наблюдаем постепенное искажение старого топонима и его последующее исчезновение. Второе название с. Юдино указывает на его былую принадлежность роду кн. Хотетовских. Аналогичный пример с наделением младших ветвей княжеского рода землями рядом со столицей княжества мы находим в Московском княжестве. Так, кн. Андрею Ивановичу, отцу кн. Владимира Андреевича Серпуховского, по духовной Ивана Калиты доставались подмосковные села Коломенское и Ясеновское⁷⁵. Датировать же появление топонима под Карачевом можно с момента выделения рода кн. Хотетовских (примерно рубеж XIV и XV столетий) до второй половины XVI в. (время жизни отца Ивана Тимофеева сына Юрасова, получившего деревню в поместье).

2. Хотетово, Перково тож, Карачевского (после реформы — Болховского) уезда. «Списки населенных мест» Орловской губернии содержат информацию о с. Хотетово, Перково тож, на р. Рыдань Болховского уезда⁷⁶. До административной реформы Екатерины II этот населенный пункт относился к Рославскому стану Карачевского уезда. В 1779 г., согласно плану дачи Генерального межевания, он назывался д. Перкова и им владела Ирина Анисимовна дочь Головина⁷⁷. Ирина Анисимовна — дочь кн. Анисима Ивановича Хотетовского, в первом браке была замужем за Петром Алексеевичем Нарышкиным, во втором — за Федором Ивановичем Головиным⁷⁸. Название д. Перково происходит от рода Перковых, владевших землями на р. Рыдань еще по дозорной книге Карачевского уезда 1613/14 г.⁷⁹ Известно, что кн. Анисим Иванович Хотетовский активно занимался приобретением земель на р. Рыдань⁸⁰. В 1778 г. кн. Ирина Анисимовна обменяла землю на р. Рыдани, которой в конце XVII в. владели Перковы, у коллежского советника Ивана Сергеева сына Головина⁸¹. Согласно переписной книге Карачевского уезда 1677 г., у кн. Хотетовских не было населенных пунктов в Рославском стане Карачевского уезда⁸². Таким образом, топоним -хотет- здесь появляется не раньше XVIII в.

3. С. Хотетово Болховского уезда. Еще одно с. Хотетово, которое находилось в Огдыревском стане Болховского уезда. В его округе находим сразу три землевладения, вотчинниками которых в XVI–XVIII вв. являлись кн. Хотетовские. Рассмотрим их владельческую принадлежность в XVI–XVIII вв.

I. Согласно дозорной книге 1619/20 г., кн. Гавриил Дмитриев сын Хотетовский владел половиной с. Хотетова; д. Селная «а Рог тож» на р. Сельне; д. Скупщина, «[что] была поляна Скупщина»; слободка Хажайновой, «что была преж сего поляна Селехова на речке на Селни»⁸³. Кроме этого, за ним была записана по грамоте государя царя и великого князя Михаила Федоровича «за приписью дьяка Федора Шюшерина 124-го году племянника его [двоюродно]во князь Иванова вотчина князь Михайлова сына Хотетовского полсела Хотетова...»⁸⁴

⁷³ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Карачеву. Ед. хр. 9253. Л. 43, 58об.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 316. Ч. 1. Ед. хр. Ю — 1 син.

⁷⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей... № 1 б. С. 9. По их локализации см.: Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах: 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2. С. 339, 343, 510, 519–520; Юшко А. А. Феодалное землевладение Московской Руси XIV в. М., 2002. С. 44.

⁷⁶ Орловская губ.: список населенных мест... С. 35. № 685.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 316. Ч. 1. Ед. хр. П — 11 син.

⁷⁸ Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 257–258, 261. Также см.: РГАДА. ДМЛ по Карачеву. Ед. хр. 9244/4. Д. 24. Л. н/н (ед. хр. не имеет общей нумерации); Ед. хр. 9263/24. Л. 78.

⁷⁹ Дозорная книга Карачевского уезда... С. 266–269.

⁸⁰ РГАДА. ДМЛ по Карачеву. Ед. хр. 9244/4. Д. 24.

⁸¹ РГАДА. ДМЛ по Карачеву. Ед. хр. 9263/24. Л. 76–77, 79–80.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 9182. Л. 233–295.

⁸³ Там же. Ед. хр. 13. Л. 248об.–253об.

⁸⁴ Там же. Л. 252об.–253. Утраченные места реконструированы по списку: Там же. Ед. хр. 10051. Л. 242об.–243.

Описание этого землевладения помещено в дозорной книге под рубрикой «вотчины». Но являлась ли эта вотчина родовой или была приобретена «за московское осадное сиденье»? Ответ на этот вопрос находим в болховской десятине 1622 г., восстановленной после московского пожара 1626 г., где среди «выбора» фигурирует князь Гаврило Дмитриев сын Хотетовской, служивший с **«вотчины в Болхове старинной родственной** [выделено нами. — А. Д.] сто семь чети... да вотчины ж в Воротынску сто тритцать чети, пуста...»⁸⁵

Сведения дозора 1619/20 гг. дополняют выпись из писцовой книги Болховского уезда письма и меры Гаврилы Хрипунова и подьячего Владимира Лошакова 1626/27–1628/29 гг. Само описание в полном виде до нас не дошло или остается не выявленным. Согласно выписи, за кн. Гавриилом Дмитриевым сыном Хотетовского были «родственные старинные вотчины»: полсела Хотетова и д. Сельна, Рог тож, на р. Сельне, д. Скутцыно [так! — А. Д.], «что была поляна Скутцына» и слободка Хожаинова, что была поляна Селехова, на р. Селенке. По приправочным книгам письма Григория Колединского 1583/84 г., все эти земли были за вдовой княгиней Анной Ивановской, женой Хотетовского, и ее детьми Федором и Дмитрием. За князем Гавриилом была вторая половина с. Хотетова, некогда принадлежавшая кн. Ивану Михайловичу, которую он выкупил в 1627/28 г. у Болховского Оптиного монастыря, куда она была написана «в заклад на поминок»⁸⁶. В состав части вотчины, отошедшей от монастыря, входила и д. Сельна, Рог тож, поч. Хажаинов и «Слоботка Хожаинова, что было преж сево поляна Селехова»⁸⁷. Возможно, этот князь Иван Михайлович является представителем другой ветки князей Хотетовских (двоюродный племянник кн. Гавриила по дозору 1619/20 г.). По сведениям родословной росписи, кн. Иван Михайлович был бездетным⁸⁸.

Когда же князь Иван Михайлович мог передать свою землю монастырю? Бывшая монастырская вотчина, согласно дозорной книге 1619/20 г., была записана за князем Гаврилой по грамоте 1615/16 г.⁸⁹ В судебнике 1550 г. впервые из сохранившихся законодательных памятников был зафиксирован срок в 40 лет, после которого вотчина не подлежала выкупу⁹⁰. Имеется аналогичная норма и в соборном уложении 1649 г.⁹¹ Следовательно, вотчина была пожалована в монастырь не ранее 1575/76 г. Не ранее этой даты с. Хотетово было разделено между двумя ветками княжеского рода, после чего одна из половин отошла монастырю.

Около 1626/27 г., когда из Патриаршего судного приказа была выдана еще одна грамота, подтверждавшая выкуп родовой земли, произведен раздел между князем Гавриилом и его родной сестрой Акулиной, бывшей в замужестве за Иваном Степановичем Рогозиным. Княгине достался починок Селичный на р. Рогу 42 чети, половина с. Хотетова — кн. Гавриилу⁹².

По переписной книге 1646 г., в состав вотчины кн. Гавриила входили следующие населенные пункты: с. Хотетово, д. Скупщина на р. Рог, слободка Хожаинова на р. Селене⁹³. Вотчина Акулины в переписи 1646 г. записана за ее мужем и состоит из одного населенного пункта, который в источнике именуется д. Князь Васильевой на р. Рогу⁹⁴.

В 1646 г. кн. Гавриила Хотетовского не стало, поместья и вотчины достались его вдове — бездетной от брака с кн. Гавриилом княгине Анне и ее детям от раннего брака Степану и Прасковье⁹⁵.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Ед. хр. 144. Л. 10–10об. Ранее публиковалось: Апухтин В. Р. Болховская старина. Б. и., 1913. Вып. 1: Выборки из Болховской десятины 1622 г. и из других разрядных документов Московского архива Министерства юстиции за время царствования царя Михаила Федоровича. С. 15.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 154–154об., 155об.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 236–236об.

⁸⁸ Там же. Л. 236об.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 252об. Дата грамоты уточнена по списку: Там же. Ед. хр. 10051. Л. 242об.

⁹⁰ Судебники XV–XVI веков. М., 2015. С. 171.

⁹¹ Соборное уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 88. Ст. 30.

⁹² РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 237об.–239; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 155об.–156.

⁹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 182об.–187.

⁹⁴ Там же. Л. 195–196об.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 155об.

С. Хотетово с деревнями перешли к кн. Степану, после смерти которого в 1655/56 г. были отписаны его сыну Ивану⁹⁶.

В 1650/51 г. умерла Акулина Рогозина и ее родовая вотчина досталась детям — Гавриилу, Дмитрию и Василию. В 1672/73 г. они совершили полюбовный раздел вотчин, и владельцем починка Селиного стал Василий. Позднее этим землевладением распоряжаются потомки Василия⁹⁷. Во времена Петра I починок Селичный становится уже деревней Князь Васильевой, Рог тож⁹⁸. Происхождение этого названия достойно отдельного комментария. Деревня не могла получить именование по Василию Рогозину, так как последний не носил княжеский титул, а сам населенный пункт присутствует под этим названием в переписной книге 1646 г. Однако у князя Ивана Михайловича Хотетовского, первого известного владельца д. Сельна, Рог тож, согласно родословной росписи, был прадед, которого звали князем Василием. Возможно, именно он упоминается в дворовой тетради⁹⁹. Других носителей этого имени среди князей Хотетовских нам неизвестно. Таким образом, название д. Князь Васильевой, вероятно, отражает раздел родовых вотчин кн. Хотетовских в первой половине — середине XVI столетия.

В 1676/77 г. часть вотчины кн. Ивана Степановича Хотетовского («что была поляна Селеховская, Хожаинов починок тож» и отхожая пустошь на р. Кутьме) отошли в качестве приданого к Федору Ильину сыну Безобразову¹⁰⁰. В переписной книге 1677/78 г. за Ф. И. Безобразовым записаны д. Хожаинова и д. Синец на «Кутемских Плотях»¹⁰¹. К 1700 г. Хожаинов починок, «что ныне слывет» д. Синец, будет отказан кн. Ивану Степановичу Хотетовскому¹⁰².

Согласно переписной книге 1677/78 г., кн. И. С. Хотетовский владеет в Годыревском стане Болховского уезда следующими населенными пунктами: с. Хотетово, д. Слоботка Скупщина и д. Кудинова (в поместье)¹⁰³.

В 1703 г. кн. И. С. Хотетовский выменял у Власа Семенова сына Булгакова поместье в Годыревском стану в д. Булгаковой на вологодское поместье¹⁰⁴. В этом же году Яков Ефимов сын Подымов продал князю свою вотчину в Годыревском стану: д. Малые Лучки и д. Опухтину¹⁰⁵. В 1707 г. Игнатий Васильев сын Булгаков «поступился за деньги» кн. Ивану Сергеевичу поместными землями, в которые входила половина д. Большие Лучки на р. Боровой и пуст. Ковыни на р. Сурене¹⁰⁶. В 1707 г. кн. И. С. Хотетовскому Парфений Михайлов сын Подымов продал свою вотчину в Годыревском стану пустошь на р. Густовари¹⁰⁷. В 1712 г. Арнаутовы продали князю жеребей в д. Переверзевой Годыревского стана¹⁰⁸.

В 1729 г. кн. Анисим Иванов сын Хотетовский продал из своей родовой вотчины поручику Никите Тимофееву сыну Ржевскому за 3 тыс. рублей д. Балагурову, д. Хохолеву и д. Кривчею¹⁰⁹. После смерти князя Анисима его земли перешли к дочери Ирине¹¹⁰.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 239–239 об.; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 156.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 239 об.–240.

⁹⁸ Там же. Л. 240 об.–241.

⁹⁹ Тысячная книга 1550 г... С. 172.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 156 об.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 10046. Л. 339 об.–341.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10089. Л. 191 об.–192; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 157–157 об.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 10046. Л. 314–322 об.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10081. Л. 1265–1278.

¹⁰⁵ Там же. Ед. хр. 10085. Л. 228 об., 229 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 153–159.

¹⁰⁷ Там же. Л. 145–150.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10103. Л. 648.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10106. Л. 235–236; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 157 об.–159 об.

¹¹⁰ РГАДА. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10203. Л. 157; Ед. хр. 10221. Л. 358–358 об.; Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 257–258, 261.

II. Описана в дозорной книге 1619/20 г. и вторая вотчина князей Хотетовских: «За вдовою за княгинию Анною за князь Петровскою женою Хотетовского да за ее сыном за князь Федором, а князь Федор в государеву службу поспел, (дрв) Красильникова на речке на Сельне... (дрв) Круглая на речке на Валоватой... (дрв) Житная... да за ними ж деревня Болагурова... Да за ними ж деревня [Кр]ивчая на речке на Кривечей... (дрв) Кречатна, а Хоходева тож, на речке на Кречатне»¹¹¹.

Выпись из писцового описания 1626/27–1628/29 гг. содержит информацию о «Красильниковской» вотчине кн. Хотетовских спустя несколько лет после дозора. К моменту проведения описания 1626/27–1628/29 гг. пустошь, что была д. Красильникова, владел князь Федор Петров сын, а прежде вотчина была «за дедом ево за князь Андреем княж Дмитриевым сыном Хотетовского, а после деда ево за князь Петром»¹¹². Для приправки в 1620-х гг. писцы использовали книги письма Григория Колединского 1583/84 г. Вероятно, именно в это время д. Красильниковой с деревнями владел кн. А. Д. Хотетовский.

По переписной книге 1646 г. за кн. Федором Федоровым сыном Хотетовского в вотчине были: д. Красильникова, д. Хохолева, д. Житная на р. Рог, д. Балагурова и д. Кривчая¹¹³.

В 1666/67 г. кн. Федору Федорову сыну к его д. Красильниковой была примежевана вотчина Гаврилы Пальчикова, которую сын последнего Семен заложил князю: половина д. Софоновки и пуст., что была д. Пальчикова¹¹⁴. После смерти кн. Федора Федоровича в 1672/73 г. его вотчины были справлены за его детьми Федором и Гавриилом¹¹⁵. Гавриил умер в 1693/94 г. и его долю унаследовал Федор, который заложил вотчину. В следующие десятилетия д. Красильникова несколько раз меняла владельцев, пока в 1705 г. ее не купил стольник кн. Иван Степанович Хотетовский¹¹⁶.

III. В дозорной книге 1619/20 г. содержится также описание бывшей вотчины князей Хотетовских, которая оказалась в собственности Болховского Оптиного монастыря: «Да за монастырем же, что было за князем Иваном княж Васильевым сыном Хотетовского в вотчине пустошь, что было полдеревни Кречатны на речке на Кречатне. А дал тое полпустоши Рожеству Пречистой Богородицы по свой душе князь Иван Хотетовской... Пашни добрые земли перелогом тритцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена нет, лес большой»¹¹⁷. Вторая половина пустоши по дозору 1619/20 г. и по выписи из писцовой книги 1626/27–1628/29 гг. идет как вотчина княгини Анны и затем князя Федора Хотетовских¹¹⁸.

В конце XVII — начале XVIII в. Болховский Оптиный монастырь активно менял земли (иногда они характеризуются как «полоски») на р. Кречатне (Клечатне) с вотчинными землями болховских детей боярских¹¹⁹. Показательно, что во время мены 1701 г. с Яковом Умарьевым сыном Шамординым для обоснования наличия владений монастыря на р. Кречатне была сделана выпись с процитированного выше текста дозора 1619/20 г. о былой принадлежности этой земли князю И. В. Хотетовскому¹²⁰.

Князь Иван Васильевич Хотетовский не известен нам по родословной росписи, поданной в конце XVII в. Вероятно, он был сыном кн. Василия, давшего название д. Князь Васильевой. Время жизни кн. Ивана Васильевича очень осторожно стоит определить как первая половина — середина XVI в.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 254–257об. Чтение утраченных фрагментов реконструировано по списку: Там же. Ед. хр. 10051. Л. 243об.–246.

¹¹² РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 483об.–485.

¹¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 187об.–193.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10105. Л. 669; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 485–485об.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 481–482об., 485об.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10089. Л. 192; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 486об.–487.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 292об.–293; Ед. хр. 10051. Л. 268об.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 256об.–257; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 484.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 686; Ед. хр. 687; Ед. хр. 688; Ф. 1209. Стб. по Орлу. Ед. хр. 958/32530. Л. 203–205; ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 292–295; ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10203. Л. 157; Ед. хр. 10221. Л. 358–358об.; Оп. 85. Ед. хр. 1249. Л. 660об.–661.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10085. Л. 294.

В эпоху Генерального межевания земли Болховского Оптина монастыря на р. Кречетне станут казенным отхожим местом¹²¹.

Таким образом, уже в середине XVI столетия в Болховском уезде существовал крупный комплекс родовых вотчин кн. Хотетовских. Вотчины оказались поделены между двумя ветками этого княжеского рода, разделившись в первой половине — середине XVI в. Само с. Хотетово, центр вотчины, до того как стало монастырской вотчиной во второй половине XVI в., было разделено на две части между различными ветками рода. Именно вотчина в Болховском уезде может с наибольшей вероятностью являться родовым землевладением кн. Хотетовских, с которым они пришли на службу московскому князю в конце XV столетия (см. цв. вклейку, рис. 4).

4. С. Хотетово Орловского (после административной реформы — Мценского) уезда и Хотетовский хутор. М. К. Любавский соотнес центр княжества с с. Хотетово Мценского уезда в верховьях р. Вишенки (совр. р. Вишневец), правого притока р. Рыбницы¹²². По материалам Генерального межевания, этот населенный пункт назывался с. Хотетово, Вешневец тож, и до реформы находился в Орловском уезде¹²³. Этот населенный пункт возник не ранее июля 1680 г., когда писец Полуект Шамордин и Савва Репьев отмерили и отмежевали стряпчему князю Федору Федорову сыну Хотетовскому в Орловском уезде в Тайчуковском стану «пустошь дикое поле... у курской большой дороги», межи которого проходили по Вишневецкому верху, Большому Вишневецкому отвершку и Вишневецу-колодезю¹²⁴. Сравнение «межевых признаков» описания XVII в. с планом Генерального межевания 1778 г. дачи с. Хотетово, Вешневец тож, показывает, что мы имеем дело с одной и той же территорией. В более ранних описаниях Орловского уезда описание земель кн. Хотетовских в верховьях р. Вешневец нами не обнаружено. В сентябре 1696 г. кн. Федор Федорович Хотетовский променял с. Вешневец Орловского уезда Ивану Петрову сыну Бестужеву-Рюмину¹²⁵.

Таким образом, с. Хотетово, Вешневец тож, возникло на рубеже XVII и XVIII столетий после пожалования этих земель кн. Хотетовским и не имеет никакого отношения к владениям последних в XV в.

В 5 км юго-западнее с. Хотетова располагался в XIX столетии хутор Хотетовский (совр. пос. Петровский Свердловского района Орловской обл.)¹²⁶. На уездных картах XVIII в. Генерального межевания хутор не показан¹²⁷. Так как на трехверстке середины XIX в. не совсем ясно, к какому конкретно населенному пункту относится подпись с названием населенного пункта, то нами было просмотрено два плана дач, на землях которых мог возникнуть хутор Хотетовский: пустошь Рылково и пустошь Сагалаева¹²⁸. На этих планах не обнаружилось гидронимов с корнем -хотет-, а учитывая, что с. Хотетово, Вешневец тож, и пуст. Сагалаевой владели представители рода Бестужевых-Рюминых¹²⁹, можно уверенно утверждать, что Хотетовский хутор возник в конце XVIII — первой половине XIX в. как «выселки» из села в верховьях р. Вишенки. Таким образом, от предположения М. К. Любавского стоит отказаться.

5. Д. Хотетово Алексинского уезда. Известно Хотетово и в Маленском стане Алексинского уезда XVII–XVIII вв., которое после реформ Екатерины II окажется в Одоевском уезде Тульской губ.¹³⁰ Самое раннее его упоминание мы находим в дозорной книге Алексинского уезда 1615/16 г., согласно которому оно принадлежало детям боярским Коптевым¹³¹. В писцовой книге Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг. наряду с д. Хотетово Маленского ст. фигурирует топоним Хотетовский

¹²¹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 311. Ч. 2. Ед. хр. 0 — 4 син.; Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 646. Л. боб. Дача 12; Ед. хр. 647. Л. 6. Дача 12.

¹²² Орловская губ.: список населенных мест... С. 8. № 70.

¹²³ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 320. Ч. 1. Ед. хр. X — 11 кр.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 41–47об.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Орлу. Ед. хр. 10089. Л. 583–586.

¹²⁶ Орловская губ.: список населенных мест... С. 8. № 83.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 3859.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 320. Ч. 1. Ед. хр. P — 8 син.; C — 27 син.

¹²⁹ Там же. Ед. хр. C — 27 син.; X — 11 кр.

¹³⁰ Списки населенных мест: Тульская губ. СПб., 1862. С. 146. № 3502.

¹³¹ Дедук А. В. Материалы дозоров Алексинского уезда 1610-х — 1620-х гг. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2020. Вып. 21. С. 327. Также см.: Там же. С. 344.

верх¹³². Населенный пункт, описанный в писцовых книгах, соотносится с селищами 1–2 у современной д. Хотетово Дубенского района Тульской области, существовавшими, по археологическим данным, в XV–XVIII вв.¹³³

Кроме упоминания д. Хотетовой, при описании порозжих земель Афанасьевского стана в писцовой книге Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг. фигурируют две пустоши, что были д. Васильевская и Горбунова, «а были в поместье за Петром Хотетовским»¹³⁴. Не ясно, указан ли случайно этот человек без княжеского титула или же мы имеем дело с веткой рода, потерявшего свою титулатуру¹³⁵. Возможно, его стоит отождествлять с князем Петром Андреевичем Хотетовским родословной росписи, вдова и сын которого владели в 1619/20 г. вотчиной в Болховском уезде¹³⁶. Один из жеребьев с. Хотетова «в Алексинском уезде в Волконе в Бобошинском стану» уже в 1584/85 г. был описан в отдельной книге Елизария Ржевского и подьячего Русина Максимова, что, вероятно, следует связывать с утратой кн. Хотетовских поместий в Алексинском уезде¹³⁷.

В 2,5 км на северо-запад от д. Хотетовой Алексинского уезда лежит д. Карачево. Она известна как село с XVII в. и как центр Карачевского стана Алексинского уезда¹³⁸. Этим двум близким топонимам мы находим «пару» в Карачевском уезде — г. Карачев и д. Юдина, Хотетовская тож (см. про них выше). Возникновение такой топонимической пары, скорее всего, связано с перемещением населения внутри одного политического образования или военных действий (расселение полона). Учитывая упоминание поместий Хотетовских в Алексинском уезде, запустевших к 1620-м гг., можно предположить, что здесь в XVI — начале XVII столетий существовало несколько поместий кн. Хотетовских, которые осваивались выходцами из их карачевской вотчины.

Таким образом, только с. Хотетово под Болховом являлось родовой вотчиной кн. Хотетовских и, соответственно, может претендовать на роль центра удела.

***

Для полноты картины необходимо рассмотреть поместное землевладение кн. Хотетовских в Воротыньском уезде. Именно здесь, как мы отмечали выше, зафиксировал вотчины кн. Хотетовских О. А. Шватченко¹³⁹. Ю. В. Анхимюк и А. П. Павлов отмечают наличие у кн. Хотетовских в Воротыньском уезде вотчин «за московское осадное сиденье»¹⁴⁰. Интерес к землевладению в Воротыньске подогревает и тот факт, что служба кн. Хотетовским по нему фиксируется с 1550-х гг.

Самым ранним дошедшим до нас описанием Воротыньского уезда является дозорная книга 1613/14 г. Она фиксирует в Краишинском стане поместье и вотчину князя Гавриила Дмитриева сына Хотетовского — с. Холопово на р. Дубенке с пустошами. Вотчина раньше «за отцом иво за князем Дмитрием княж Ивановым сыном Хотетовского... дано было отцу иво, князю Дмитрею, при царе Василье в вотчину ис помесного иво окладу со штисот с пятидесять чети со ста по дватцати чети, итого сто трицать чети за московское осадное сиденье»¹⁴¹. Эти поместья и вотчина оставались за кн. Г. Д. Хотетовским и по писцовой книге 1625/26–1626/27 гг.¹⁴² Кн. Д. И. Хотетовский упоми-

¹³² Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/28 – 1628/29 гг. как источник по исторической географии Верховских княжеств [Ч. 1] // Город Средневековья и раннего нового времени — VI: археология. История. Тула, 2018. С. 411–415, 417.

¹³³ Шеков А. В. Волкона — городской центр княжеского удела конца XIV–XV в. // Город средневековья и раннего нового времени: Археология. История. Тула, 2013. С. 112; Он же. Политическая история и география... С. 343.

¹³⁴ Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 456.

¹³⁵ Аналогии см.: Кузьмин А. В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 59–197.

¹³⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 256, 257; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 254–257об.

¹³⁷ Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. 2. № 165. С. 159.

¹³⁸ Дедук А. В. Материалы дозоров Алексинского уезда... С. 324, 343; Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 417–418.

¹³⁹ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины... М., 1990. С. 173–174.

¹⁴⁰ Осадный список 1618 г. / сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 496.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 10–13об.

¹⁴² Там же. Ед. хр. 84. Л. 15–16, 103–105.

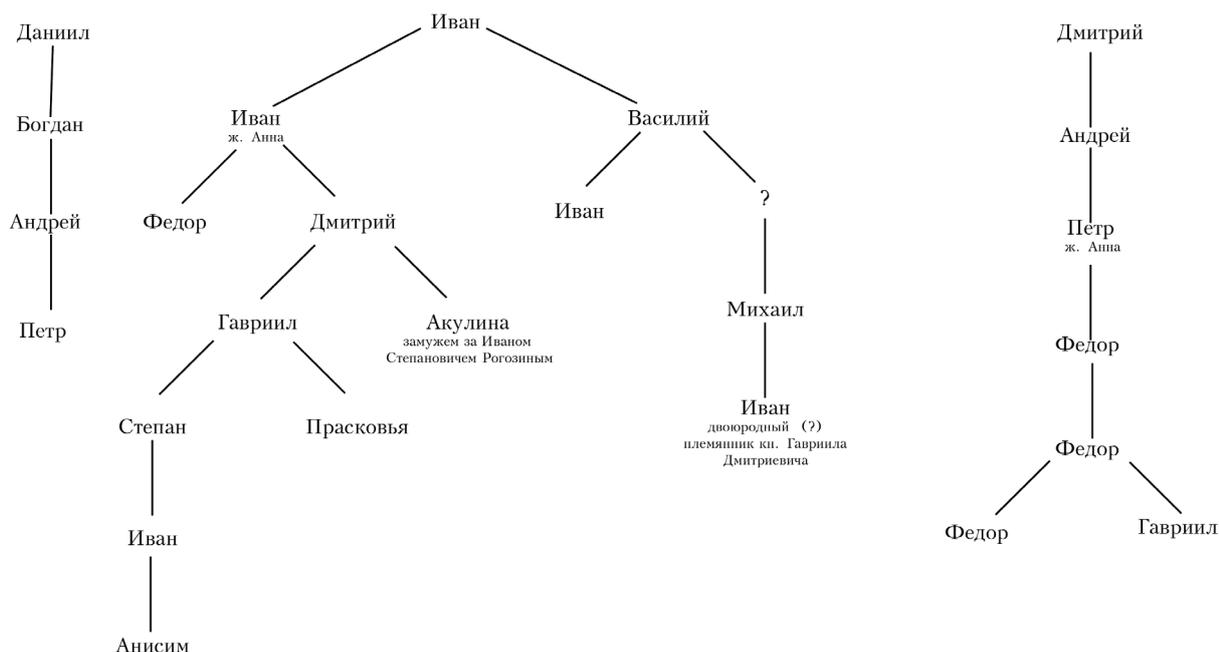

Схема 3. Кн. Хотетовские в XVI–XVIII вв., по историческим источникам

нается в источниках с 1580-х гг. (см. выше) и является сыном кн. И. И. Хотетовского, записанного в дворовой тетради. Учитывая весьма распространенную практику перехода поместья от отца к сыну при условии несения службы, вероятно, именно с. Холопове было владением кн. И. И. Хотетовского в середине XVI столетия. К концу XVIII столетия сц. Холопово на р. Дубенке будет находиться в Перемышельском уезде¹⁴³. Сейчас это д. Холопово Бабынинского р-на Калужской обл., расположенная в 20 км на юго-запад от Воротынского.

В дозорной книге 1613/14 г. мы встречаем с. Лопинусово на р. Росве Говеинского стана, которое «наперед того было» за князем Андреем Дмитриевым, сыном Хотетовского¹⁴⁴. Князь Андрей Дмитриевич приходился, согласно выписи из писцовой книги Болховского уезда 1629/30 г., дедом князя Федора Петровича¹⁴⁵.

В Говеинском же стане находились вотчина и поместье князя Федора Петрова, сына Хотетовского, «что было за отцом иво за князем Петром за княж Ондриевым сыном Хотетовского с отца его с помещного окладу со штисот с пятидесяти чети со ста по дватцати чети и того сто тритцать чети» д. Куровская на р. Угре с пустошью». Вотчина была пожалована за московское осадное сиденье в 1613/14 г.¹⁴⁶ Эти земли записаны за князем Петром Хотетовским и в писцовой книге 1625/26–1626/27 гг.¹⁴⁷

С. Куровское и с. Лапеносово известны по материалам Генерального межевания в Перемышельском уезде Калужской губернии в 5–7 км на северо-запад от места впадения р. Угры в р. Оку¹⁴⁸.

Можно аккуратно предположить, что в таком случае, поместья кн. Хотетовских на берегу р. Угры передавались в XVI в. подобным образом с некоторыми изменениями в объеме поместья: кн. Богдан Данилов сын (упомянут в дворовой тетради) — кн. Андрей Богданов сын (уп. в 1585 г.) — кн. Петр Андреев сын (эпоха Смуты) — кн. Федор Петров сын.

¹⁴³ Описание города Перемышля и его уезда // Атлас Калужского наместничества... Т. 2. С. 80–81. № 396.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 211об.–214.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10228а. Л. 482об.–483.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 214об.–217.

¹⁴⁷ Там же. Ед. хр. 84. Л. 268–269, 328об.–330.

¹⁴⁸ Атлас Калужского наместничества...; Генеральная карта Перемышельского уезда. Ч. 2; Описание города Перемышля и его уезда // Атлас Калужского наместничества... Т. 2. С. 87. № 425; С. 89. № 439.

Таким образом, в Воротынском уезде у кн. Хотетовских было два поместья, появление которых следует связывать с их испомещением по Воротынску в середине XVI в. Вотчины у них здесь появляются после Смутного времени за «московское осадное сиденье» на основе бывших поместных земель и не являются родовыми.

***

История и география землевладения кн. Хотетовских в свете приведенных выше фактов выглядят следующим образом. Сразу после выделения из рода карачевских князей кн. Хотетовские получили в надел село Хотетово под современным Болховым и населенный пункт, расположенный недалеко от столицы княжества г. Карачева. Вероятно, именно с «болховским» Хотетовым они перешли на службу к московскому князю на рубеже XIV и XV столетий. На московской службе кн. Хотетовские начинают получать поместья. Так, в середине XVI в. они владеют поместьями в Воротынском уезде. Можно предположить, что наделение поместий под Воротынском связано со строительством г. Болхова в 1550-е гг.¹⁴⁹ Болхов был поставлен на землях, вплотную примыкающих к родовым вотчинам князей, если не на самих землях Хотетовского удела. В таком случае логично предположить, что поместья в Воротынском уезде стали возмещением за территории, отошедшие к «градским» землям Болхова. Кроме этого, фиксируются поместья XVI в. кн. Хотетовских в Алексинском уезде, причем обстоятельства их появления и размеры нам неясны.

Центром Хотетовского «удела» стоит считать одноименное село под Болховым. К сожалению, современное состояние археологического изучения региона не позволяет говорить о том, была ли здесь укрепленная крепость или нет¹⁵⁰. Все остальные высказанные в историографии точки зрения о локализации центра Хотетовского удела стоит признать несостоятельными, так как они основаны на топонимах более позднего происхождения.

Таблица

**Локализация населенных пунктов XVII–XVIII вв.
родовых вотчин кн. Хотетовских в Болховском уезде**

Дозорная книга 1619/20 гг. ¹⁾	Выписи из писцово- вой книги 1626/27– 1628/29 гг. ²⁾	Переписная книга 1646 г. ³⁾	Переписная книга 1677 г. ⁴⁾	Уездный план Генерального межевания ⁵⁾
с. Хотетово	с. Хотетово на р. Хотетовке	с. Хотетово	с. Хотетово	с. Хатетово
д. Селная «а Рог тож» на р. Сельне	д. Сельна, Рог тож, на р. Сельне			
д. Скупщина, «[что] была поляна Скупщина»	д. Рог, Скупщина поляна тож, на р. Рог	д. Скупщина на р. Рог	д. Слободка, Скупшинино	д. Скупшинина
слободка Хажайнова, «что была преж сего по- ляна Селехова на речке на Селни»	д. Рог, что была Поляна Селеховская, а Хажайнов по- чинок тож, по обе стороны р. Селчны	слободка Хажайнова на р. Селичне	что была поляна Селеховская, Хажайнов починок тож	д. Хажайнова
		д. Князь Васильева на р. Рог		д. Князь Васильева
			д. Синец на Кутемских Плотях	

¹⁴⁹ Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII вв. М., 2016. Т. 2: Крепости юга России. Кн. 1. С. 188.

¹⁵⁰ Археологическая карта России: Орловская обл. М., 1992. С. 24–29.

Продолжение таблицы

Дозорная книга 1619/20 гг. ¹⁾	Выписи из писцово- вой книги 1626/27– 1628/29 гг. ²⁾	Переписная книга 1646 г. ³⁾	Переписная книга 1677 г. ⁴⁾	Уездный план Генерального межевания ⁵⁾
д. Красильникова на речке на Сельне	д. Красильникова на р. Сельне	д. Красильникова	сц. Красильниково на речке на Селке	с. Красниково
д. Круглая на речке на Валоватой	пуст., что была д. Круглая, на р. Волотовой			
д. Житная	д. Житная на р. Рог	д. Житная на р. Рог	д. Житная	д. Житна
д. Болагурова	д. Балагурово на р. Рог	д. Балагурово	д. Белогурова	д. Белогурова
д. Кривчая на речке на Кривчей	д. Кривчая на р. Кривчей	д. Кривчая	д. Кривчая	с. Спасское, Кривчее тож
д. Кречатна, а Хоходева тож, на речке на Кречатне		д. Хохолева	д. Хохолева	д. Хохолева
пуст., что была д. Кречатна, на р. Кречатне Болховского Оптина Монастыря				отхожая земля Болховского Оптина монастыря на р. Кречатне

1) РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 248об.–257об., 292об.–293.

2) РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Орлу и Болхову. Ед. хр. 10168. Л. 154–154об., 155об.; Ед. хр. 10228а. Л. 483об.–485.

3) РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 182об.–187, 195–196об.

4) РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 10046. Л. 314–322об., 339об.–341.

5) РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 3436.

REFERENCES

Antonov A. V. *Rodoslovnyye raspisi kontsa XVII veka* [Genealogical lists of the late 17th century]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1996. (in Russ.).

Arkheologicheskaya karta Rossii: Orlovskaya obl. [Archaeological map of Russia: Orel region]. Moscow: b. i., 1992. (in Russ.).

Bentsianov M. M. [“Litvins” and “pans”. The Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the Moscow service in the 15th–16th centuries]. *Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy* [Studia Historica Europae Orientalis]. Minsk: b. i., 2019, iss. 12, pp. 86–125. (in Russ.).

Bentsianov M. M. *Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva: formirovanie, status, integratsiya XV–XVI vv.* [Service elites of the Moscow State: formation, status, integration. 15–16 centuries]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2021. (in Russ.).

Bespalov R. A. [Lithuanian-Moscow relations of 1392–1408 in connection with the Smolensk, Chernigov and Ryazan policies of Vitovt and Vasily I]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus]. Moscow: Alyans-Arkeo Publ., 2016, iss. 12, pp. 129–182. (in Russ.).

Bespalov R. A. [The original patrimony of the princes Ogdyrevsky and Mezetsky (according to published sources)]. *Gorod Srednevekovaya i rannego Novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archeology. History]. Tula: b. i., 2016, iss. 2 (5), pp. 139–161. (in Russ.).

Bychkova M. E. *Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie* [The composition of Russia’s feudal lords class in the 16th century: Historical and genealogical research]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).

Bychkova M. E., Smirnov M. I. *Genealogiya v Rossii: Istoriya i perspektivy* [Genealogy in Russia: History and Prospects]. Moscow: Territoriya Publ., 2004. (in Russ.).

Chernov S. Z. [The domain of Moscow princes in city camps: 1271–1505]. *Kultura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landshafty* [Culture of Medieval Moscow: historical landscapes]. Moscow: Nauka Publ., 2005, vol. 2, pp. 3–651. (in Russ.).

Deduk A. V. [From the history of the administrative-territorial division of the Kashirsky and Tula counties in the first half of the 16th century]. *Istoriya i istochnik: sb. st. k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva* [Historian and source: to the anniversary of Sergei Nikolaevich Kisterev]. St. Petersburg: Iskustvo Rossii Publ., 2018, pp. 219–237. (in Russ.).

Deduk A. V. [Materials from the patrols of the Aleksinsky district of the 1610s-1620s]. *Ocherki feodalnoy Rossii* [Sketches of Feudal Russia]. Moscow; St. Petersburg: Alyans-Arkheo Publ., 2020, iss. 21, pp. 300–371. (in Russ.).

Deduk A. V., Shekov A. V. [Regarding the question of the land ownership of the princes Volkonsky in the first half of the 17th century]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2021, no. 2, pp. 79–90. (in Russ.).

Deduk A. V., Shekov A. V. [The 1627/28–1628/29 cadaster of the Aleksin district as a source of historical geography of the Upper Oka Principalities (part 1)]. *Gorod Srednevekovyaya i rannego novogo vremeni — VI: Arkheologiya. Istoriya* [City of the Middle Ages and Early Modern Times — VI: Archaeology. History]. Tula: b. i., 2018, pp. 367–467. (in Russ.).

Florya B. N. [The evolution of tax immunity of Russia's secular feudal lords in the second half of the 15th — first half of the 16th century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1972, no. 1, pp. 48–61. (in Russ.).

Kelembet S. N. [Taruska principality and its parts]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus]. Moscow: Indrik Publ., 2018, iss. 13, pp. 69–124. (in Russ.).

Klyuchevskiy V. O. *O gosudarstvennosti v Rossii* [On statehood in Russia]. Moscow: Mysl Publ., 2003. (in Russ.).

Kobrin V. B. *Vlast i sobstvennost v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th–16th centuries)]. Moscow: Mysl Publ., 1985. (in Russ.).

Kuchkin V. A. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* [The formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984. (in Russ.).

Kuczyński S. M. *Ziemle czernihowski-siewierskie pod rządami Litwy* [Ziemle Czernihowski-Siewierskie under the rule of Lithuania]. Warszawa: b. i., 1936. (in Polish).

Kuzmin A. V. *Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — seredine XV v.* [On the way to Moscow: essays on genealogy of military gentry of the North-East Russia in the 13 — mid 15th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014, vol. 1. (in Russ.).

Massalitina G. A. [Archaeological work at the Opakovskoye settlement]. *Velikoe stoyanie na reke Ugre i formirovanie Rossiyskogo tsentralizovannogo gosudarstva: Lokalnye i globalnye konteksty* [The Great Stand on the Ugra River and the Formation of the Russian Centralized State: local and global contexts]. Kaluga: Serna Publ., 2017, pp. 221–231. (in Russ.).

Massalitina G. A. [Medieval Opakov on the Ugra]. *Kaluzhskoe nasledie* [Kaluga legacy], 2019, no. 1 (5), pp. 58–65. (in Russ.).

Massalitina G. A., Boldin I. V. [Opakov in Medieval Russian Documents and European Chronicles]. *Trudy regionalnogo konkursa nauchnykh projektov v oblasti gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the regional competition of scientific projects in the field of the humanities]. Kaluga: b. i., 2016, pp. 30–33. (in Russ.).

Massalitina G. A., Boldin I. V. [Stone defensive tower on the Ugra (archaeological evidence of the Moscow-Lithuanian border conflicts in the upper reaches of the Oka)]. *Tver, Tverskaya zemlya i sopredelnye territorii v epokhu Srednevekovyaya* [Tver, Tver land and the adjacent territories in the Middle Ages]. Tver: b. i., 2016, iss. 9, pp. 177–178. (in Russ.).

Mazurov A. B. *Srednevekovaya Kolomna v XIV — pervoy trety XVI vv.: kompleksnoe issledovanie regionalnykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Medieval Kolomna in the 14th — first third of the 16th centuries: a comprehensive study of regional aspects of the formation of a single Russian centralized state]. Moscow: Aleksandriya Publ., 2001. (in Russ.).

Pavlov A. P. [On the patrimonial land ownership of the princes Mosalsky in the 17th century]. *Grani russkogo Srednevekovyaya: sbornik statey k 90-letiyu Yu. G. Alekseeva* [The facets of the Russian Middle Ages:

a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yu. G. Alekseev]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2016, pp. 78–86. (in Russ.).

Shekov A. V. *Politicheskaya istoriya i geografiya Verkhovskikh knyazhestv: seredina XIII — seredina XVI v.* [Political history and geography of the Verkhovsky principalities: mid 13 — mid 14th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. (in Russ.).

Shekov A. V. [Volkona — the city center of the prince inherited land of the late 14–15th centuries]. *Gorod srednevekovaya i rannego novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archeology. History]. Tula: b. i., 2013, pp. 93–136. (in Russ.).

Shvatchenko O. A. *Svetskie feodalnye votchiny Rossii v pervoy treti XVII v.* [Russia's secular feudal estates in the first third of the 17th century]. Moscow: b. i., 1990. (in Russ.).

Shvatchenko O. A. *Svetskie feodalnye votchiny v Rossii vo vtoroy polovine XVII v. (istoriko-geograficheskiy ocherk)* [Secular feudal estates in Russia in the second half of the 17th century (a historical and geographical outline)]. Moscow: b. i., 1996. (in Russ.).

Smolitskaya G. P. *Gidronimiya basseyna Oki (spisok rek i ozer)* [Hydronymy of the Oka River Basin (the list of rivers and lakes)]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (in Russ.).

Stanislavskiy A. L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the history of the sovereign's court in Russia of the 16th–17th centuries]. Moscow: RGGU Publ., 2004. (in Russ.).

Temushev V. N. [Border war between the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania in 1487–1494: a map]. *Rodina* [Motherland], 2003, no. 11, pp. 58–59. (in Russ.).

Temushev V. N. [Conceptions about the territory and borders of the Upper Oka principalities in the works of researchers]. *Verkhnee Podone: Priroda. Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don region: Nature. Archaeology. History]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole» Publ., 2007, vol. 2, pp. 257–277. (in Russ.).

Temushev V. N. *Na vostochnoy granitse velikogo knyazhestva Litovskogo* [On the eastern border of the Grand Duchy of Lithuania]. Tula: b. i., 2016. (in Russ.).

Temushev V. N. *Territoriya i granitsy Moskovskogo knyazhestva v kontse XIII — pervoy polovine XIV v.: kand. diss.* [Territory and borders of Moscow principality at the end of 13th — first half of the 14th centuries: Diss. Cand.]. Minsk, 2002. (in Russ.).

Vodarskii Ia. E. [Territory and population of the Sevsky razryad in the second half of the 17th — early 18th centuries]. *Voprosy istorii khozyaystva i naseleniya Rossii XVII v.: ocherki po istoricheskoy geografii XVII v* [Questions of the history of the economy and population of Russia in the 17th century: essays on the historical geography of the 17th century]. Moscow: b. i., 1974, pp. 215–242. (in Russ.).

Vodarskii Ia. E. *Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII v. (chislennost, soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [The population of Russia in the late 17th — early 18th centuries (number, estate-class composition, location)]. Moscow: b. i., 1977. (in Russ.).

Vorotneykova I. A., Nedelin V. M. *Kremlj, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vv* [Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the 15th–17th centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2016, vol. 2, book 1. (in Russ.).

Yerusalimskiy K. [Brothers and comrades-in-arms: the family saga of the Bunaks in exile]. *Sbornik statey pamyati Yu. D. Rykova* [Collection of articles in memory of Yu. D. Rykov]. (in print). (in Russ.).

Yerusalimskiy K. *Na sluzhbe korolya i Rechi Pospolitoj* [At the service of the King and the Polish–Lithuanian Commonwealth]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-istoriya Publ., 2018. (in Russ.).

Yushko A. A. *Feodalnoe zemlevladenie Moskovskoy Rusi XIV v.* [Feudal land ownership in Moscow principality]. Moscow: Nauka Publ., 2002. (in Russ.).

Zimin A. A. *Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV — pervoy treti XVI v.* [Formation of Boyar aristocracy in the second half of 15 — first third 16th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (in Russ.).

УДК 94(44)“653”

Санжаров Валерий Анатольевич

к.и.н., свободный исследователь (Горловка)

ORCID: 0000-0003-4075-8572

E-mail: valsandzh@yandex.ru

Баканова Елена Николаевна

магистрант исторического факультета, Донецкий национальный университет (Донецк)

ORCID: 0000-0002-3029-7381

E-mail: elena.bakanova0@gmail.com

**Королевский итинерарий Филиппа VI Валуа:
феномен «номадизма» властных институтов в Средние века**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу королевского итинерария Филиппа VI Валуа (1328–1350). Королевский итинерарий не просто календарный перечень посещенных мест, а источник, характеризующий реализацию управленческих стратегий. Он затрагивает различные аспекты темы власти, механизмов ее осуществления, формирования и реализации управленческих и репрезентационных стратегий, личностного и институционального факторов, определения пространств реальной власти. Рассмотрены представления о столице на основании королевского итинерария; сезонный характер перемещений короля и его двора; логистика королевских поездок; влияние церковных праздников на места пребывания и маршруты передвижений королевского двора; пространства власти и пространства проживания; королевские резиденции и места охоты. Географическая активность Филиппа VI, несмотря на всю ее интенсивность, представляет собой выраженную моноцентрическую модель с делением на участки (зоны) по признаку частоты и повторяемости посещений. Авторы пришли к выводу, что различные королевские резиденции в Иль-де-Франс образуют некое единство, пространственный континуум, расположенный вдоль рек Уаза и Сена от Компьена до Фонтенбло. В правление Филиппа VI регион Иль-де-Франс — пространство проживания французского короля, а Париж — его географический центр. Места пребывания королевского двора находятся в пределах одного дня пути от Парижа. В качестве основных управленческих центров выделяются парные резиденции Париж–Венсен и Париж–Сен-Жермен-ан-Лэ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Валуа, Филипп VI, итинерарий, Столетняя война, электронная база данных, географические информационные системы

УДК 94(44)“653”

Valery A. Sanzharov

Candidate of Historical Sciences, free researcher (Gorlovka)

ORCID: 0000-0003-4075-8572

E-mail: valsandzh@yandex.ru

Elena N. Bakanova

Undergraduate of the Faculty of History, Donetsk National University (Donetsk)

ORCID: 0000-0002-3029-7381

E-mail: elena.bakanova0@gmail.com

**Royal Itinerary of Philip VI of Valois:
the Phenomenon of “Nomadism” of Power Institutions in the Middle Ages**

ABSTRACT. The article is devoted to the royal itinerary of Philip VI Valois (1328–1350). The royal itinerary is not a simple calendar list of visited places but a source characterizing the implementation of the government strategies — ‘the style of governing’. It addresses various aspects of the problems of power, the mechanisms of its implementation, the formation and realization of managerial and representative strategies, the personal and institutional factors, the definition of spaces of real power. The article analyzes the notions of the capital on the basis of the royal itinerary; the seasonal nature of the journeys of the king and his court; logistics of royal trips; the influence of church holidays on the places of stay and travel routes of the royal court; space of power and space of residence; royal residences and hunting grounds. The geographical activity of Philip VI, despite all its intensity, is a pronounced monocentric model with division into separate sites (zones) based on the frequency and repeatability of visits. The authors concluded that the various royal residences in the Ile-de-France form a kind of unity, a spatial continuum located along the Oise and Seine rivers from Compiègne to Fontainebleau. During the reign of Philip VI, Ile-de-France was the only living space of the French king. Paris was its geographical center. The residences of the royal court are within one day’s journey from Paris. The pair residences Paris–Vincennes and Paris–Saint-Germain-en-Laye stand out as the main management centers.

KEYWORDS: Valois, Philip VI, itinerary, Hundred Years War, Electronic Database, geographic information systems

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы маршруты передвижений государя и его свиты, изучение проблем мобильности и оседлости властных институтов становятся инструментом для оценки организации и эффективности власти монарха в Средние века и Новое время¹. Период правления Филиппа VI достаточно хорошо обеспечен опубликованными источниками (королевские ордонансы, грамоты и письма, материалы канцелярии и финансовые документы)², к которым применимы методы статистического анализа. Нарративные источники (прежде всего хроники)³ имеют целый ряд особенностей, которые необходимо учитывать: одни хронисты полностью копировали королевские указы и ордонансы, тексты договоров, военную, дипломатическую и управленческую переписку монарха, другие тщательно отбирали лишь важные, с их точки зрения, сведения. Хроники наполнены топосами и клише прежде всего в описании отдельных персонажей, исторических деятелей. Зачастую время описываемых событий носит условный характер, не совпадая с реальными событиями на дни, недели и даже месяцы. Суммирование, формализация материалов источников⁴, а в настоящее время создание электронных баз⁵ позволяют построить непрерывные ряды данных по различным показателям, характеризующим пребывание короля в тех или иных населенных пунктах: по циклам королевской активности (мобильность-оседлость); по годам; по сезонам; по месяцам; по дням недели; по основным церковным праздникам и т. д.⁶

Филипп VI Валуа правил Францией с 29 мая 1328 г. (помазание и коронация в Реймсе)⁷ по 22 августа 1350 г. (8 121 день). Данные документальных источников о местах пребывания монарха и его двора по дням содержат 3 566 упоминаний. Таким образом, 40,7 % времени правления первого представителя династии Валуа задокументировано. Нам известны 507 мест его постоянных и временных резиденций (городов, замков, монастырей) (см. цв. вклейку, рис. 5).

Неопределенность, связанная с королевскими перемещениями (для значительной части времени правления невозможно точно установить местопребывания короля), может быть частично компенсирована картографической обработкой. Поскольку король находится в постоянном движении,

¹ L'itinérance de la cour en France et en Europe (Moyen Âge–XIXe siècle) / dir. B. Bove, A. Salamagne, C. zum Kolk. Villeneuve d'Ascq, 2021. P. 371–412; Гришин Е. С., Санжаров В. А. Королевские итинерарии как исторический источник: на примере постоянных резиденций и маршрутов передвижений Людовика XI (1461–1483) // Источниковедение в современной медиэвистике. М., 2020. С. 322–325; Санжаров В. А., Смагин М. Р., Филиппова Е. Б. Возможности статистической обработки формализованных данных на материале итинерария Людовика XI (1461–1483) // Мир Евразии: от древности к современности: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. Т. 1. С. 141–146; Гришин Е. С. Пространственная мобильность Генриха IV в 1063–1073 гг. как фактографическая основа для анализа распространения информации в средневековой Германии // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 106–122.

² Pardessus J. M. Table chronologique des ordonnances des rois de France de la troisième race jusqu'au règne de Louis XII inclusivement. Paris, 1847; Documents parisiens du règne de Philippe VI, extraits des registres de la chancellerie de France / éd. J. Viard. Paris, 1899–1900. 2 vol.; Lettres d'état enregistrées au parlement sous le règne de Philippe VI de Valois (1328–1350) / J. Viard // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1897. Vol. 34, № 2. P. 193–267; Miret y Sans J. Lettres closes des premiers Valois // Moyen Âge. 1917–1918. Т. 10. P. 53–88; Philip VI. Lettres closes, lettres "de par le roi" de Philippe de Valois / éd. R. Cazelles // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. Années 1956–57. 1958. P. 61–225; Philip VI. Nouvelles lettres closes et "de par le roi" de Philippe VI de Valois / éd. P. Gasnault // Bibliothèque de l'école des chartes. 1962. Т. 120. P. 172–178; Bautier R.-H. Recherches sur la chancellerie royale au temps de Philippe VI // Bibliothèque de l'école des chartes. 1964. Т. 122. P. 89–17; 1965. Т. 123 (2). P. 313–459; Registres du Trésor des Chartes: Inventaire analytique / éd. J. Viard, A. Vallee. Paris, 1978–1979. Т. 3: Règne de Philippe de Valois.

³ Grandes chroniques de France / éd. J. Viard. Paris, 1937. Т. 9: Charles IV le Bel, Philippe VI de Valois; Oeuvres de Froissart. Chroniques / éd. J. M. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1872. Vol. 4; Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle / publ. A. Hellot. Nogent-le-Rotrou, 1884; Petite chronique française de l'an 1270 à l'an 1356 / publ. Douet d'Arcq. Paris, 1866.

⁴ Viard J. Itinéraire de Philippe VI de Valois // Bibliothèque de l'école des chartes, 1913. Т. 74. P. 74–128, 525–619; 1923. Т. 84. P. 166–170.

⁵ Itinéraire de Philippe VI. Les lieux de séjour du roi d'après ses actes et ses comptes (1328–1350) / éd. B. Bove, Antoine Jacqueton. Paris, 2016. URL: <http://cour-de-france.fr/article4325.html> (accessed: 20.12.2019); Филиппова Е. Б., Баканова Е. Н. Итинерарий первого представителя династии Валуа (создание и возможности использования базы данных) // Мир Евразии: от древности к современности. Т. 1. С. 123–128.

⁶ Филиппова Е. Б., Баканова Е. Н. Указ. соч. Табл. 1–3.

⁷ Viard J. Philippe VI de Valois. Début du règne (février-juillet 1328) // Bibliothèque de l'école des chartes. 1934. Т. 95. P. 270, 275–280.

а отдельные точки его маршрута известны, как известны средневековые дороги и средняя скорость передвижения транспортных средств того времени, перенесение данных на карту позволит с высокой долей вероятности определить ранее неизвестные места королевских остановок.

Рассмотрим, может ли простой перечень дат и мест нахождения короля и его двора стать источником дополнительной информации для исторического исследования и какие сведения позволяет получить статистическая обработка массива однородных данных.

Географическая активность Филиппа VI, несмотря на всю ее интенсивность, представляет собой выраженную моноцентрическую модель с делением на отдельные участки (зоны) по признаку частоты и повторяемости посещений (см. цв. вклейку, рис. 6).

Таблица 1

Зоны постоянной, периодической и эпизодической пространственной активности Филиппа VI Валуа (1328–1350 гг.) (см. цв. вклейку, рис. 7)

Тип зоны	Описание	Характеристики и особенности
I	Зоны постоянной пространственной активности (от 2500 раз и выше)	Является ядром общей территории пространственной активности субъекта. Маршруты в пределах зоны имеют повторяемый характер, что позволяет выделять репрезентативные участки маршрутов. Географическая территория зоны определяется окрестностями основных резиденций
II	Зоны периодической пространственной активности (от 80 до 250 раз)	Представляют буферную зону по отношению к зоне I типа. Географически часто приурочено к конкретным историческим областям. Как правило, подобные зоны являются транзитными между центром и периферией
III	Зоны эпизодической активности (от 30 до 80 раз)	Посещения происходят однократно или небольшое количество раз, в связи с чем географическое определение затрудняется или задается опорными пунктами маршрута

Таблица 2

Расшифровка зон к карте (см. цв. вклейку, рис. 8)

Номер на карте	Общее число пребываний	Тип зоны	Территория
1	96	II	Мэн, Вандом, Дюнуа, Перш, сев. Турени
2	211	II	Герц-во Орлеанское, графство Сансер
3	27	III	Юго-вост. гр. Шампань, гр. Тоннер
4	56	II	Северо-западн. часть Шампани, Реймс
5	2 561	I	Окрестности Парижа
6	263	II	Гр-ва Клермон, Вермандуа, Амьенуа, Артуа, юго-восток Фландрии
7	81	II	Гр-ва Шартр, Монфор, Этамп
8	112	II	Восточ. часть Нормандии
9	16	III	Междуречье Луары и Соны Шароле, Шалон
10	6	III	Среднее течение Вьенны

1. ОПИСАНИЕ ЗОН ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ФИЛИППА VI ВАЛУА

Зона I. Париж и его окрестности. Париж достаточно рано примерил на себя роль столицы королевства⁸. Индикатором этой его роли являются хроники: он встречается 27 и 24 раза соответственно

⁸ Cazelles R. Paris de la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V, 1223–1380. Paris, 1972; Bove B. Alliance ou défiance? Les ambiguïtés de la politique des Capétiens envers leur capitale entre le XIIIe et le XVIIe siècle Dans: Les villes capitales au Moyen Âge. Paris, 2006. P. 131–154; Paris, ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle) / dir. B. Bove, M. Gaude-Ferragu, C. Michon. Rennes, 2017.

у Ригора и Гийома де Бретона в описаниях сорокатрехлетия правления Филиппа Августа (1165–1223); 33 и 57 раз у Гийома де Нанжи и его продолжателей и Жана де Сен-Виктора в описаниях двадцатидевятилетия правления Филиппа Красивого (1268–1314)⁹. При этом для хронистов, как и для иконографии развитого средневековья, важен и заметен не столько сам город с его повседневной жизнью, сколько пространство реализации монаршей власти¹⁰. Безусловно, они обращают внимание на коронационные въезды¹¹. Торжественные встречи и праздничные процессии служат установлению социальной иерархии и позволяют проследить символическое значение замкнутых городских пространств. Но хронисты обращают внимание и на другие въезды короля в столицу¹². Иногда описывается и отъезд монарха из столицы¹³.

В Париже располагались основные органы государственного управления (Парламент, Палата Счетов, Курия Эд, Монетный Двор)¹⁴. В столице и ее окрестностях находился ряд королевских дворцов¹⁵. Это жилая среда двора, театр проявления королевского величия. Здесь же находится *Capella Regis Parisius*, или «Королевская часовня»: в 1332 г. в Сен-Шапель Филипп VI объявил о совершеннолетию и посвятил в рыцари своего старшего сына Жана Французского (будущего Иоанна Доброго)¹⁶.

Статистический анализ показал, что монархи проводят в Париже (с пригородами) только 29 % своего времени¹⁷, причем реальная цифра может оказаться меньше, поскольку иногда индикатором пребывания короля в столице служат документы, изданные не только его канцелярией, но и другими органами власти. Они находятся в Париже, но король может на момент издания документа пребывать и в другом месте. Посещаемость города имеет тенденцию к сокращению от правления Филиппа II Августа к правлению Филиппа VI, в то же время роль Парижа как столицы сохраняется. Так или иначе, среднестатистический французский король проводит три четверти своего времени за пределами столицы. Возникает расхождение между политической (столичной) и жилой (дворцовой) функциями Парижа.

Париж и Венсен (в 7 км к востоку) являются двумя главными резиденциями королей с XIII в. и действуют в связке — своего рода «двойная столица». Если мы возьмем пару в целом, то увидим,

⁹ Guyot-Bachy I. La géographie urbaine des chroniqueurs parisiens de Philippe le Bel à l'avènement de Charles V // Être parisien. Paris, 2004. P. 482.

¹⁰ Chevalier B. Le paysage urbain à la fin du Moyen Âge: Imagination et réalités // Le paysage urbain au Moyen Age. Lyon, 1981. P. 7–21; Guyot-Bachy I. La géographie... P. 484.

¹¹ Guenée B., Lehoux F. Les Entrées royales françaises de 1328 à 1515. Paris, 1968.

¹² Так анонимный хронист описывает въезд Филиппа VI в Париж после Касселя в день св. Михаила: «le jour de la feste saint Michel — en la grant rue Saint-Denys à Paris, Grant-pont, et la grant rue d'illec faisant droit chemin à l'église Nostre-Dame de Paris, encourtinés, — à trompes, timbres et nacaires, du peuple de Paris à grant joie fut recheu». *Chronique parisienne...* P. 122.

¹³ Например, перемещение короля перед отъездом в Кассель. *Grandes chroniques...* Т. 9. P. 79.

¹⁴ Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. Посещение королем Палаты Счетов в 1320 г. *Chronique parisienne...* P. 55.

¹⁵ Borrelli de Serres J. L'agrandissement du Palais de la Cité sous Philippe le Bel // *Mémoires de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France*, 1911. P. 1–106; Guerout J. Le Palais de la Cité à Paris des origines à 1417: essai topographique et archéologique // *Paris et Ile-de-France: Mémoires de la Fédération des Sociétés Historiques et Archéologiques de Paris et de l'Ile-de-France*, 1949. Vol. 1. P. 57–212; 1950. Vol. 2. P. 21–204; 1951. Vol. 3. P. 7–101; Cazelles R. Paris... P. 160–166; Bove B. Les palais royaux à Paris au Moyen Âge (xie-xve siècles) // *Palais et pouvoir, de Constantinople à Versailles*. Saint-Denis, 2003. P. 45–79.

¹⁶ *Chronique parisienne...* P. 150. К этому времени существовала традиция посвящения в рыцари отпрысков королевской крови. 5 июня 1267 г. на Троицу был посвящен в рыцари будущий король Филипп III Смелый. *Grandes chroniques...* Т. 8. P. 52–53. В 1306 г. на Пятидесятницу в Вестминстере Эдуард I посвятил в рыцари будущего Эдуарда II и еще 300 человек, включая мэра Лондона; на пиру присутствовал патриарх Иерусалима. Brown E. A. R., Regalado N. F. *La Grant Feste. The Account of the 1313 Celebration of the Knighting of the Three Sons of Philip the Fair // City and Spectacle in Medieval Europe*. Minneapolis, 1994. P. 57, n. 9. На Пятидесятницу 3 июня 1313 г. в Париже Филипп IV Красивый посвятил в рыцари троих своих сыновей и еще порядка 200 претендентов. Король щедро одарил новых рыцарей: только на приобретение лошадей для них было потрачено 32 000 ливров. Современные хроники дают подробное описание торжеств с участием трех королей Франции, Наварры и Англии и папского эmissара кардинала Николя де Фреовиля. *Grandes chroniques...* Т. 9. P. 287–290; Guerout J. *Le Palais...* Vol. 2. P. 44; Brown E. A. R., Regalado N. F. *Universitas et Communitas: The Parade of the Parisians at the Pentecost Feast of 1313 // Moving Objects: Processional Performance in the Middle Ages and the Renaissance*. Amsterdam, 2001. P. 117–154.

¹⁷ Bove B. Les rois médiévaux sont-ils Parisiens? Essai de synthèse des itinéraires royaux médiévaux de Philippe Auguste à Louis XI (1180–1483) // *Paris ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle)*. Rennes, 2017. P. 26.

что почти все короли до 1350 г. проводят от 20 до 30 % своего времени в этих двух резиденциях¹⁸. Венсен или Венсенский лес (необходимо помнить — не все короли, которые проводили здесь много времени, заядлые охотники, например, Людовик Святой) выбран в качестве парного управленческого центра благодаря близости к Парижу и удобной дорожной и речной развязке (связь с востоком и юго-востоком королевства).

Какую информацию о столице дает нам итинерарий Филиппа VI? Париж является не только первым по количеству (594 упоминания) и продолжительности пребывания местом жительства и основной резиденцией первого представителя новой династии Валуа, но и единственным крупным городом, в котором он часто бывал. Венсен (514 упоминаний), Сен-Жермен-ан-Лэ (208), Рец (50), Фонтенбло (37), Бекуазель (27), Брюнуа (24), Ле-Ге-де-Мони (22) — изолированные замки; Монсель (156), Мобюисон (106), Нотр-Дам-ан-Валуа (31), Сен-Кристоф-ан-Аллат (68), Валь-Нотр-Дам (39) и Руайомон (22) — монастыри. И те, и другие расположены вне городских стен. Король иногда проживает в церковных учреждениях (например, в монастыре Сен-Дени — 32 упоминания) или городских замках (Мелён — 21 упоминание), которые, безусловно, связаны с городом. В этих городках даже может быть коммуна (Пуасси — 129 упоминаний, Компьень — 23, Бретей — 24, Монтаржи — 22), но они весьма скромны по своей площади. Париж и Венсен — резиденции, в которых Филипп VI проводил время не реже одного раза в год во время своего правления. Париж и Венсен не единственные «парные» резиденции: также дополняют друг друга Мобюисон — Понтуаз, Руайё — Компьень или четко проявляющиеся пары в другой столичной связке: Париж — Сен-Жермен-ан-Лэ и Сен-Жермен-ан-Лэ — Пуасси.

Зона II. Области между центром и периферией. Крупными городами, в которых Филипп VI останавливался вне пределов Парижа, являются Амьен (48 упоминаний), Аррас (32) и Шартр (21), но по своей природе пребывание в них монарха отличается от его проживания в Париже. Приезды в Амьен выпадают только на шесть лет из его правления и на три года в Аррас. Эти города — важные пункты обязательных остановок королевского кортежа во время военно-политических вояжей монарха. Аррас, очевидно, место сбора и перегруппировки войска до или после походов и битв на севере королевства в 1328, 1340 и 1347 гг. Амьен — военная резиденция такого же типа в 1338, 1340, 1346 и 1347 гг., но это также место, где король встречает полномочных представителей сословий (1329, 1334 гг.). Они появляются в списке наиболее посещаемых мест, потому что король проводит там долгие недели, но в масштабах всего правления его присутствие в них можно охарактеризовать как спорадичное.

Помимо Парижа только Шартр можно считать регулярно посещаемым Филиппом VI городом, но общее количество случаев невелико, все в ходе королевских паломничеств. Поэтому это больше напоминает остановку проездом, чем пребывание. Ряд загородных резиденций короля находится недалеко от города: Венсен рядом с Парижем, Мобюисон около Понтуаза, Руайё возле Компьеня или Гэ-де-Мони около Ле-Мана. Вполне вероятно, что эта близость облегчает размещение и снабжение движущегося за королем двора. Тем не менее важно отметить незначительное количество городских резиденций в сравнении с загородными. Некоторые исследователи склонны видеть в этом проявление урбанофобии (городобоязни) короля. Судя по документам, Филипп VI предпочитает находиться вне городов. Неужели он, как и его предок, Филипп II Август, обеспокоен запахом городов? Или его прежде всего привлекает перспектива отправиться на охоту в леса, которые окружают его резиденции? Расположение крупных лесных массивов вокруг большинства его загородных резиденций предполагает такое объяснение.

Как обстоят дела при Филиппе VI с традиционным представлением о Капетингах как «королях Иль-де-Франса»? Филипп VI регулярно посещает лишь 3 из 10 основных небольших городов региона (Мант, Мёлан, Пуасси, Понтуаз, Сен-Дени, Ланьи, Мо, Корбей, Мелён, Этамп). Особенность

¹⁸ Процент от общего числа упоминаний пары Париж–Венсен при Филиппе II (31,1–0,2), Людовике IX (25,7–6,7), Филиппе III (37,6–5,8), Филиппе IV (18,7–4,9), Людовике X (4,3–24,9), Филиппе V (16,1–8,9), Карле IV (2,4–7,5), Филиппе VI (17,1–14,8). Bove B. Saint-Germain-en-Laye: forteresse sur la route de la Normandie ou résidence ‘comme au milieu de France’? // Saint-Germain, ville militaire. Bulletin des Amis du Vieux Saint-Germain. 2018. № 55. P. 31–32, fig. 4.

Иль-де-Франса: разветвленные речные пути, пригодные для плавания судов небольшого водоизмещения. Вверх по течению Сены от Парижа находятся королевские резиденции Венсен (514 упоминаний), Корбей (12), Мелён (21), Фонтенбло (37). Крайне незначительны упоминания о посещении резиденций вниз по течению Сены от Парижа (Мант, Вернон). Значимой является группа королевских резиденций в бассейне Уазы. Вверх по Уазе Конфлан, Понтуаз, Мобюиссон (106), Руайомон (22), Компьень (23).

2. ХАРАКТЕР ПЕРЕМЕЩЕНИЙ КОРОЛЯ ПО СЕЗОНАМ

В приведенной ниже таблице показаны места пребывания Филиппа VI Валуа в зимний сезон (ноябрь–февраль) на протяжении всех лет правления (см. цв. вклейку, рис. 9).

Король регулярно и надолго обосновывался в Париже в конце года, следовательно, пик посещаемости столицы приходится на декабрь–январь. Затем его присутствие в течение лета и осени снижалось до минимума. Частотные ритмы пребывания в Венсене идентичны, кроме пика в течение лета. Но называть Венсен летним дворцом было бы преувеличением, так как король часто бывает там и в конце года. Этот дворец скорее выполнял роль места приятного отдыха, семейной резиденции, дополняя пребывание в столице.

Таблица 3

Места пребывания Филиппа VI де Валуа в зимнее время года за 1328–1350 гг.

Местоположение	Ноябрь, кол-во дней	Декабрь, кол-во дней	Январь, кол-во дней	Февраль, кол-во дней
Аббатство де Лонпон	—	3	6	1
Аббатство де Мобюиссон	3	20	—	10
Аббатство де Ройомон	8	—	—	—
Аббатство дю Лис	—	2	6	—
Аббатство дю Монсель	12	9	—	1
Аббатство Нотр-Дам дю Валь	1	1	—	9
Аббатство Нотр-Дам-ан-Валуа	9	—	—	—
Аббатство Нотр-Дам-де-Шам	—	2	1	6
Аббатство Сен-Дени	—	1	1	3
Аббатство Сен-Кристоф-ан-Аллат	2	—	—	7
Другие аббатства	9	4	6	5
Бретей	15	—	—	—
Венсен	30	94	70	57
Странноприимный дом де Клиши	—	—	2	7
Странноприимный дом де Корбей	—	3	6	—
Странноприимный дом де Мели	—	—	3	—
Замок Сент-Жем/Рес-ле-Сент-Жем	1	1	2	3
Замок Лувр	1	9	5	12
Париж	33	116	64	40
Пуасси	11	—	15	25
Сен-Жермен-ан-Лэ	14	3	17	20
Сен-Жермен-ле-Арпажон	4	2	—	—
Фонтенбло	2	7	10	2
Шатонёф-Сюр-Луар	10	—	—	3
Прочее	87	57	105	75

Количество появлений короля в одном месте недостаточно, для того чтобы отличать постоянные резиденции от случайно посещенных мест. Необходимо исключить места, где король бывал реже, чем раз в два года, и, среди прочего, оставить список мест, посещаемых менее 12 месяцев из двенадцати. Список мест, где Филипп VI регулярно появлялся в течение года, показывает, что время и продолжительность пребывания в них обратно пропорциональны времени и продолжительности пребывания в резиденциях Париж–Венсен (летом и зимой). То есть речь идет о весне и осени, охотничьем сезоне. Охота является неотъемлемой составной частью осуществления власти с V по XVIII вв., поскольку показывает господство короля-охотника над пространством и его превосходство над людьми.

Итог типичного года первого короля династии Валуа таков. Он проводил Рождество и январь в Париже или Венсене, весной он охотится в одном из своих лесных замков (Сен-Жермен-ан-Лэ, Рец) или аббатств около лесов (Монсель, Пуасси). Для охотничьих утех Филипп VI приобрел замки Рец, Сент-Жам и Монжуа в лесном массиве Марли¹⁹.

Лето Филипп VI вновь проводил в Венсене или Париже, если военные или дипломатические дела не заставляют его надолго уехать, часто до конца сезона. Пребывание в Амьене и Аррасе отмечается в период с мая по октябрь, здесь король проводил остаток осеннего охотничьего сезона, как и все короли со времен Карла Великого. Одна из причин, почему пик посещаемости аббатства Монсель приходится на сентябрь, — то, что он находился на пути во Фландрию, куда король часто направлялся летом, чтобы противостоять английским и фламандским угрозам. Лес Алатт — место отдыха на обратном пути из Амьена, Арраса или Кале (в 1328, 1334, 1338, 1340, 1346, 1347 гг.). И наоборот, максимальная посещаемость Сен-Жермен-ан-Лэ приходится на весну, если король провел зиму в Париже. Оседает ли король в Париже на зиму из-за плохих дорог? Высокая мобильность монарха в январе лишает подобное предположение аксиоматичности. Можно ли построить индекс королевской мобильности, подсчитав количество мест, где король побывал в каждом месяце. Количество различных мест, посещаемых королем, увеличивается с мая по август, когда король находился в военно-оборонительной или дипломатической поездке, в противоположность более оседлому сезону. Его подвижность зимой контрастна: если декабрь — это месяц длительного пребывания Филиппа VI в Париже, то январь — месяц, когда король зачастую довольно подвижен.

3. ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И МАРШРУТЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Только ли по соображениям логистики король находится в Париже зимой? Есть ли для этого религиозные причины? Ниже приведены даты церковных праздников, упоминаемые в итинерариях.

Таблица 4

Календарь главных постоянных церковных праздников года

1 января	Пресвятой Богородицы (торжество) Sanctae Dei Genitricis Mariae
6 января	Богоявление Epiphanie
2 февраля	Сретение Господне Circumcisionis
25 марта	Благовещение Annunciationis
	ПАСХА
	Пятидесятница
	Троица
24 июня	Рождество святого Иоанна Крестителя Nativitatis b. Johannis Baptiste
29 июня	Святых апостолов Петра и Павла b. Petri et Paoli apostolorum

¹⁹ Bove B. Saint-Germain-en-Laye... P. 19, 22.

15 августа	Успение и Вознесение Богородицы Assumptionis b. Marie
8 сентября	Рождество Богородицы Nativitatis b. Marie
1 ноября	День Всех святых Omnium Sanctorum
25 декабря	Рождество Христово Nativitatis
28 декабря	Святых Невинных Младенцев Вифлеемских

Прямых указаний в источниках о том, где король находится на Рождество, только 4 (1334, 1343, 1346, 1349 гг.). Парижа среди этих мест нет. Зато места пребывания короля до и после Рождества известны: король 6 раз в Париже (1329, 1331, 1332, 1341, 1344, 1347 гг.) и 8 раз в Венсене (1328, 1330, 1333, 1337, 1339, 1340, 1343, 1345 гг.). Подсчеты современного историка Парижа Бориса Бова отличаются от наших: согласно выводам исследователя, Филипп VI провел Рождество в Париже 6 раз за время своего правления, в Венсене — 5²⁰. При этом Б. Бов засчитывает Парижу пребывание короля в аббатстве Мобюиссон (1336 и 1346 гг.). Таким образом, король чаще слушал Рождественскую мессу в Венсене, чем в королевской часовне в Сен-Шапель или кафедральном соборе Богородицы в Париже. За исключением Рождества в Брив-ла-Гайар (это оправдано дальней поездкой) остальные случаи празднования связаны с парижским регионом (Иль-де-Франс) (см. цв. вклейку, рис. 10).

В случае с празднованием Пасхи результат таков: достоверно зафиксированы места пребывания короля только для 8 из 23 лет его правления (1329, 1336, 1342–1345, 1349, 1350 гг.): 2 раза в Париже (1329, 1343 гг.), 1 раз в Венсене (1345 г.) и 1 раз вне пределов Иль-де-Франс — в Лионе (1336 г.).

Таблица 5

Места пребывания Филиппа VI де Валуа в дни главных церковных переходящих праздников за весь период правления, по данным итинерарий

Местоположение	Пасха, кол-во раз	Вознесение, кол-во раз	Пятидесятница, кол-во раз	Троица, кол-во раз
Аббатство Мобюиссон	3	1	—	—
Аббатство Монсель	2	1	2	—
Амьен	—	—	1	1
Венсен	3	1	4	3
Париж	5	2	—	2
Пуасси	3	—	—	—
Сен-Жермен-ан-Лэ	—	—	4	—
Реймс	—	—	—	1
Прочие	6	9	7	13

Расширение хронологических рамок поиска позволяет идентифицировать местоположение короля в пред- и послепасхальные дни еще по 2 раза в Париже (1330, 1331 гг.) и Венсене (1338, 1339 гг.) и добавить к местам, где король чаще прочих проводит Пасхальное воскресенье Пуасси, Санлис и Мобюиссон (впрочем, если, подобно Б. Бову, включать аббатство Мобюиссон в Париж, то плюс три Пасхи Парижу: 1334, 1341, 1348 гг.). Подсчеты Б. Бова: в течение известных 18 (из 23) лет: на Пасху король 6 раз в Париже, 3 раза в Пуасси, 2 раза в Венсане²¹. Б. Бов на этом обращение к церковным праздникам завершает. По мнению исследователя, религиозный календарь мало согласовывается с перемещениями Филиппа VI. Главное, что каждый декабрь гонит короля в Париж и надолго удерживает его там — «посещение местных лавок». «Экономическое объяснение» королевского сезона парижской зимы, согласно Б. Бову, буквально звучит так — «купить дорогие и изысканные подарки».

²⁰ Bove B. Les rois... P. 37, n. 26.

²¹ Ibid. P. 37–38, n. 27.

Б. Бов обращается к праздникам покровителей французских королей, Св. Дионисия (Сен-Дени: 29 октября) и Св. Людовика (Сен-Луи: 25 августа)²². Здесь, действительно, сложно говорить о каких-то закономерностях, поскольку в первом случае речь идет о пяти упоминаниях за 25 лет: Сен-Жермен-ан-Лай (1333), Шартр (1335), Нуайон (1339), Шантлуп (1343), Монсель (1346) (мы дополним Б. Бове еще одним упоминанием: Париж в 1341 г.). Во втором — о семи: Пуасси (1337), Дуэ (1340), Париж (1341), Компьень (1342), Ле Ман (1345), Абвиль (1346), Монсель (1347). В обоих случаях местонахождение короля ни разу не совпадает. Мы же считаем необходимым проследить связь пребывания французского монарха с гораздо большим числом значимых церковных праздников. Но эта работа далека от завершения, особенно если учесть, что в средневековье в зависимости от региона было от 200 до 230 церковных праздников в календарном году.

Таблица 6

**Распределение известных местоположений Филиппа VI
во все главные церковные праздники за весь период правления**

Местоположение	Количество дней	Доля (%)
Аббатство де Мобюиссон	13	4,73
Аббатство дю Монсель	19	6,91
Аббатство Сен-Кристоф-ан-Аллат	4	1,45
Амьен	2	0,73
Венсен	62	22,55
Париж	60	21,82
Пуасси	12	4,36
Сен-Жермен-ан-Лэ	9	3,27
Реймс	1	0,36
Фонтенбло	3	1,09
Прочие	90	32,73
Итого	275	100

4. ПРОСТРАНСТВА ПРОЖИВАНИЯ. КОРОЛЕВСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ И МЕСТА ОХОТЫ

Согласно Э. Лалу, частота упоминаний отдельных мест и продолжительность пребывания в них позволяют выделить «зоны плотности» или «пространства проживания», то есть сеть жилых королевских резиденций, которые 1) заняты более или менее одновременно либо 2) король живет там последовательно, либо 3) королевский двор занимает их, в то время как король находится где-то рядом (что может быть извлечено из итинерариев при помощи цифрового картографирования и соответствующей проработке маршрутов королевских передвижений)²³. Несовпадение местопребываний короля и его двора в нескольких случаях может быть объяснено несоответствием между размерами резиденций и численностью окружения короля (замки или монастыри физически не могут вместить всю королевскую свиту), хотя это не объясняет частые переезды суверена между соседними резиденциями. Может быть, для «королевского кочевья» есть логистические причины? Этот вопрос не решить при помощи только размышлений и построения гипотез. Он требует глубокой проработки на конкретном материале источников. Не объясняя причин явления, следует отметить, что постоянная смена резиденций является характерной чертой королевского образа жизни в XIV в. (пожалуй, на протяжении всего развитого средневековья, то есть XI–XV вв.), которая выходит за рамки правления одного только Филиппа VI де Валуа.

²² Ibid. P. 38, n. 28.

²³ Lalou E. Itinéraire de Philippe IV le Bel (1285–1314). Paris, 2007. Vol. 2: Routes et résidences.

Основным районом королевского проживания Филиппа VI является район между Парижем (17 %) и Венсеном (15 %): это Сен-Дени (0,9 %), Клиши-су-Буа (0,3 %), Ливри-Гарган (0,4 %), Сен-Клу (0,2 %), Шарантон-ле-Пон (1 %) и резиденции на дороге в Корбей: Критей (0,3 %), Вильнёв-Сен-Жорж (0,5 %). Филипп VI провел более трети своего времени в радиусе порядка десяти миль вокруг Парижа, что едва превышает уровень пригородов, то есть пространства, которое напрямую зависит от Парижа. Это пространство, в котором горожане Парижа имеют большую часть своих владений, пространство, в которое можно прийти и уйти, не покидая город.

Э. Лалу в своем исследовании заметила, что жилые резиденции Филиппа IV Красивого часто расположены около леса и представляют собой замки и аббатства.²⁴ Во времена Филиппа VI, согласно данным его итинерария, можно выделить два охотничьих конгломерата: первый комплекс радиусом около десяти километров между монастырем Пуасси, замками Сен-Жермен-ан-Лэ и Рец, а также аббатством Жуанваль вблизи лесов Сен-Жермен и Марли; второй комплекс, связывающий аббатство Монсель, приорство Сен-Кристоф-ан-Аллат, шато (замок) Санлиса и аббатство Шали.

Различные королевские резиденции в Иль-де-Франс образуют некое единство, пространственный континуум, расположенный вдоль рек Уаза и Сена от Компьеня до Фонтенбло. Иль-де-Франс — единственный регион-резиденция французских королей до 1350 г., Париж — его естественный, в том числе географический центр. Помимо Шатонефа и Монтаржи, которые находятся в 100 километрах и посещаемость которых менее систематична, все остальные места пребывания короля находятся в пределах 60 км, что означает, что они находятся в пределах легкой досягаемости от Парижа, даже в пределах одного дня пути.

REFERENCES

Bautier R.-H. Recherches sur la chancellerie royale au temps de Philippe VI. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1964, Т. 122, pp. 89–17; 1965, Т. 123 (2), pp. 313–459. (in French).

Bove B. Alliance ou défiance? Les ambiguïtés de la politique des Capétiens envers leur capitale entre le XIIIe et le XVIIe siècle. *Les villes capitales au Moyen Âge*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2006, pp. 131–154. (in French).

Bove B. Les palais royaux à Paris au Moyen Âge (xie-xve siècles). *Palais et pouvoir, de Constantinople à Versailles*. Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 2003, pp. 45–79. (in French).

Bove B. Les rois médiévaux sont-ils Parisiens? Essai de synthèse des itinéraires royaux médiévaux de Philippe Auguste à Louis XI (1180–1483). *Paris ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle)*. Rennes, 2017, pp. 25–49. (in French).

Bove B. Saint-Germain-en-Laye: forteresse sur la route de la Normandie ou résidence 'comme au milieu de France'? *Saint-Germain, ville militaire. Bulletin des Amis du Vieux Saint-Germain*, 2018, no. 55, pp. 17–33. (in French).

Bove B., Gaude-Ferragu M., Michon C. (dir.) *Paris, ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle)*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2017. (in French).

Bove B., Jacqueton A. *Itinéraire de Philippe VI. Les lieux de séjour du roi d'après ses actes et ses comptes (1328–1350)*. Paris, Cour de France.fr, 2016. Available at: <http://cour-de-france.fr/article4325.html> (accessed: 20.12.2019). (in French).

Bove B., Salamagne A., zum Kolk C. (dir.) *L'itinérance de la cour en France et en Europe (Moyen Âge–XIXe siècle)*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2021. (in French).

Brown E. A. R., Regalado N. F. La Grant Feste. The Account of the 1313 Celebration of the Knighting of the Three Sons of Philip the Fair in the Chronique métrique in BN MS Fr. 146. *City and Spectacle in Medieval Europe*. Minneapolis: University of Minnesota press, 1994, pp. 56–86. (in English).

Brown E. A. R., Regalado N. F. Universitas et Communitas: The Parade of the Parisians at the Pentecost Feast of 1313. *Moving Objects: Processional Performance in the Middle Ages and the Renaissance*. Amsterdam: Rodopi, 2001, pp. 117–154 (in English).

²⁴ Ibid.

Cazelles R. (éd.) Philip VI. Lettres closes, lettres “de par le roi” de Philippe de Valois. *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. Années 1956–57, 1958*, pp. 61–225. (in French).

Cazelles R. *Paris de la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V, 1223–1380*. Paris: Hachette, 1972. (in French).

Chevalier B. Le paysage urbain à la fin du Moyen Âge : Imagination et réalités. *Le paysage urbain au Moyen Age. Actes du xie congrès des historiens médiévistes de l'Enseignement Supérieur*. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1981, pp. 7–21. (in French).

Filippova E. B., Bakanova E. N. [Itinerary of the first representative of the Valois dynasty (creation and possibilities of using the database)]. *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti* [The World of Eurasia: from Antiquity to the Present]. Ufa: RIC BashGU Publ., 2021, vol. 1, pp.123–128. (in Russ.).

Gasnault P. (éd.) Philip VI. Nouvelles lettres closes et “de par le roi” de Philippe VI de Valois. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1962, vol. 120, pp. 172–178. (in French).

Grishin E. S. [Spatial mobility of Henry IV in 1063–1073 as a factual basis for analyzing the dissemination of information in medieval Germany]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Information Science], 2018, no. 3, pp. 106–122. (in Russ.).

Grishin E. S., Sanzharov V. A. [Royal Itineraries as a Historical Source: on the Example of the Permanent Residences and Travel Routes of Louis XI (1461–1483)]. *Istochnikovedenie v sovremennoj medievistike* [Source studies in modern medieval studies]. Moscow: IVI RAN Publ., 2020, pp. 322–325. (in Russ.).

Guenée B., Lehoux F. *Les Entrées royales françaises de 1328 à 1515*. Paris: Éditions du CNRS, 1968. (in French).

Guerout J. Le Palais de la Cité à Paris des origines à 1417: essai topographique et archéologique. *Paris et Ile-de-France: Mémoires de la Fédération des Sociétés Historiques et Archéologiques de Paris et de l'Ile-de-France*, 1949, vol. 1, pp. 57–212; 1950, vol. 2, pp. 21–204; 1951, vol. 3, pp. 7–101. (in French).

Guyot-Bachy I. La géographie urbaine des chroniqueurs parisiens de Philippe le Bel à l'avènement de Charles V. *Être parisien*. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2004, pp. 481–492. (in French).

Lalou E. *Itinéraire de Philippe IV le Bel (1285–1314)*. Paris: Mémoires de l'Académie, 2007, vol. 2. (in French).

Miret y Sans J. Lettres closes des premiers Valois. *Moyen Âge*, 1917–1918, vol. 10, pp. 53–88. (in French).

Sanzharov V. A., Smagin M. R., Filippova E. B. [Possibilities of statistical processing of formalized data based on the itinerary of Louis XI (1461–1483)]. *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti* [The World of Eurasia: from Antiquity to the Present]. Ufa: RIC BashGU Publ., 2020, vol. 1, pp. 141–146. (in Russ.).

Tsaturova S. K. *Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vekov* [Formation of the institution of civil service in France of the 13–15th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2012. (in Russ.).

Vallee A. (éd.) *Registres du Trésor des Chartes: Inventaire analytique*. Paris: Archives Nationales, 1978–1979, T. 3: Règne de Philippe de Valois. (in French).

Viard J. (éd.) *Grandes chroniques de France*. Paris: H. Champion, 1937, T. 9 : Charles IV le Bel, Philippe VI de Valois. (in French).

Viard J. Itinéraire de Philippe VI de Valois. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1913, vol. 74, pp. 74–128, 525–619; 1923, vol. 84, pp. 166–170. (in French).

Viard J. Philippe VI de Valois. Début du règne (février–juillet 1328). *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1934, vol. 95, pp. 259–283. (in French).

УДК 94(470.5)“1920/1950”

Разинков Сергей Львович

к.и.н., доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-0018-7931

E-mail: sergerazinkov@mail.ru

**Анализ развития сети учебных заведений
профессионально-технического образования в Свердловской области
в 1920–1950 е гг.: опыт использования технологии баз данных
и геоинформационных систем**

АННОТАЦИЯ. Проанализировано изменение состава, численности и территориального размещения учебных заведений профессионально-технического образования в Свердловской области (в ее современных границах) в 1920–1950-е гг. На основе применения технологии баз данных и геоинформационных систем предпринята попытка идентификации и локализации учебных заведений, выявления этапов развития и тенденций изменения их сети. Эволюция региональной сети учебных заведений профессионально-технического образования проанализирована преимущественно в пяти временных точках: 1) 1922–1923 гг. — начало формирования советской модели профтехобразования; 2) 1932–1933 гг. — интенсивное расширение ведомственной сети учреждений профтехобразования в условиях индустриализации; 3) 1940 — начало 1941 г. — создание системы Государственных трудовых резервов как единой общегосударственной системы подготовки квалифицированных рабочих кадров; 4) 1948 г. — функционирование сети учебных заведений на максимальном уровне количественных показателей в результате ее экстенсивного развития; 5) 1958 г. — реформирование системы профтехобразования с целью дифференциации и углубления уровня подготовки рабочих. Исследование сети учебных заведений профессионально-технического образования, сконцентрированных в 20 субрегионах Свердловской области, выявило ряд тенденций, связанных с постоянным количественным ростом числа учебных заведений и контингента учащихся; укрупнение учебных заведений и их перемещение из «старых» промышленных центров в районы концентрации промышленных предприятий, построенных в годы первых пятилеток или эвакуированных в период Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессионально-техническое образование, Государственные трудовые резервы, сеть учебных заведений, Свердловская область, ремесленные училища, школы ФЗО, школы ФЗО

Для цитирования: Разинков С. Л. Анализ развития сети учебных заведений профессионально-технического образования в Свердловской области в 1920–1950-е гг.: опыт использования технологии баз данных и геоинформационных систем // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 64–81.

УДК 94(470.5)''1920/1950''

Sergey L. Razinkov

Candidate of Historical Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-0018-7931

E-mail: sergerazinkov@mail.ru

**Analysis of the development of a vocational educational institutions network
in the Sverdlovsk region in the 1920s–1950s
by means of using database technology and GIS**

ABSTRACT. The paper analyzes the change in the composition, quantity and territorial deployment of vocational educational institutions in the Sverdlovsk region (within its present-day borders) in the 1920s–1950s. Based on the use of database technology and geographic information systems, it attempts to identify and localize educational institutions, to detect the stages of development and trends in changes of their network. The evolution of the regional network of vocational educational institutions is analyzed mainly in five time points: 1) 1922–1923 — the beginning of the formation of the Soviet model of vocational education; 2) 1932–1933 — an intensive expansion of the departmental network of vocational education institutions during; 3) 1940 – early 1941 — the creation of a system of State labor reserves as a single nationwide system for the training of qualified workers; 4) 1948 — the functioning of the network of educational institutions at the maximum level of quantitative indicators as a result of its extensive development; 5) 1958 — reforming the system of vocational education in order to differentiate and deepen the level of training of workers. The study of a vocational educational institutions network, concentrated in 20 sub-regions of the Sverdlovsk region, revealed a number of trends associated with a constant quantitative growth in the number of educational institutions and the contingent of students; consolidation of educational institutions and their relocation from the «old» industrial centers to areas of concentration of industrial enterprises built during the first five-year plans or evacuated during the Great Patriotic War.

KEYWORDS: vocational and technical education, State labor reserves, network of educational institutions, Sverdlovsk region, vocational schools, FZU schools, FZO schools

For citation: Razinkov S. L. Analysis of the development of a vocational educational institutions network in the Sverdlovsk region in the 1920s–1950s by means of using database technology and GIS // *Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 64–81.*

Совершенствование процесса подготовки рабочих кадров на региональном уровне в 1920–1950-е гг. определялось не только общегосударственными реформами системы профессионального образования (1920, 1929, 1933, 1940, 1958 гг. и др.), сопровождавшимися, как правило, созданием новых типов учебных заведений и ликвидацией старых, но и перманентными организационными преобразованиями в первичном звене системы профессионально-технического образования — на уровне конкретных учебных заведений. История развития сети учебных заведений Среднего Урала показывает, что ее перманентные организационные преобразования давали определенные возможности для маневра, связанного с учетом региональных потребностей, внутриведомственных интересов, текущих задач развития конкретных территорий и предприятий и т. д. Указанные факторы также вызывали потребность в адаптации (создании, перепрофилировании, перебазировании, объединении, диверсификации, ликвидации) учебных заведений начального профессионального образования под нужды текущего момента.

Исследование направлено на решение следующих задач:

- 1) идентификация сети учебных заведений по стационарной подготовке рабочих кадров Свердловской области в 1920–1950-е гг. в динамике ее развития;
- 2) создание и анализ модели развития региональной сети учебных заведений профтехобразования на основе собранных геостатистических данных и технологии геоинформационных систем;
- 3) выявление особенностей количественного состава, профессиональной специализации и пространственного размещения учебных заведений профтехобразования Свердловской области на различных временных отрезках в рассматриваемый период.

Роль пространственного фактора, оказывающего существенное влияние на экономическое развитие и динамику социальных отношений, подчеркивается в различных концепциях исторического развития, в том числе в теории модернизации. Так, И. В. Побережников обосновывает необходимость учитывать «территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы»¹. В динамическом развитии сети учебных заведений начального профессионального образования Свердловской области в XX в. нашли выражение все вышеупомянутые территориальные аспекты модернизации: неравномерность распространения волн модернизации, модернизационные импульсы со стороны более продвинутых регионов, реакция на них периферии и т. д.

Для работ многих уральских историков, исследовавших развитие системы подготовки рабочих кадров в Свердловской области и на Урале в различные периоды функционирования системы профессионально-технического образования (Л. И. Милостная, А. А. Сердюков, С. П. Постников и М. А. Фельдман), характерным является использование преимущественно обобщенных статистических данных о сети учебных заведений для подтверждения или иллюстрации выводов, полученных на основе применения общенаучных методов исследования². Однако в данном случае объектом изучения выступала не сама региональная сеть профтехобразования и ее преобразования на уровне конкретных учебных заведений, а иные, внешние по отношению к самой региональной сети проблемы.

¹ Побережников И. В. Пространственные аспекты российских модернизаций // Экономическая история. 2010. № 2. С. 22–23.

² См.: Милостная Л. И. Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования в 1928–1932 гг. // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования и культуры. Свердловск, 1978. С. 27; Сердюков А. А. Педагогические кадры профессионально-технической школы России. 1959–1985 гг. Екатеринбург, 2001. С. 110; Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004.

По нашему мнению, при исследовании развития региональной сети учебных заведений начального профессионального образования в первой половине XX в. одним из основных подходов является использование компьютерных технологий и количественных методов анализа информации исторических источников. Ключевыми технологиями выступают проблемно-ориентированная база данных «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1920–1950-е гг.)»³ (далее — БД), которая позволяет обеспечить эффективную систематизацию первичной информации из различных типов архивных документов (преимущественно массовых источников) и создание модели исторических данных по функционированию системы подготовки рабочих кадров в Свердловской области, и геоинформационная система, которая позволяет визуализировать динамику территориального размещения учебных заведений и выявить тенденции ее изменения в рассматриваемый период.

В начале 1920-х гг. профессионально-техническое образование приводилось «в соответствии с интересами модернизации страны» посредством создания новой (отличной от дореволюционной) профессиональной школы и «организации целостной системы подготовки кадров на производстве»⁴.

В отчете о работе Екатеринбургского отдела управления профобразованием за 1921/22 учебный год утверждалась идея о рубежном значении этого временного этапа для развития общегосударственной и региональной системы профтехобразования, когда «рабочие и крестьяне сразу поняли, что без своевременной подготовки спецов разрушенную промышленность страны трудно восстановить... что медлить с этим нельзя, сразу горячо откликнулись и всячески стремились создать те или иные курсы по подготовке специалистов согласно местной потребности...»⁵ В отчете отмечался существенный рост сети учебных заведений профессионально-технического образования по сравнению с дореволюционным периодом: если до 1917 г. на территории Екатеринбургской губернии насчитывалось всего 17 учебных заведений, то к лету 1921 г. при Екатеринбургском губпрофобре было зарегистрировано 118 учебных заведений с количеством учащихся до 9 000 чел. (из них к сентябрю 1921 г. планировалось оставить 95 учебных заведений с количеством учащихся 7 767 человек, исходя из объема выделенных продовольственных пайков). Следует отметить, что в начале 1920-х гг. к учреждениям, осуществляющим стационарную подготовку квалифицированных рабочих кадров, относилась лишь половина из 118 учебных заведений, другую половину составляли педагогические, сельскохозяйственные, музыкальные и пр. техникумы либо профтехнические курсы. Например, в документе «Сеть профтехнических учебных заведений Екатеринбургской губернии на 1922–23 учебный год»⁶ перечислены 59 учебных заведений профессионально-технического образования, из которых стационарная подготовка квалифицированных рабочих кадров для промышленности осуществлялась только в 34 — 12 профтехнических школах, 1 сельскохозяйственной школе, 2 учебно-показательных мастерских, 14 школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), школе при Екатеринбургской типографии, 5 курсах профтехнического образования (см. цв. вклейку, рис. 11).

Дополнительно к этим 34 учебным заведениям в БД содержится информация о еще шести — 2 профтехшколах (Бисертская и Режевская) и 4 школах ФЗУ (Нижне-Салдинская, Нижне-Тагильская, Нижне-Сергинская и Исовская). В региональном разрезе указанные 39 учебных заведений в пределах современной территории Свердловской области располагались в районах концентрации промышленности: наибольшее количество школ (4) размещались в Екатеринбурге (с 1924 г. — Свердловск); четыре учебных заведения — в районе Первоуральск — Ревда — Старая Утка — Новая Утка; четыре — в районе Кушва — Верхняя Тура — Баранчинский — Ис.

³ Разинков С. Л., Захаровский Л. В. База данных «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1920–1950-е гг.)». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40879797> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 44.

⁵ ГАСО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 615. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 7–8.

В 1920-е гг. в развитии сети учебных заведений профессионально-технического образования выделялись две взаимосвязанные проблемы: малая численность контингента учащихся и, соответственно, неспособность системы профтехобразования удовлетворить потребности промышленности в квалифицированных рабочих.

В начале 1920-х гг. организационная структура учебного заведения профессионально-технического образования предполагала разделение на отделы (по специальностям подготовки — как правило: столярный, слесарный и кузнечный) и классы (3 или 4, в зависимости от продолжительности обучения). В. А. Игнатъев, преподаватель русского языка и заведующий учебной частью школы ФЗУ Верх-Исетского завода, в своих воспоминаниях отмечал, что в октябре 1923 г. в школе «было три класса. Самым полнокровным из них был первый класс: в нем было до 40 человек. Во втором классе было 25–30 человек, а в третьем классе — только 9. В школе были только мальчики, преимущественно дети рабочих завода. Они были с самой различной подготовкой: с одним, двумя, тремя годами обучения в школе. С повышенной подготовкой — в 5–6 лет — были только ученики третьего класса, которые обучались на слесарей и токарей, и один — на чертежника. В классах не было дифференциации по производственным специальностям: тут были и обучающиеся на токарей, слесарей, кузнецов, модельщиков, электромонтеров. Были даже ученики счетоводов. Не было только учеников из основных цехов: мартеновского, сутуночного и листокатального. Таким образом, состав учеников не соответствовал профилю завода. Объяснялось это тем, с одной стороны, что в этих основных цехах техника настолько была низкой, все производственные процессы основаны были на использовании простой физической силы, что не было побуждающих мотивов к теоретической подготовке, а с другой стороны, рабочие избегали отдавать своих детей на обучение в этих цехах, на опыте зная тяжелые условия работы в них»⁷.

Анализ информации БД об учебных заведениях стационарной подготовки квалифицированных рабочих кадров подтверждает сведения В. А. Игнатъева об относительно небольшой численности контингента обучающихся в профтехшколах и школах ФЗУ: в 1920/1921 учебном году количество учащихся в одном учебном заведении составляло в среднем 48 чел., в 1921/1922 уч. году — 71, в 1923/1924 уч. году — 78, в октябре 1925 г. — 71.

Тенденция подготовки квалифицированных молодых рабочих кадров в малочисленных (по количеству учащихся) учебных заведениях профессионально-технического образования сохранялась и во второй половине 1920-х гг. Как отмечалось в работе «Новая броня подростков», изданной в 1929 г.: «По обследованию ЦОС 1926 г. выяснилось, что среднее число учеников, приходящихся на школу ФЗУ по всей промышленности, не превышает 100 человек. При этом по металлу и по текстилю емкость школ значительно превышает среднюю, составляя 122 учащихся на одну школу. В остальных же отраслях промышленности на одну школу ФЗУ приходится только 72 человека. Широкое распространение имеют школы с числом учащихся 50, 40 и даже 25 человек. Даже по металлу на школы с числом учащихся свыше 75 приходится 35 % всех школ, а по текстилю — 26 %. <...> Школы, расположенные при мелких предприятиях, не могут обеспечить надлежащего оборудования для учебно-производственных работ и нужного для правильной постановки дела технического руководства... Насущное значение в связи с этим приобретает концентрация школ ФЗУ, сосредоточение производственного обучения на наиболее крупных и наилучше оборудованных базах»⁸.

В региональных справочно-статистических изданиях середины 1920-х гг. также приводились цифры, свидетельствующие о неспособности системы профтехобразования удовлетворить потребности промышленности в квалифицированных рабочих: в 1924 г. количество учащихся в учреждениях Профобра Свердловского округа составляло лишь 0,43 % к общему количеству населения, количество учащихся в школах ФЗУ 2,8 % к общему количеству рабочих на производствах и 40,43 %

⁷ Игнатъев В. А. Очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе в советское время // Профессионально-техническое и профессионально-педагогическое образование в региональном разрезе: Свердловская область. Екатеринбург, 2020. С. 883–884.

⁸ Быстрицкий М. Г., Серебренников Г. Н. Новая броня подростков. М., 1929. С. 48.

к числу работающих на производстве подростков⁹. В 1925 г. сеть школ ФЗУ охватывала 62 % всех подростков, занятых на производстве; профшколами, учебно-показательными мастерскими и курсами было охвачено 2,8 % всех подростков, не занятых на производстве¹⁰.

В период перехода к форсированной индустриализации (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) начинается новый этап развития сети учебных заведений Свердловской области, связанный с резким количественным ростом и изменением типового состава. Для обучения высококвалифицированных рабочих расширялась сеть профтехшкол и школ ФЗУ (на базе семилетнего и четырехлетнего общего образования), подготовка полуквалифицированных рабочих осуществлялась в создаваемых школах ученичества массовых профессий (ШУМП), на курсах и базах Центрального института труда (ЦИТ)¹¹. На 1 октября 1930 г. на территории в границах современной Свердловской области насчитывалось 29 школ ФЗУ (4 895 учащихся, по неполным сведениям), 32 школы ученичества массовых профессий (3 465 учащихся, по неполным данным) и одна профтехшкола (75 учащихся)¹². Количественный рост учебных заведений зачастую не приводил к улучшению качества подготовки кадров, в том числе по причине отсутствия материальной базы и плохой организации образовательного процесса. Например, в докладной записке Распредотдела Уральского обкома ВКП(б) о строительстве школ ФЗУ и подготовке к осеннему набору в школы ФЗУ и ШУМП отмечалось, что в 1929/30 уч. году «состояние существующей сети школ ФЗО и ШУМП чрезвычайно тяжелое, а в отдельных случаях катастрофическое. Все школы помещаются в заводских бараках, старых заводских больницах, домах приезжих, красных уголках и т. п. помещениях не приспособленных для учебных целей. О совершенной непригодности существующих зданий, находящихся под школами ФЗУ можно судить по данным специального статистического обследования, произведенного в 29/30 г... (в %%):

1. Специально построенных помещений для школ ФЗУ на Урале	— нет
2. Из приспособленных — терпимых для занятий при условии их разгрузки	— 18 %
3. Требуют текущего ремонта и разгрузки	— 24 %
4. Требуют капитального ремонта	— 18 %
5. Совершенно непригодных помещений, в которых должны быть немедленно прекращены занятия	— 40 %

Это катастрофическое положение с помещениями усугубляется еще тем, что во всех, без исключения, школах занятия происходят в 2–3 и более смен (как правило занятия происходят непрерывно с 6–7 час. утра до 11–12 час. ночи). В результате на каждого обучающегося приходится куб[ических] метров площади в два раза менее нормальной нормы (1,0 куб. м. вместо 2,2 к.м.). Далее, большинство учащихся школ являются приезжими, нуждаются в общежитиях. Обеспечение же общежитиями составляет исключение из общей необеспеченности в них учащихся. В результате сего этого учащиеся готовятся в отвратительных санитарно-гигиенических условиях и среди них наблюдается огромная утечка, например, по школам Уралмета с 1-го курса уходят 20 %, со 2-го 14 %, с 3-го 10 %, т.е. половина учащихся уходит из школ до их окончания...»¹³

В конце 1932 — начале 1933 г. региональная сеть учебных заведений претерпела некоторые структурные изменения — при сохранении школ фабрично-заводского ученичества в качестве основного типа учебных заведений (к школам ФЗУ относились 68 из 86 организаций профтехобразования на территории Свердловской области) происходит дальнейшая специализация профессиональной подготовки учащихся, что проявилось в существовании различных типов школ: четыре школы горнопромышленного ученичества, три школы строительного ученичества, три школы совхозного ученичества, две школы бригадного ученичества Наркомата путей сообщения, две

⁹ Местный бюджет Свердловского округа Уральской области на 1924–25 год и краткий экономический очерк округа. Свердловск, 1924. С. 69.

¹⁰ Обзор хозяйства Свердловского округа за 1924–25 год. Свердловск, 1926. С. 147.

¹¹ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 92.

¹² Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 660. Л. 70–75.

¹³ Там же. Л. 150.

городские школы конторского ученичества, по одной школе лесхозуча, торгово-товароведческого ученичества, банковского ученичества, школа-магазин (см. цв. вклейку, рис. 12).

Создание в 1940 г. Государственных трудовых резервов как масштабной централизованной системы подготовки квалифицированных рабочих для ведущих отраслей экономики являлось частью процесса мобилизационной модернизации СССР. Комплектование контингента учащихся в системе трудовых резервов проводилось как посредством призыва (мобилизации), так и путем открытого (добровольного) набора, при этом первый механизм (несмотря на значительное количество добровольцев в отдельные временные периоды) имел приоритет для функционирования системы в целом. В 1940-е гг. в Государственных трудовых резервах существовали два основных типа учебных заведений — ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, характеристики которых приведены в табл. 1.

Таблица 1

Учебные заведения системы трудовых резервов в СССР в 1940 г.

Параметры сравнения	РУ и ЖУ	Школы ФЗО
Направление подготовки	квалифицированные рабочие «сложных профессий»	рабочие массовых профессий низшей квалификации
Возраст принимаемых учащихся	14–15 лет	16–17 лет
Требования к образованию	начальная школа или 4 класса средней школы	вне зависимости от общеобразовательной подготовки
Срок обучения	2 года	6 мес. (в некоторых 3–10 мес.)
Количество в 1940 г.	621 РУ и 122 ЖУ	808 школ ФЗО
Число учащихся в 1940 г.	344,9 тыс. чел.	257 тыс. чел.

В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 02.10.1940 г. «О государственных трудовых резервах» в Свердловской области организовано 2 железнодорожных, 17 ремесленных училищ и 26 школ фабрично-заводского обучения (см. цв. вклейку, рис. 13) с охватом 16 620 чел., из которых 15 320 призваны из районов области и 1 300 из Башкирской АССР (г. Уфа — 855 и г. Янаул — 145 чел.)¹⁴.

Сведения о распределении учебных заведений (как училищ и школ ФЗО, входящих в систему Государственных трудовых резервов, так и немногочисленных школ ФЗУ, оставшихся в ведении наркоматов), и количества призывников по районам Свердловской области приведены в табл. 2.

Таблица 2

Размещение учебных заведений профессионально-технического образования и планирование призыва в них по районам Свердловской области в 1940 г. *

Номер на карте	Горсоветы и районы Свердл. обл.	Население, чел.	План призыва, чел.	Железнодорожные и ремесленные училища		Школы ФЗО		Школы ФЗУ, оставшиеся в ведении наркоматов	
				кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.
45	г. Свердловск	425 533	1 368	2	2 300	3	1 350	11	681
42	г. Нижний Тагил	177 882	606	3	1 550	4	1 450	1	28
41	Асбестовский	33 775	139	1	300	1	360		
	Красноуральский	35 824	156	1	400				

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 105. Л. 11.

Продолжение таблицы 2

Номер на карте	Горсоветы и районы Свердлов. обл.	Население, чел.	План призыва, чел.	Железнодорожные и ремесленные училища		Школы ФЗО		Школы ФЗУ, оставшиеся в ведении наркоматов	
				кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.
43	Первоуральский	72 761	271	2	700	1	170		
45	Ревдинский	54 531	167	1	450	2	730		
2	Серовский	157 318	669	2	850	1	300		
13	Алапаевский	82 525	436			1	450		
34	Арамилевский	41 016	158					1	60
38	Артинский	33 525	208					1	72
32	Ачитский	28 390	159						
35	Белоярский	39 990	198						
25	Березовский	46 866	149			1	300		
30	Буткинский	20 108	119						
24	Верхне-Пышминский	31 356	105						
9	Верхне-Тавдинский	42 476	217			2	350	1	15
6	Верхотурский	24 191	118						
17	Висимский	27 063	106						
3	Гаринский	20 015	130						
21	Егоршинский	52 674	254	1	200				
15	Еланский	19 362	123						
1	Ивдельский	15 990	55						
14	Ирбитский	61 562	309					1	15
4	Исовский	46 015	193						
27	Камышловский	58 486	270	1	200			1	82
18	Кировградский	114 172	388	1	300	1	350		
22	Краснополянский	20 677	130						
36	Красноуфимский	56 327	232	1	200				
10	Кушвинский	64 666	231	1	300	3	930		
37	Манчажский	35 357	196						
12	Махневский	13 268	80						
11	Нижне-Салдинский	45 388	173	1	350	1	500		
33	Нижне-Сергинский	61 264	264			1	200		
5	Ново-Лялинский	34 744	136					1	120
19	Петрокаменский	21 696	117						
39	Полевской	34 251	123	1	300	1	180		
28	Пышминский	31 038	150						
20	Режевской	29 441	99						
16	Слободо-Туринский	22 425	135						
26	Сухоложский	61 732	305			1	210	1	47

Продолжение таблицы 2

Номер на карте	Горсоветы и районы Свердлов. обл.	Население, чел.	План призыва, чел.	Железнодорожные и ремесленные училища		Школы ФЗО		Школы ФЗУ, оставшиеся в ведении наркоматов	
				кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.	кол-во	контингент, чел.
40	Сысертский	25 621	131			2	370		
8	Таборинский	16 859	101						
29	Талицкий	43 301	204					1	225
31	Тугулымский	44 024	311						
7	Туринский	47 218	175						
23	Шалинский	38 244	175						
	Итого	2 510 947	10 539	19	8 400	26	8 200	20	1 345

* Для училищ и школ ФЗО указан плановый контингент, для школ ФЗУ — фактический.

Сведения о распределении населения и призывников-учащихся по районам Свердловской области из табл. 3 визуализированы посредством градиентной заливки на рис. 14 (см. цв. вклейку), где более темным градиентом показаны районы с наибольшей численностью населения (А) и наибольшей долей призывников (Б). Сравнительный анализ сведений, отображенных на рис. 14а и 14б, демонстрирует, что наибольшая доля призывников в учебные заведения профессионально-технического образования (относительно численности населения района) в 1940 г. была сконцентрирована в сельскохозяйственных районах области, имевших небольшую численность населения и удаленных от мест расположения училищ и школ ФЗО.

Позднее, в феврале 1941 г., в Свердловске организована железнодорожная школа ФЗО № 27 с плановым контингентом учащихся 160 чел., которая была укомплектована путем призыва колхозной молодежи из отдаленных от областного центра районов: Ирбитского (расстояние около 200 км от расположения школы), Сухоложского (более 100 км), Камышловского (150 км), Сысертского (50 км).

Вторая волна расширения (хотя и временного) сети учебных заведений Государственных трудовых резервов связана с открытием весной 1941 г. школ ФЗО краткосрочного обучения для лесной промышленности, предприятий промышленности стройматериалов и железнодорожного строительства.

В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 204 от 27 января 1941 г. на территории СССР в период с 20 марта по 10 апреля 1941 г. планировалось призвать в школы ФЗО лесной промышленности 50 000 чел. и в школы ФЗО промышленности стройматериалов — 21 490 чел. Фактически было призвано в школы ФЗО лесной промышленности — 38 998 чел. (то есть на 22 % меньше плана), в школы промышленности стройматериалов — 20 337 чел. (на 5,3 % меньше плана).

В Свердловской области было организовано десять школ ФЗО лесной промышленности для трехмесячной подготовки лесорубов, возчиков-трелевщиков и рабочих по разделке леса (школы ФЗО № 32–41). Все школы были открыты на базе мехлесопунктов трестов Свердловлес и Свердловтранслес, расположенных в отдаленных от крупных промышленных центров районах области, в непосредственной близости от железной дороги. Одновременно в Свердловской области было организовано восемь школ ФЗО промышленности стройматериалов для трех- или шестимесячной подготовки рабочих (школы ФЗО № 42–49). В школы ФЗО лесной промышленности планировалось призвать 1 750 чел. (включая 1 000 призывников, переброшенных из Башкирской АССР), в школы ФЗО промышленности стройматериалов — 1 350 чел. (все из Мордовской АССР).

Третьим типом школ ФЗО краткосрочного обучения являлись школы железнодорожного строительства, которые были организованы в соответствии с Постановлением СНК СССР от 10.03.1941 г. № 509 на базе строительных участков и прорабских пунктов Народного комиссариата путей

сообщения (НКПС) для подготовки рабочих массовых профессий железнодорожного строительства (рабочие по путевым работам, по возведению железнодорожного полотна, погрузочно-разгрузочных работ, проходчики и т. д.) с трехмесячным сроком обучения. Постановление СНК предусматривало подготовку в 106 школах ФЗО желдорстроительства на территории СССР 100 000 рабочих, из них с 15 апреля 1941 г. (в первой очереди обучения) — 35 000 чел. (фактически было призвано 34 219 чел.). В Свердловской области были организованы четыре такие школы ФЗО (№ 28–31) (три из которых располагались на удалении в 200–300 км от областного центра).

В школы ФЗО желдорстроительства на территории Свердловской области фактически было призвано 1 200 чел., из них 600 чел. из Башкирской АССР. В соответствии с Решением Свердловского облисполкома от 08.03.1941 г. № 603 «О призыве колхозной и другой сельской молодежи в открываемые школы ФЗО ж. д. строительства» с 20 марта по 10 апреля 1941 г. (одновременно с призывом в школы ФЗО лесной промышленности) для укомплектования открываемых в Свердловской области школ ФЗО железнодорожного строительства следовало мобилизовать 600 чел. в возрасте 16–17 лет в 18 сельскохозяйственных районах области.

Несмотря на тщательную подготовку к открытию новых школ ФЗО краткосрочного обучения, на начальной стадии своего функционирования некоторые школы, особенно школы ФЗО лесной промышленности, столкнулись с рядом проблем. О серьезных трудностях при организации учебного процесса свидетельствует докладная записка и. о. директора Юшаловской школы ФЗО № 41 Сизикова и старшего мастера школы Нелюбина в Свердловский обком ВКП(б), составленная в мае 1941 г. (то есть по прошествии половины трехмесячного срока обучения): «Юшаловская школа ФЗО № 41, организованная на базе Юшаловского МЛП треста “Свердтранслес”, расположена на расстоянии 6 км от ст. Юшала (резиденция МЛП). При школе имеется столовая. Контингент школы — 100 чел., по учебным группам распределяется так: группа лесорубов-лучкистов — 40 чел., место работы которой на расстоянии 4 км от школы, а подвозку обедов можно производить для этой группы, только через ст. Юшала, то есть на расстояние в 10 км, прямой дороги нет — болото; группа возчиков-трелевщиков — 40 чел., место работы группы — за 3–4 км от школы; группа грузчиков-рабочих по разделке древесины на складе — 20 чел., место работы этой группы — на нижнем складе ст. Юшала, на расстоянии 6 км от школы. Для нормальной работы школы должна быть организована подвозка обедов и питьевой воды на место работы. Юшаловский МЛП отказался доставлять продукты в столовую, развозить обеды и питьевую воду на место работы, ссылаясь на то, что школа должна производить все своими силами... Лошадь, которая передана школе, содержится за счет школы и служит для подвозки и отвозки прикрепленного врача, поездки в госбанк (расстояние — 30 км от школы), подвозки почты и для других хозяйственных работ школы. Кроме того, для учебной группы возчиков-трелевщиков требуется выделить мехлесопунктом минимум 20 лошадей и один трактор, имеем только 5 лошадей. Конный двор не оборудован, нет помещения для хранения и сушки сбруи. Для учебной группы грузчиков-рабочих по разделке древесины на складе не имеется конного дер[р]ика, автодер[р]ика, дер[р]ика-крана на тракторе, механического колуна, окорочных станков, станков для формирования пучка, станков для предварительной погрузки и разгрузки и увязочных комплектов. Вся ранее веденная переписка и разговоры не дали положительных результатов. Только быстрое и положительное разрешение вышеуказанных вопросов дает возможность школе справиться с поставленными задачами по воспитанию квалифицированных рабочих. Поэтому просим дать распоряжение о предоставлении школе указанного, в противном случае угроза срыва учебной программы становится неизбежной»¹⁵.

Тем не менее, несмотря на указанные трудности в организации учебного процесса, в июле 1941 г. был произведен массовый выпуск учащихся школ ФЗО лесной промышленности (1 711 чел.), промышленности стройматериалов (965 чел.) и железнодорожного строительства (1 185 чел.) с трехмесячным сроком обучения. Однако после первого выпуска новый прием учащихся не производился, школы ФЗО краткосрочного обучения были ликвидированы.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 208. Л. 61–61об.

Таким образом, в конце 1940 — первой половине 1941 гг. происходило интенсивное расширение сети учебных заведений Государственных трудовых резервов и увеличение количества их учащихся. Так, если к декабрю 1940 г. в области были организованы 17 ремесленных училищ с контингентом 8 000 учащихся, 2 железнодорожных училища на 400 человек и 26 школ ФЗО с контингентом 8 100 учащихся (всего — 45 училищ и школ трудовых резервов с контингентом 16 500 учащихся), то к маю 1941 г. количество школ ФЗО было увеличено до 49 (с числом учащихся 12 297 чел.), а 20 июля 1941 г. на совещании в Обкоме ВКП(б) рассматривались планы дальнейшего увеличения сети ремесленных училищ и школ ФЗО (увеличение контингента учащихся в существующих училищах на 5 780 чел.)¹⁶.

При этом уже в середине 1941 г. (при организации второго набора учащихся в школы ФЗО краткосрочного обучения) перед Свердловским областным управлением трудовых резервов встала проблема истощения человеческих ресурсов, подходящих для призыва в учебные заведения профтехобразования. В решении исполкома Свердловского облсовета от 27.06.41 отмечалось, что «по данным областного статистического управления исходя из материалов переписи 1939 г., молодежи 16-летнего возраста в сельской местности насчитывалось 7,9 тыс. чел. и 17-летнего возраста 6,9 тыс. чел. Учитывая, что за 1940 и 1941 гг. в школы ФЗО, РУ и ЖУ было призвано молодежи 17-летнего возраста 6 420 чел. и 16-летнего возраста 7 000 чел., а остальной контингент этого возраста в числе 1 380 чел. в своем большинстве не удовлетворяет требованиям призыва или по состоянию здоровья или состоит из лиц, уже получивших определенную специальность на производстве (комбайнеры, трактористы, шоферы и т. д.), исполком облсовета решил просить СНК СССР снять со Свердловской области контингент призыва в количестве 1 350 чел. и дать указание ГУТР произвести призыв указанного количества молодежи в других областях и республиках Союза для укомплектования школ ФЗО Свердловской области»¹⁷.

Дальнейшее расширение региональной сети учебных заведений стало возможным за счет централизованных межобластных перебросок призывников и эвакуации школ и училищ из западных районов СССР в период Великой Отечественной войны. Сведения о масштабах эвакуации в Свердловскую область училищ и школ ФЗО представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Сведения об эвакуации учащихся училищ и школ ФЗО (по регионам)
в Свердловскую область***

Регион	Кол-во учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую обл.		Штатная численность учащихся		Кол-во уч-ся, прибывших в Свердловскую обл., чел.
	РУ и ЖУ	школы ФЗО	прием 1940	прием 1941	
Белорусская ССР		4	498	200	449
Винницкая область	1		?		?
Воронежская область	5	7	2 350	1 870**	1 046**
Ворошиловградская область	2	1	1 100	2 200	844
Дагестанская АССР	2	3	1 611**		619
Днепропетровская область	1	2	300	540	266
Ивановская область	1	2	300	1310	400**

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 908. Л. 54, 141, 264–269.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4987. Л. 26.

Продолжение таблицы 3

Регион	Кол-во учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую обл.		Штатная численность учащихся		Кол-во уч-ся, прибывших в Свердловскую обл., чел.
	РУ и ЖУ	школы ФЗО	прием 1940	прием 1941	
Калининская область	1		400		126
Карело-Финская ССР	2	2	600	350	741
Киевская область	5	1	600*	?	318**
Краснодарский край	3		1 963		241
Крымская АССР	1		1 400		404
г. Ленинград	6		354**	182**	
Ленинградская область	7		2 025**		1 188
г. Москва	34	4	17 835**	460**	3 469**
Московская область	10		4 000		977
Николаевская область		2		925	459
Орджоникидзевский край	3	1	2 471**		237
Орловская область	2		720		568
Ростовская область	3	1	1096	775	330
Сталинградская область		1	245		220
Сталинская область		2		1 000	309
Тульская область	1	2		1 435	349
Харьковская область	7	3	6 610**	2 635**	1 795**
Всего	97	38	46 478**	13 700**	15 537**

* Составлена автором по: ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 202а; 202б.

** Неполные данные.

Статус эвакуированных училищ и школ ФЗО в Свердловской области мог быть различным. Часть учебных заведений, прежде всего эвакуированные вместе со своими базовыми предприятиями, сохранились как самостоятельные юридические единицы. Те же школы или училища, которые были влиты в ту школу или училище, которой они были переданы в Свердловской области, согласно разъяснению Главного Управления трудовых резервов, считались расформированными¹⁸.

В конце 1941 — первой половине 1942 г. развитие сети учебных заведений профессионально-технического образования происходило преимущественно ситуативно — в этот период создавалось большое число «школ-однодневок», многие из которых не были оснащены и оборудованы должным образом, предназначались для решения текущих, локальных задач подготовки рабочих кадров для конкретного предприятия и быстро прекращали свое существование. Важным этапом развития сети учебных заведений Государственных трудовых резервов (наряду с увеличением контингента в восьми существующих школах ФЗО) явилось создание в ноябре 1942 г. большого количества школ ФЗО (как филиалов при существующих ремесленных училищах и школах ФЗО) для краткосрочного обучения учащихся дополнительного призыва (см. табл. 4). Большинство из этих филиалов со временем стали самостоятельными школами и просуществовали длительный период.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 342. Л. 180.

Таблица 4

Сведения о школах ФЗО и филиалах школ ФЗО краткосрочного обучения дополнительного призыва молодежи, организованных в Свердловской области в ноябре 1942 г.*

Название школы	Специализация	Базовое предприятие	Наркомат	Плановый контингент, чел.	Название школ ФЗО и РУ, при которых организованы филиалы
Свердловская школа ФЗО № 51	строительная	3-е управление Государственной союзной строительной конторы № 51	НКСудпром	250	
Манчажская школа ФЗО № 57		Завод № 384	НКАП	220	
Свердловская школа ФЗО № 58		Завод № 356	НКВ	150	
Нижне-Сергинская школа ФЗО № 59	металлургического пр-ва	Нижне-Сергинский металлургический завод	НКЧМ	250	
Богословская школа ФЗО № 60	металлистов	Богословский алюминиевый завод	НКЦМ	330	
Северо-Уральская школа ФЗО № 61	горнорудной пром-сти	Северо-Уральские бокситовые рудники	НКЦМ	200	
Атигская школа ФЗО № 62	металлистов	Атигский проволочно-гвоздильный завод	НКМП РСФСР	180	
Лобвинская школа ФЗО № 63	лесообработывающей пром-сти	Лобвинский лесокombинат	НКЛеса	100	
Исовская школа ФЗО № 64	горнорудной пром-сти	Исовский золото-платиновый прииск	НКЦМ	150	
Свердловская школа ФЗО № 65	металлистов	Уралмашзавод	НКТП	800	РУ № 1
Свердловская школа ФЗО № 66	металлистов	Завод № 8 им. Калинина	НКВ	300	РУ № 1
Свердловская школа ФЗО № 67	металлистов	Свердловский инструментальный завод	НКСС	200	РУ № 3
Свердловская школа ФЗО № 68	металлистов	Завод № 760	НКМВ	150	РУ № 3
Свердловская (Нижне-Исетская) школа ФЗО № 69	металлистов	Завод № 726	НКВМ	150	РУ № 29
Полевская школа ФЗО № 70	химического производства	Полевской криолитовый завод	НКЦМ	100	РУ № 15
Первоуральская школа ФЗО № 71	металлургического пр-ва	Первоуральский новотрубный завод	НКЧМ	400	РУ № 6
Нижне-Салдинская школа ФЗО № 72	металлургического пр-ва	Нижне-Салдинский металлургический завод	НКЧМ	150	РУ № 11

Продолжение таблицы 4

Название школы	Специализация	Базовое предприятие	Наркомат	Плановый контингент, чел.	Название школ ФЗО и РУ, при которых организованы филиалы
Ново-Лялинская школа ФЗО № 73	бумажной пром-сти	Ново-Лялинский бумкомбинат	НКБП	275	РУ № 20
Ново-Лялинская школа ФЗО № 74	металлистов	Завод № 529	НКВ	150	РУ № 20
Серовская школа ФЗО № 75	металлистов	Завод № 76	НКБ	300	РУ № 10
Ново-Уткинская школа ФЗО № 76	металлистов	Ново-Уткинский завод ЭСМА	НКЭП	100	РУ № 22
Егоршинская школа ФЗО № 77		Завод № 626	НКЭП	150	РУ № 16
Свердловская школа ФЗО № 78	металлистов	Свердловский Уралтурбозавод	НКТМ	200	школа ФЗО № 9
Невьянская школа ФЗО № 79	Пром-сти стройматериалов	Невьянский цементный завод	НКПСМ	150	школа ФЗО № 8
Зырянская школа ФЗО № 80	горнорудной пром-сти	Зырянский рудник	НКЧМ	200	школа ФЗО № 6
Богословская школа ФЗО № 81	горнорудной пром-сти	Богословский рудник	НКЧМ	250	школа ФЗО № 14
Ревдинская школа ФЗО № 82	строителей	ОСМУ «Стальконструкция» (г. Ревда)	НКС	150	школа ФЗО № 41
Тавдинская школа ФЗО № 83	деревообрабатывающей пром-сти	Тавдинский фанерный комбинат	НКЛеса	200	школа ФЗО № 15
Каменская школа ФЗО № 84	металлистов	Завод № 268	НКАП	150	школа ФЗО № 37
Ирбитская школа ФЗО № 85	металлистов	Ирбитский мотоциклетный завод	НКСМ	150	школа ФЗО № 17
Нижне-Тагильская школа ФЗО № 86	металлургического пр-ва	ОСМУ «Союзтеплострой» (г. Нижний Тагил)	НКС	200	школа ФЗО № 29
Режевская школа ФЗО № 87	металлистов	Завод № 552	НКБ	200	школа ФЗО № 28

* Составлено автором по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 66. Л. 30–32; ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–47.

В послевоенный период, во второй половине 1940-х гг., сеть учебных заведений профессионально-технического образования Свердловской области непрерывно расширялась, достигнув максимальных количественных показателей к 1948–1949 гг. Так, в 1948 г. в регионе функционировали 47 ремесленных училищ, 2 железнодорожных училища и 86 школ ФЗО Государственных трудовых резервов (см. цв. вклейку, рис. 15).

Для развития сети учебных заведений профтехобразования в конце 1940-х гг. характерны две тенденции. Во-первых, реорганизация многих передовых школ ФЗО в ремесленные училища,

которая проводилась «в результате настойчивых просьб базовых предприятий, ощущающих острую нужду в более квалифицированных рабочих кадрах, дать которые школа ФЗО не могла»¹⁹.

Во-вторых, гибкость и динамичность развития сети, выражавшаяся в практике перебазирования некоторых школ ФЗО в достаточно удаленные от их первоначального местонахождения населенные пункты в случае нецелесообразности дальнейшего функционирования школы в первоначальной локации. При перебазировании могла происходить не только смена базового предприятия, но и его ведомственная принадлежность, а иногда и населенный пункт.

Так, например, в 1947 г. на другие предприятия были перебазированы четыре школы ФЗО:

Первоуральская школа ФЗО № 28, существовавшая на базе треста «Трубстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии с контингентом учащихся 150 человек, переведена на базу Военстроя Министерства строительства военных и военно-морских предприятий с контингентом 250 человек и местонахождением в г. Ирбите (перемещена на расстояние в 250 км).

1. Алапаевская школа ФЗО № 32, существовавшая на базе Уралмашстроя Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии с контингентом 150 чел., переведена на базу строительства Егоршинской ГРЭС Министерства электростанций с количеством учащихся 100 чел. и местонахождением в Егоршино (65 км).

2. Баженовская школа ФЗО № 44 с контингентом 100 чел., существовавшая на базе УралОВСУ Министерства вооруженных сил, переведена на базу фабрики Коминтерна Министерства промышленности строительных материалов с тем же контингентом и местонахождением.

3. Артинская школа ФЗО № 72 с контингентом 100 чел., существовавшая на базе Косного завода Министерства местной промышленности РСФСР, переведена на базу Гражданскстроя Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР с контингентом учащихся 150 чел. и местонахождением в г. Нижнем Тагиле (300 км).

В качестве основной причины перебазирования всех указанных школ было названо «отсутствие рабочих мест, фронта работ и нормальных жилищно-бытовых условий учащихся на прежних базовых предприятиях»²⁰.

Результат анализа содержащихся в БД сведений о численности контингента учащихся в учебных заведениях профтехобразования Свердловской области в 1930–1940-е гг. показывает, что, несмотря на существование крупных школ с чрезвычайно большим количеством учащихся (например, в Надеждинской и Нижнетагильской школах ФЗУ треста «Востокосталь» Наркомтяжпрома в конце 1932 г. обучались 1 374 и 972 чел. соответственно), в 1930-е гг. средняя численность контингента не превышала 250 чел., в конце 1940 г. увеличилась до 275 чел., но во второй половине вернулась к показателям конца 1920-х — начала 1930-х гг. (см. табл. 5). Таким образом, практика концентрации учебных заведений (особенно школ ФЗУ и затем школ ФЗО) в 1930–1940-е гг. на наиболее крупных и наилучше оборудованных базах в полной мере не была реализована (по различным причинам), что отражают в том числе приведенные ниже карты сети учебных заведений профессионально-технического образования.

Таблица 5

Распределение учебных заведений профессионально-технического образования Свердловской области по численности контингента учащихся в 1930–1940-е гг.

Контингент учащихся, чел.	октябрь 1930*		декабрь 1932		сентябрь 1940		май 1947**			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	РУ и ЖУ		школы ФЗО	
							кол-во	%	кол-во	%
до 50	4	7,7	3	3,5	7	13,2	0	0	3	3,9
51–100	12	23,1	16	18,6	15	28,3	3	6,4	15	19,7

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9502. Оп. 2. Д. 711. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 27–28.

Продолжение таблицы 5

Контингент учащихся, чел.	октябрь 1930*		декабрь 1932		сентябрь 1940		май 1947**			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	РУ и ЖУ		школы ФЗО	
							кол-во	%	кол-во	%
101–200	22	42,3	20	23,3	12	22,6	23	48,9	43	56,6
201–300	9	17,3	23	26,7	14	26,4	13	27,7	12	15,8
301–500	5	9,6	14	16,3	4	7,5	5	10,6	3	3,9
более 500	0	0	10	11,6	1	1,9	3	6,4	0	0
Всего	52	100	86	100	53	100	47	100	76	100

Источник: БД «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1920–1950-е гг.).»

* Неполные данные.

** Данные только по учебным заведениям Государственных трудовых резервов.

В начале 1950-х гг. проявилась тенденция сокращения количества учебных заведений профтехобразования, вызванная, с одной стороны, постепенным отказом от практики массовых принудительных мобилизаций и межобластных перебросок призывников на общегосударственном уровне и, с другой стороны, сокращением потребности в квалифицированных молодых рабочих на многих базовых предприятиях. Так, например, при формировании плана набора учащихся в ремесленные училища Свердловской области на 1951 г. директор РУ № 11 Гайдуков отмечал, что «базовое предприятие Нижнесалдинский металлургический завод в квалифицированной рабочей силе не нуждается и ставит вопрос о закрытии РУ № 11. Также базовое предприятие отказалось предоставить какие-либо помещения для вновь набираемого контингента и вообще оказывать какую-либо помощь училищу»²¹. Директор Первоуральского РУ № 24 сообщал, что в связи с тем, что Хромпиковому заводу требуется ежегодно около 30–40 квалифицированных рабочих тех специальностей, по которым ведется подготовка в училище, а также с тем, что «имеющаяся база для прохождения производственного обучения не соответствует требованиям по подготовке квалифицированных рабочих... и принимая во внимание специфику нашего производства, считаем, что завод не может являться базой подготовки этих профессий, поэтому дальнейшее существование РУ № 24 с точки зрения государственной — нецелесообразным»²².

В результате к 1958 г. состав учебных заведений профтехобразования в Свердловской области существенно изменился. Школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища составляли лишь 40 % от общего числа учебных заведений государственных трудовых резервов, приоритет получили другие типы образовательных организаций — технические училища, строительные училища и школы, училища механизации сельского хозяйства и т. д. (см. цв. вклейку, рис. 16).

Таблица 6

Районы концентрации учебных заведений профессионально-технического образования в Свердловской области в 1920–1950-х гг.

Субрегион Свердловской области		1923		1932		1940		1947*		1958*	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
1	Серов — Карпинск — Красноуральск — Североуральск	1	2,9	5	5,8	3	4,8	10	8	11	13,3
2	Лобва — Новая Ляля — Верхотурье	1	2,9	3	3,5	1	1,6	2	1,6	1	1,2
3	Ис — Н. Тура	1	2,9	1	1,2			2	1,6		

²¹ ГАСО. Ф-2033. Оп. 1. Д. 53. Л. 355.

²² Там же. Л. 350.

Продолжение таблицы 6

Субрегион Свердловской области		1923		1932		1940		1947*		1958*	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
4	Кушва — В. Тура — Баранча — Красноуральск	3	8,6	6	7,0	5	7,9	6	4,8	5	6,0
5	Нижний Тагил	2	5,7	10	11,6	8	12,7	16	12,8	13	15,7
6	Н. Салда — В. Салда	2	5,7	1	1,2	2	3,2	4	3,2	1	1,2
7	Алапаевск и окрестности	1	2,9	3	3,5	1	1,6	6	4,8	2	2,4
8	Ирбит	1	2,9	1	1,2			3	2,4	2	2,4
9	Туринск — Тавда	1	2,9	1	1,2	2	3,2	3	2,4	1	1,2
10	Невьянск-Кировград — В.-Нейвинск	2	5,7	3	3,5	2	3,2	3	2,4	3	3,6
11	Реж — Егоршино	2	5,7	3	3,5	1	1,6	3	2,4	3	3,6
12	Первоуральск — Ревда — Н. Утка — С. Уткинск	4	11,4	3	3,5	6	9,5	14	11,2	4	4,8
13	Екатеринбург / Свердловск и окрестности	5	14,3	28	32,6	18	28,6	27	21,6	17	20,5
14	Асбест — Богданович — Сухой Лог	1	2,9	3	3,5	4	6,3	5	4	4	4,8
15	Камышлов — Пышма — Талица	1	2,9	3	3,5	2	3,2	2	1,6	1	1,2
16	Красноуфимск	1	2,9	3	3,5	1	1,6	2	1,6	2	2,4
17	Каменск-Уральский и окрестности			1	1,2	1	1,6	6	4,8	7	8,4
18	В. Серги — Н. Серги — Бисерть	2	5,7	2	2,3	2	3,2	3	2,4		
19	Арти — Михайловск	2	5,7	3	3,5	1	1,6	2	1,6		
20	Сысерть — Полевской	2	5,7	3	3,5	3	4,8	6	4,8	6	7,2
		35	100	86	100	63	100	125	100	83	100

* Подсчитаны только учебные заведения Государственных трудовых резервов.

Таким образом, учебные заведения профессионально-технического образования в 1920–1950-е гг. территориально располагались в 20 промышленных субрегионах Свердловской области (см. табл. 6). При этом анализ динамики развития сети учебных заведений позволил выявить ряд тенденций:

1. Постоянное количественное увеличение как числа учебных заведений, так и контингента учащихся, происходившее на протяжении большей части рассматриваемого периода и достигшее максимальных показателей в конце 1940-х гг.
2. Укрупнение учебных заведений, выражающееся в увеличении средней численности контингента учащихся (при существенной волатильности этого показателя в отдельные периоды).
3. Перемещение учебных заведений из «старых» промышленных центров в районы концентрации промышленных предприятий, построенных в годы первых пятилеток или эвакуированных в период Великой Отечественной войны (Свердловск, Нижний Тагил).

REFERENCES

Bystritskiy M. G., Serebrennikov G. N. *Novaya bronya podrostkov* [New reservation for adolescents]. Moscow: b. i., 1929. (in Russ.).

Ignatev V. A. [Essays on the history of vocational education at the Verkh-Isetsky metallurgical plant in Soviet times]. *Professionalno-tekhnicheskoe i professionalno-pedagogicheskoe obrazovanie v regionalnom razreze: Sverdlovskaya oblast* [Vocational and vocational pedagogical education in the regional context: Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: RGPPU Publ., 2020, pp. 877–918. (in Russ.).

Milostnaya L. I. [The activities of the Ural party organizations for the development of vocational education in 1928–1932]. *Deyatel'nost partiynykh organizatsiy Urala i Zapadnoy Sibiri po razvitiyu narodnogo obrazovaniya i kultury* [Activities of party organizations of the Urals and Western Siberia for the development of public education and culture]. Sverdlovsk: SGPI Publ., 1978, pp. 21–34. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Spatial aspects of Russian modernizations]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history], 2010, no 2, pp. 18–26. (in Russ.).

Postnikov S. P., Feldman M. A. *Gosudarstvo i professional'naya podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900–1940 gg.* [The state and professional training of workers in the industry of the Urals in 1900–1940]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. (in Russ.).

Razinkov S. L., Zakharovsky L. V. [Vocational education in the Sverdlovsk region (1920–1950s)]. Database. 2020. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40879797> (accessed: 01.12.2021). (in Russ.).

Serdyukov A. A. *Pedagogicheskie kadry professional'no-tekhnicheskoy shkoly Rossii. 1959–1985 gg.* [Teaching staff of the vocational school in Russia. 1959–1985]. Ekaterinburg: URGPI Publ., 2001. (in Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.2(470.342)"15/17"

Кайсин Алексей Олегович

заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0002-6188-0043

E-mail: akai_slob@mail.ru

Борисова Анна Михайловна

лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0001-5046-205X

E-mail: annalein8321@gmail.com

Глазырина Маргарита Кирилловна

инженер-исследователь научно-исследовательской археологической лаборатории, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID 0000-0002-0256-5836

E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным*

АННОТАЦИЯ. Статья содержит информацию о возникновении, застройке и развитии города Хлынова / Вятки / Кирова. Объекты соотносятся с планами города 1759 и 1784 гг. Дается анализ археологических работ: раскопок, разведок и надзоров, проведенных на территории кремля за период 1935–2019 гг. Именно они дали возможность скорректировать данные письменных источников и позволили определить местонахождение конкретных объектов. Авторами археологических работ являлись сотрудники Кировского областного краеведческого музея, Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области и других академических центров (Б. А. Васильев, М. П. Грязнов, Л. П. Гуссаковский, Л. Д. Макаров, С. Е. Перевошиков, А. Л. Кряжевских, Р. В. Матвеев, А. И. Фахретдинов). В работе описываются топографические и географические особенности развития территории Хлыновского кремля. Проводится интерпретация археологических и исторических данных, дается описание объектов архитектурных комплексов, найденных в ходе археологических исследований территории. Анализируется достоверность интерпретации данных археологов разных лет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хлыновский кремль, археологические работы, раскопки, разведки, надзоры, план города, Хлынов / Вятка / Киров

* Работа выполнена в рамках проекта «Культурный код россиянина» программы развития ФГБОУ «ВятГУ» «Приоритет_2030».

Для цитирования: Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 82–92.

ARCHAEOLOGY

УДК 902.2(470.342)''15/17''

Alexey O. Kaisin

head of the Scientific Research archaeological laboratory, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0002-6188-0043

E-mail: akai_slob@mail.ru

Anna M. Borisova

laboratory assistant at the Scientific Research archaeological laboratory, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0001-5046-205X

E-mail: annalein8321@gmail.com

Margarita K. Glazyrina

research engineer at the Scientific Research archaeological laboratory, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID 0000-0002-0256-5836

E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

The Khlynov Kremlin in the 16th–18th centuries according to the data from archaeology

ABSTRACT. The paper contains information about the origin, building and development of the city of Khlynov / Vyatka / Kirov. Infrastructure objects are correlated with the city plans of 1759 and 1784. An analysis of archaeological work is given: excavations, exploration, supervision carried out on the territory of the Kremlin for the 1935–2019 period. This work made it possible to correct the data of written sources and determine the location of specific objects. The authors of the archaeological work were employees of the Kirov Regional Museum of Local Lore and the Research and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Sites in the Kirov Region and other academic centers. They are: B. A. Vasiliev, M. P. Gryaznov, L. P. Gussakovsky, L. D. Makarov, S. E. Perevoshchikov, A. L. Kryazhevskikh, R. V. Matveev, A. I. Fakhretdinov. The paper describes the topographic and geographical features of the development of the territory of the Khlynov Kremlin. It also interprets the archaeological and historical data, describes infrastructure objects and architectural complexes found in the course of archaeological research of this territory, analyzes the reliability of the data interpretation by archaeologists of different years.

KEYWORDS: Khlynov Kremlin, archaeological work, excavations, exploration, supervision, city plan, Khlynov / Vyatka / Kirov

For citation: Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K. The Khlynov Kremlin in the 16th–18th centuries according to the data from archaeology // Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 82–92.

ИСТОРИЯ ЗАСТРОЙКИ

Хлыновский кремль располагается в исторической части г. Кирова, на левом коренном берегу р. Вятки высотой 35–40 м, занимая тупой мыс, ограниченный с востока берегом р. Вятки и с юга берегом оврага Засора.

Архивные материалы (писцовые, дозорные, переписные книги и росписи) содержат множество достоверных цифровых данных (размеров, расстояний и т. д.) и других сведений о планировке и застройке города. Документы, в определенной последовательности описывающие дворы и улицы, позволяют восстановить облик древнего города, важнейшие из них — Дозорная книга Ф. А. Звенигородского 1615 г.¹, Писцовая книга 1628 г. Афанасия Толочанова и подьячего Андрея Иевлева², Роспись сгоревших зданий и сооружений г. Хлынова в 1631 и 1634 гг.³; Росписной список стольника и воеводы князя П. С. Прозоровского 1676 г.⁴; Росписной список боярина и воеводы князя М. И. Лыкова 1684 г.⁵; Окружные межевые книги Вятской провинции города Хлынова 1759 г.⁶, План Вятского наместничества городу Хлынову, назначенному быть губернским городом 1784 г.⁷ (см. цв. вклейку, рис. 17).

С момента возникновения города в XIV в. и до утверждения регулярного плана в 1784 г. планировка города определяется мысовым характером первоначального поселения и естественно-географическими факторами (изрезанный рельеф, глубокие овраги, река). Глубокие овраги (Засорный — с южной стороны, Раздерихинский и Луковицкий — с севера) ограничивали развитие города вдоль течения реки Вятки, ориентируя направления дорог и улиц только на запад. Этими обстоятельствами и был обусловлен лучевой, или веерный, характер планировки города⁸.

В течение XIV — середины XVII вв. город застраивался исключительно деревянными зданиями. После строительства посадских укреплений начинается сооружение каменных культовых, а затем и гражданских зданий. Каменное строительство, начатое мастерами московской архитектурной школы, впоследствии испытывает сильное влияние ее провинциальных направлений. Оборонительные сооружения Хлынова (Вятки) возникли сразу после основания города, то есть еще во второй половине XIV в. (официальная дата основания города — 1374 г.). К началу XVII в. Хлыновский кремль окружал вал, поверх которого шла стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Пространство между двумя рядами срубов в связи с появлением артиллерии засыпали землей или камнями. Кроме того, кремль имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. Общая длина стены достигала 420 саженей (около 900 м)⁹. Кремлевские укрепления Хлынова в это время в целом были идентичны крепостным постройкам городов Киевской Руси домонгольского времени¹⁰, что свидетельствует о живучести традиций крепостного зодчества на Вятке.

В 1663–1666 гг., в ходе перестройки кремлевских укреплений, вместо деревянных стен были насыпаны земляные валы высотой около 5 м. Вал менее подвержен разрушению артиллерийским

¹ Город Хлынов в 1615 г. по Дозорной книге кн. Ф. А. Звенигородского // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1906. Вып. 3–4. Отд. III. С. 1–27.

² Писцовая книга 1628 г. Офонасья Толочанова и подьячего Ондreja Иевлева // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 3–4. Отд. III. С. 102–141.

³ О построении города Хлынова, сгоревшего в 1634 году; Роспись тому, что в оном пожаре сгорело. 1634 (1634 г.) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 3–4. Отд. III. С. 142–156.

⁴ Росписной список стольника и воеводы кн. П. С. Прозоровского, что он принял от воеводы В. П. Нарышкина на Вятке два земляные города Хлынова в 1676 (1676) г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 5–6. Отд. II. С. 8–17.

⁵ Росписной список боярина и воеводы князя М. И. Лыкова, что он принял от Петра Дорошенки город Хлынов 1684 (1684) г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 5–6. Отд. II. С. 30–31.

⁶ Окружные межевые книги Вятской провинции города Хлынова 1759 года // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1917. Вып. 1–2. Отд. II. С. 1–116.

⁷ ЦГАИП. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 341.

⁸ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров, 1976. С. 13.

⁹ Эммаусский А. В. Культура Вятского края XVII вв. // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4: История. С. 70–71.

¹⁰ Древняя Русь. Город, замок, село. Москва, 1985. С. 169.

огнем, чем деревянные стены, что имело большое значение вследствие усиления мощности пушек в XVII в. Попадая в вал, ядра зарывались в нем, теряли свою пробивную силу и застревали. Основу конструкции вала, его «скелет» составляли так называемые тарасы — две параллельные бревенчатые стенки, соединяющиеся между собой поперечными перегородками. Эти стенки образовывали изолированные ячейки, заполненные землей. С внешней стороны тарас был насыпан и задернован крутой откос. Со стороны р. Вятки вал от оплывания защищали срубы из пяти рядов толстых бревен. По верху вала были набиты зубцы из заостренных вверх бревен, за которыми находились наполненные землей туры — плетеные ивовые корзины диаметром и высотой по одному аршину (72 см), поставленные друг от друга на расстоянии аршина, как и зубцы на стене. В линию вала встроили пять деревянных башен, а также несколько выводов, количество которых в разное время было различным. Вывод представлял собой выступающий за линию крепостной стены деревянный сруб, в котором находилась пищаль для огня вдоль крепостной стены по подступившему вплотную неприятелю. С запада и севера кремлевский вал окружал ров, который частично (примерно 320 м) был заполнен водой. Ров пролегал приблизительно по линии современной ул. Динамовский проезд. От проезжих башен через него были перекинута мосты с перилами, которые, очевидно, могли быстро развести в случае опасности¹¹. Две другие стороны кремля защищала крутизна коренного берега Вятки и Засорного оврага.

С ростом населения торг был вынесен за пределы укреплений, и здесь, рядом со рвом, окружающим кремль, возник и стал развиваться торговый и общественный центр. С течением времени кремль потерял значение единого центра, его функции изменились, и к концу XVII века он превратился в центр церковной жизни, резиденцию архиереев и органов управления епархией. На небольшой площади кремля, примерно равной площади современного городского квартала, находилось девять церквей. Тут же было 14 дворов церковнослужителей, двор земский съезжий «для посланников», 30 тяглых дворов и 27 пустых дворовых мест¹². Расположенные рядом, но разделенные глубоким рвом, церковный и общественный центры сосуществовали до конца XVIII в. (рис. 1).

Остатки укреплений кремля были зафиксированы на плане г. Хлынова 1759 г. В это время кремль с напольной стороны окружал глубокий ров шириной более 30 м и вал шириной не менее 10 м. Его площадь составляла около 4 га.¹³

Граница кремлевской части Хлынова-Вятки на западе и северо-западе проходила приблизительно по линии современной ул. Динамовский проезд, на севере проходила примерно по линии современного дома № 14 по ул. Динамовский пр., с востока кремль прикрывал высокий берег р. Вятки, а с юга — берег оврага Засора¹⁴.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Частота и объем археологических работ в г. Кирове велики, однако, несмотря на это, по наиболее интересным объектам (даже на территории Хлыновского кремля) отчеты археологов не опубликованы¹⁵.

Впервые на Хлыновский кремль как на археологический памятник указал А. А. Спицын в «Каталоге древностей Вятского края», опубликованном в 1881 г.¹⁶ Первые археологические работы

¹¹ Кряжевских А. Л. Оборонительные укрепления г. Хлынова (Вятки) в XVII в. // Камский торговый путь: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Елабуга, 2008. С. 110–113.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Макаров Л. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (к 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 50.

¹⁴ Проект границы территории выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации «Вятский (Хлыновский) кремль». Киров, 2014.

¹⁵ Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны // Актуальная археология 5: материалы Междунар. науч. конф. мол. ученых. СПб., 2020. С. 76.

¹⁶ Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // А. А. Спицын. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 60.

Рис. 1. Вид на холм Хлыновского кремля. Фото конца XIX в.
Фонды НИ археологической лаборатории ВятГУ

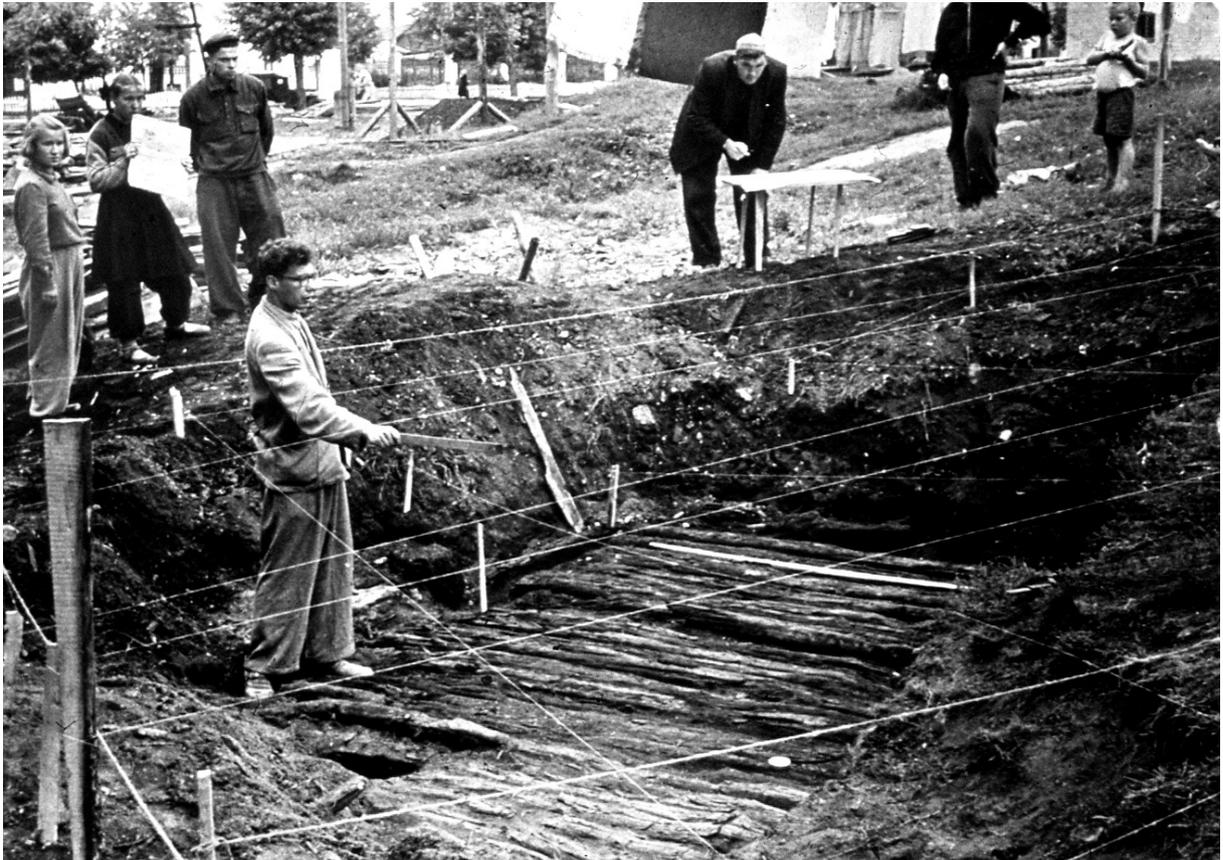

Рис. 2. Раскопки Л. П. Гуссаковского. Фотоснимок сделан во время археологических раскопок на территории Хлыновского кремля (рядом с домом № 1 на ул. Коммуны/Московской) в 1957 г.
Фонды НИ археологической лаборатории ВятГУ

на памятнике проводились в 1935 г., во время строительства домов № 1 и 2 на ул. Коммуны (совр. ул. Московская). В частности, здесь производились археологические наблюдения сотрудниками Кировского областного краеведческого музея Б. А. Васильевым и М. П. Грязновым. В результате исследований неоднократно фиксировались остатки различных деревянных построек (мостовых, нижних венцов срубов и др.), а также собрана довольно большая коллекция предметов — ножей, замков, кочедыков, гвоздей¹⁷.

Следующие исследования были проведены в 1956–1958 гг., когда Л. П. Гуссаковский заложил на территории Хлыновского кремля два раскопа и шесть шурфов общей площадью около 180 кв. м (см. рис. 2). Зафиксированная мощность культурного слоя колебалась от 1,7 до 3,35 м, при этом наибольшая толщина прослежена в юго-восточной части кремля, наименьшая — в северной. В стратиграфии напластований четко выделяются два основных слоя: верхний, содержащий разнообразные прослойки строительного мусора, и нижний, имеющий интенсивную черную окраску. Вследствие нарушения естественного дренажа почвы из-за сооружения вала и рва нижний слой содержит большое количество воды, что обеспечило хорошую сохранность изделий из дерева, кожи, бересты и кости. Глубина залегания этого слоя колеблется от 0,5 до 1,1 м от современной дневной поверхности¹⁸. Также были обнаружены обувные детали со следами единых способов покроя, обрезки кроя и определенный инструментарий, указывающие на существование сапожной мастерской (совр. ул. Московская, дом № 1). Находки, обнаруженные в сооружении, датированы 1520–1540-ми гг.¹⁹

В шурфах и раскопах Л. П. Гуссаковский выделил от трех до восьми строительных ярусов, самый ранний из которых, относящийся к городскому слою, датируется концом XIII — серединой XIV вв. (древнейший ярус, датированный XII — второй половиной XIII вв., интерпретирован исследователем как русское поселение сельского типа). В ходе обработки полученных материалов ученый пришел к выводу, что г. Хлынов был построен во второй половине XIII в. и получил свое название по речке Хлыновице. В раскопах и шурфах прослежена часть древней улицы с бревенчатыми мостовыми и остатками жилых и хозяйственных сооружений XIII–XIV вв.

В северной части кремля, внутри квартала, ограниченного с юга ул. Московской, с востока — высоким коренным берегом р. Вятки, с севера — оградой Преображенского женского монастыря, с запада — Динамовским проездом, Л. П. Гуссаковский обнаружил 25 погребений, пять из которых детские. Обнаруженные костяки ориентированы головой на запад–юго-запад и запад–северо-запад, во всех случаях присутствуют остатки деревянных гробов. Умершие лежали вытянуто на спине, глубина могильных ям варьировалась от 0,5 до 1 м. Л. П. Гуссаковский объясняет небольшую глубину захоронений работами по нивелировке местности, проводившимися на участках его изысканий в разное время. В пяти детских погребениях выявлены медные нательные крестики конца XVI–XVII вв. Вероятнее всего, могильник представляет собой церковное кладбище, возникшее еще при деревянной Богоявленской церкви XVI в. и продолжавшее функционировать после постройки в 1698–1710 гг. каменного Богоявленского собора.

Однако в настоящее время ряд выводов Л. П. Гуссаковского относительно возраста Хлынова-Вятки и датировки ряда находок подвергаются некоторыми исследователями серьезному сомнению. В частности, С. Д. Захаров, сторонник скептического отношения к результатам изысканий 1950-х гг., отмечает слабую методическую базу проведенных работ. Он указывает на очень небольшую площадь вскрытого культурного слоя (около 180 кв. м), что не позволяет, по его мнению,

¹⁷ Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (к 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 34, 40.

¹⁸ Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических исследованиях в городе Кирове, Отчет о полевых исследованиях 1956 г. в г. Кирове; Кировской области в 1957 г.; Отчет об археологических раскопках на территории г. Кирова и Кировской области. 1958 год.; Отчет об археологических раскопках в г. Кирове в 1959 г. // Фонды КОКМ.

¹⁹ Жилина М. В. Кожаная обувь XV–XVI вв. по материалам раскопок в Хлыновском кремле (1956–1958 гг.) // Международная археологическая школа в Болгаре: сб. материалов конф. «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». Казань, 2017. С. 88–93.

дать обоснованную характеристику стратиграфии и хронологии Хлыновского кремля, а также на спорные моменты в выделении и датировке строительных ярусов.²⁰

Вместе с тем имеется и другая точка зрения относительно результатов исследований Л. П. Гуссаковского. Так, ижевский археолог Л. Д. Макаров полностью поддержал высказанный тезис об основании Хлынова-Вятки в середине — второй половине XIII в. и с некоторыми уточнениями присоединился к датировке строительных горизонтов²¹. Он объясняет методические недочеты ученого тем, что археологические исследования проводились в период становления современной методики раскопок древнерусского города, и, несмотря на все неточности, считает результаты его изысканий заслуживающими доверия за вычетом некоторых деталей²².

После работ Л. П. Гуссаковского в исследованиях Хлыновского кремля наступает длительный перерыв. В 1983 г., во время прокладки траншеи водопровода по ул. Московской, Л. Д. Макарову удалось проследить разрез кремлевского вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м — от рва до монумента воинам-кировчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В ходе исследований выявлены остатки древнейших укреплений города в виде дощатого настила, фрагментов бревен и плах, строительного мусора, которые располагались вдоль рва на прослойке погребенного дерна с лесной подстилкой. Эти сооружения Л. Д. Макаров идентифицировал как остатки укреплений типа «жилые стены», сведения о которых содержатся в «Повести о стране Вятской»²³. Обнаружен культурный слой мощностью до 25 см, но без находок. Его перекрывает мощная насыпь вала шириной 13 м, внутри которого зафиксированы деревянные конструкции в виде срубов, забутованных глиной. Вдоль вала проходила улица с бревенчатыми мостовыми, которых насчитывалось не менее 5–6 ярусов. Наибольшая мощность культурного слоя прослежена у вала — более 2 м, внутри кремля она сравнительно невелика и составляет 1,2–1,6 м. В ходе исследований также обнаружено значительное количество находок, в том числе из органических материалов (кости, дерева, бересты и кожи), которые хорошо сохраняются во влажном слое нижних пластов кремля²⁴.

В 1990 г. под руководством Л. Д. Макарова проведены раскопки на территории Хлыновского городища. К югу от городского Дворца пионеров (некогда архиерейских палат) был заложен раскоп площадью 81 кв. м. Мощность напластований достигала здесь 4–6 м, причем доля слоя строительного мусора составляла 2,5–3 м. В ходе раскопок прослежены фрагменты жилых построек срубного типа и хозяйственных ям (в том числе кладовка для хранения запасов белой глины, погреб и мусорная яма). При этом удалось выделить 4–5 строительных горизонтов, разделенных следами пожаров, древнейший из которых датируется концом XIII–XIV вв. В результате исследований также собрана обширная коллекция находок, относящихся к периоду от конца XIII до XX вв.²⁵

В 2012 г. по ул. Спасской, 9а экспедицией Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области проводились археологические раскопки на месте строительства здания офисного назначения. Площадь раскопа составила 120 кв. м. Недалеко от исследуемого района, в границах объекта культурного наследия «Хлыновский кремль», в районе современного дома № 5 на ул. Герцена, по меньшей мере с XVII в. по начало XIX в. находились так называемые Старые кузницы — центр металлургического производства г. Хлынова. Вследствие этого еще до начала археологических работ предполагалось возможное расположение на этом

²⁰ Захаров С. Д. Раскопы Л. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (к 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 41.

²¹ Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учеб. пособие. Ижевск, 2001. С. 75. Рис. 31.

²² Кряжевских А. Л. Археологическое изучение Кировской области в 1950-е гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3 (1). С. 60–61.

²³ Макаров Л. Д. История археологического изучения города Вятки... С. 54.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ Макаров Л. Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 204–205. Он же. Исследования в г. Кирове и в Костромской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 44–46.

участке производственных сооружений, связанных с черной или цветной металлургией. Исследуемая территория длительное время находилась фактически за пределами города, располагаясь вблизи границы посада. Такое местоположение было удобно для размещения кузниц, которым требовалось определенное удаление от жилой застройки, чтобы огонь, с которым постоянно имели дело кузнецы, не мог перекинуться на дома горожан. При этом до начала археологических работ не было точной информации ни о времени застройки исследуемого района, ни о характере этой застройки. В ходе раскопок было установлено, что начало освоения исследуемого участка относится к XVII в. Мощность культурного слоя на раскопе за пределами сооружений составила от 0,25 до 1,45 м, в сооружениях — до 2,6 м²⁶.

В 2013 г. на территории Хлыновского кремля проведены археологические раскопки под руководством С. Е. Перевощикова и А. Л. Кряжевских. Работы носили охранный характер и были организованы по маршруту прокладки газопровода к домам № 18, 24, 26, 28 по ул. Динамовский пр. Наиболее важным итогом раскопок стало выявление одной из древних улиц кремля, вымощенной деревом, к которой примыкали жилые и хозяйственные постройки. Деревянная мостовая представляла собой сплошной помост, состоящий из плотно прижатых друг к другу жердей диаметром до 0,1–0,2 м, за счет чего даже без стесывания по верхней части бревен можно было ходить, не испытывая больших неудобств. Бревна мостовой вплотную подходили к жилым и хозяйственным постройкам и бревенчатой усадебной ограде. Археологический комплекс сооружений датируется XVI–XVII вв.²⁷ Обнаруженная улица не была обозначена ни на одном из планов г. Хлынова-Вятки, пересекалась с предполагаемой улицей, ведущей к проезжей Спасской башне кремля.

В ходе раскопок была собрана представительная коллекция фрагментов керамической посуды, изразцов, бутылочного стекла XIX — начала XX вв., предметов вооружения XV–XVII вв. (наконечников стрел, наконечника арбалетной стрелы, пищальных ядер, ядер для пращи, ружейных кремней), предметов быта: рыболовных крючков, каменных и глиняных пряслиц, ножей, грузил и поплавков для сетей, фрагментов костяных изделий, изразцов, нумизматического материала (от копейки Ивана Грозного до монет первой четверти XX в.).

В 2015 г. под руководством Р. В. Матвеева проведены спасательные археологические раскопки площадью 100 кв. м в юго-восточной части Хлыновского кремля, на краю склона, который спускается к оврагу Засора, южнее дома № 28 на ул. Динамовский пр. Склон постоянно осыпается и размывается талыми водами. Раскоп вытянут по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток, отклонение от линии запад-восток достаточно небольшое²⁸. Именно в этом раскопе найден один из самых древних на территории Кирова нательный крест²⁹. Самый близкий по типу наперсный крест находится в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, датируется XVI в.³⁰

В результате спасательных археологических раскопок Хлыновского кремля прослежена стратиграфия его южной части и обнаружены остатки оборонительных укреплений в виде остатков вала и внутривальных конструкций в виде бревенчатых стенок, образующих своеобразные ячейки и призванные предохранять вал от осыпания. Эта находка имеет большое значение для восстановления древней планировки города, изучения особенностей его фортификации и в целом его прошлого. Собрана достаточно представительная коллекция фрагментов керамической посуды

²⁶ Кряжевских А. Л. Результаты археологических исследований в Кирове 2009–2011 г. // Вятский исторический сборник 2014 года. Киров, 2014. С. 118.

²⁷ Кряжевских А. Л., Перевощиков С. Е. Итоги археологических исследований Хлыновского Кремля XIV–XVIII веков // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 628–630.

²⁸ Матвеев Р. В. Отчет об археологических разведках на территории г. Кирова и г. Слободского Слободского района Кировской области, а также об археологических раскопках на территории Хлыновского кремля г. Кирова за 2015 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2016.

²⁹ Кайсин А. О., Глазырина М. К., Девятова К. А. Находки меднолитейной пластики на территории города Кирова // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: в 2 т. Омск; Сургут, 2021. Т. 1. С. 124.

³⁰ Гнүтова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000. № 23.

XVIII–XX вв. Кроме этого найдены фрагменты железных изделий, фаянсовой и фарфоровой посуды, стеклянных сосудов, частей и целых экземпляров бытовых предметов.

В 2019 г. на территории Хлыновского кремля под руководством А. И. Фахретдинова проводились спасательные археологические работы на участках культурного слоя, попадающих в зону хозяйственного освоения при реализации проекта «Реконструкция газопровода для жилых домов по ул. Московская 1, 2, 1а, 1б; пр. Динамовский, 14, 12, 10, 8, 14/3; ул. Набережная Грина, 15, 17, 19, 21, г. Киров». Заложено три раскопа.

Первый раскоп площадью 45 кв. м располагался в 12 м к северу от дома № 1Б на ул. Московской. На значительной площади прослежен участок северо-восточной части фундамента Троицкого кафедрального собора XVIII в. Он представлял собой забутовку, состоящую из кусков камня-известняка и (в существенно меньшем количестве) битого кирпича, залитых известковым раствором. На эту забутовку опирались стены собора, выполненные из красного кирпича. Сохранность фундамента в разных его частях была различной, что объясняется неравномерностью работ по его демонтажу в 1930-е гг. Кроме того, в результате раскопок обнаружен фрагмент стены собора с сохранившейся штукатуркой, несколько железных связей стен, фрагменты кованой железной ограды собора. Внутри забутовки в известковом растворе найден кованый топор с топорищем, очевидно, утерянный в ходе строительства собора в XVIII в. Также найдены фрагменты двух человеческих челюстей, которые можно связать с разрушенными погребениями при Троицком соборе постройки XVII или XVIII в.

Раскоп № 2 площадью 10 кв. м был разбит в 20 м к западу от стены северной части дома № 1 на ул. Московской. В нем зафиксированы лишь различные прослойки строительного мусора и действующая газовая труба. Но при этом в северо-западной части раскопа прослежен участок дореволюционной кирпичной кладки, который можно связать с сооружением, очевидно, входящим в комплекс построек Богоявленского собора 1698–1710 гг. постройки. На имеющихся планах это строение не отмечено.

Раскоп № 3 площадью 14 кв. м был разбит в 10 м к северо-западу от северной части дома № 1 на ул. Московской. В западной половине раскопа сразу после снятия дерна начал фиксироваться участок фундамента Богоявленского собора, который полностью оформился на глубине 1 м от уровня дневной поверхности. Фундамент, прослеженный в раскопе, представляет собой крупные глыбы камня-известняка, некоторые из которых скреплены между собой известковым раствором. На эти камни опираются стены из красного кирпича, участок которых также изучен в раскопе. Исходя из сохранившихся данных о планировке собора, в ходе раскопок зафиксирован восточный край его фундамента и часть алтаря. В процессе проведения работ также было обнаружено три целых погребения и большое количество переотложенных человеческих костей. Исходя из особенностей расположения погребений, можно сделать вывод об их принадлежности к кладбищу именно Богоявленского собора 1698–1710 гг. постройки, а не более ранней церкви, располагавшейся на этом месте.

Во дворе дома № 1Б на ул. Московской был прослежен участок фундамента северного пристроя к Троицкому кафедральному собору 1760–1772 гг. постройки. Еще в нескольких прямках к северу от этого дома зафиксированы слои, связанные с разрушением собора в 1930-х гг.

В двух прямках вблизи дома № 14а на ул. Динамовский пр. работы перешли в режим археологических раскопок. На первом из таких прямков мощность исследованного культурного слоя составила 1,4–1,8 м. Площадь раскопа составила около 3 кв. м. В ходе работ был исследован деревянный настил, состоящий из круглых бревен диаметром 8–12 см, плотно прилегающих друг к другу. По предположению авторов работ, это остатки внутриусадебной мостовой XVI–XVII вв. Культурный слой в прямке был насыщен водой, вследствие чего в нем хорошо сохранялись предметы из органики: дерева, кожи, бересты, кости. Обнаружено несколько фрагментов кожаной обуви и фрагмент плетеной обуви типа лаптей.

Во втором прямке мощность исследованного культурного слоя составила в среднем 50 см, с учетом сооружений — до 1 м. Изученная площадь составила около 5,5 кв. м. В прямке был

прослежен участок кирпичной кладки, выполненной из крупных фрагментов дореволюционного кирпича на известковом растворе. Обнаруженный участок стены является частью существовавшего в XIX в. кирпичного ограждения территории вокруг Троицкого Кафедрального собора 1760–1772 гг. постройки. В ходе проведения археологических наблюдений была получена достаточно представительная коллекция керамики, железных изделий, частей и целых экземпляров бытовых предметов. Значительный интерес представляет каменное пушечное ядро, стеклянная бусина, каменное пряслице, глиняное рыболовное грузило, бронзовая пуговица-гирька от кафтана³¹.

Обобщенные данные археологических работ на территории Хлыновского кремля с 1935 по 2019 гг. представлены на карте (см. цв. вклейку, рис. 18). Здесь указана локализация всех видов археологических земляных работ.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПЛАНЫ

Хлыновский кремль на протяжении XX — начала XXI вв. подвергался археологическим исследованиям, которые носили несистемный характер. За годы его изучения было вскрыто около 500 кв. м. Коллекции находок хранятся в Вятском государственном университете, Удмуртском государственном университете, Кировском областном краеведческом музее. В 2013 г. территория Хлыновского кремля была включена в список выявленных объектов культурного наследия. В дальнейшем планируется ввести в научный оборот все археологические коллекции. Полученные данные будут включены в обобщающий труд, посвященный трансформации древнерусского и средневекового населения русских земель в XIV–XVII вв. В дальнейшем будет проведено исследование, связанное как с физической антропологией жителей, так и с исторической демографией г. Хлынова. На основе коллекции костных останков планируется провести графическую и скульптурную реконструкцию (по методу Герасимова) антропологического облика жителей Хлынова XVI–XVIII вв.

REFERENCES

Drevnyaya Rus. Gorod, zamok, selo [Ancient Rus'. City, castle, village]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (in Russ.).

Emmausky A. V. [Culture of the Vyatka region of the 17th century]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka land]. Kirov, b. i., 1995, vol. 4 pp. 70–71. (in Russ.).

Gnutova S. V., Zotova Ye. Ya. *Kresty, ikony, skladni. Mednoe khudozhestvennoe lite XI — nachala XX veka iz sobraniya Tsentralnogo muzeya drevnerusskoy kultury i iskusstva imeni Andrey Rubleva* [Crosses, icons, folds. Copper art casting of the 11th — early 20th century from the collection of the Central Museum of Ancient Russian Culture and Art named after Andrei Rublev]. Moscow: Interbuk-biznes Publ., 2000. (in Russ.).

Gussakovskiy L. P. [From the history of Russian Vyatka]. *Yevropeyskiy Sever v kulturno-istoricheskom protsesse: (k 625-letiyu goroda Kirova): materialy Mezhdunar. konf.* [European North in the cultural and historical process: (to the 625th anniversary of the city of Kirov). Materials of Inter. Conf.]. Kirov: b. i., 1999, pp. 32–40. (in Russ.).

Kaisin A. O., Glazyrina M. K., Devyatova K. A. [Finds of copper-casting plastics on the territory of the city of Kirov]. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii* [Culture of Russians in archaeological research: archaeology of the North of Russia]. Omsk; Surgut: Institut arkheologii Severa Publ., 2021, vol. 1, pp. 123–131. (in Russ.).

Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K. [Database of archaeological works in Kirov: a platform for the creation of a protected archaeological zone]. *Aktualnaya arkheologiya 5: materialy Mezhdunar. nauch. konf. mol. uchenykh* [Actual Archaeology 5: Materials of the International Conference of Young scientists]. St. Petersburg: Izd-vo OOO «Nevskaya Tipografiya» Publ., 2020, pp. 71–77. (in Russ.).

³¹ Кражевских А. Л. Археологические исследования на территории Хлыновского кремля в г. Кирове в 2019 г. // Археологические открытия Кировской области — 2019. Киров, 2021. С. 4–9.

Kryazhevskikh A. L. [Archaeological research on the territory of the Khlynov Kremlin in Kirov in 2019]. *Arkheologicheskie otkrytiya Kirovskoy oblas — 2019* [Archaeological discoveries of the Kirov region — 2019]. Kirov: VyatGU Publ., 2021, pp. 4–9. (in Russ.).

Kryazhevskikh A. L. [Archaeological study of the Kirov region in the 1950s]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2009, no. 3 (1), pp. 56–63. (in Russ.).

Kryazhevskikh A. L. [Defensive fortifications of the city of Khlynov (Vyatka) in the 17th century]. *Kamskiy torgovyy put: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf.* [Kama Trade Route: Materials All-Russian. Sci.-Pract. Conf.]. Elabuga: Izd-vo Yelabuzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta Publ., 2008, pp. 110–113. (in Russ.).

Kryazhevskikh A. L. [Results of archaeological research in Kirov in 2009–2011]. *Vyatskiy istoricheskiy sbornik 2014 goda* [Vyatka historical collection of 2014]. Kirov: b. i., 2014, pp. 113–122. (in Russ.).

Kryazhevskikh A. L., Perevoshchikov S. E. [Results of archaeological research of the Khlynov Kremlin of the 14–18th centuries]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo Publ., 2014, pp. 628–630. (in Russ.).

Makarov L. D. [History of the archaeological study of the city of Vyatka (Khlynov)]. *Yevropeyskiy Sever v kulturno-istoricheskom protsesse: (k 625-letiyu goroda Kirova): materialy Mezhdunar. konf.* [European North in the cultural and historical process: (to the 625th anniversary of the city of Kirov). Materials of Inter. Conf.]. Kirov: b. i., pp. 48–58. (in Russ.).

Makarov L. D. [Research in the city of Kirov and in the Kostroma region] *Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzhya* [Archaeological discoveries of the Urals and the Volga region]. Izhevsk: UdmIIYaL Publ., 1991, pp. 44–46. (in Russ.).

Makarov L. D. [Russian archaeological sites in the materials of the Kama-Vyatka expedition of the Udmurt University: a chronicle of research]. *Issledovatel'skie traditsii v arkheologii Prikamya* [Research traditions in the archaeology of the Kama region]. Izhevsk: UdGU Publ., 2002, pp. 128–228. (in Russ.).

Makarov L. D. *Drevnerusskoe naselenie Prikamya v X–XV vv.* [The Old Russian population of the Kama region in the 10–15th centuries]. Izhevsk: Udmurstkii universitet Publ., 2001. (in Russ.).

Spitsyn A. A. [Catalogue of antiquities of the Vyatka Region]. *Izbrannye trudy po istorii Vyatki* [Selected works on the history of Vyatka]. Kirov: O-Kratkoe Publ., 2011. (in Russ.).

Tinskiy A. G. *Planirovka i zastroyka goroda Vyatki v XVII–XIX vekakh* [Planning and development of the city of Vyatka in the 17–19th centuries]. Kirov: Volgo-vyatskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1976. (in Russ.).

Zakharov S. D. [The excavations of L. P. Gussakovskiy in the Khlynov Kremlin]. *Yevropeyskiy Sever v kulturno-istoricheskom protsesse: (k 625-letiyu goroda Kirova): materialy Mezhdunar. konf.* [European North in the cultural and historical process: (to the 625th anniversary of the city of Kirov). Materials of Inter. Conf.]. Kirov: b. i., 1999, p. 41. (in Russ.).

Zhilina M. V. [Leather footwear of the 15–16th centuries based on materials from excavations in the Khlynov Kremlin (1956–1958)]. *Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya shkola v Bolgare: sb. materialov konf. «Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii: dostizheniya i vyzovy»* [International archaeological workshop in Bolgar: collection of material of conf. Interdisciplinary Research in Archaeology: Achievements and Challenges]. Kazan: Izdatelskiy dom «Kazanskaya nedvizhimost» Publ., 2017, pp. 88–93. (in Russ.).

УДК 913(=511.152)7/12"

Пушкова Анастасия Андреевна

инженер-исследователь, научно-исследовательская археологическая лаборатория, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0002-7828-4758\$

E-mail: anas.naya24@gmail.com

География расселения мордвы в Окско-Сурско-Цнинском междуречье VIII — первой половине XIII вв.*

АННОТАЦИЯ. В современной археологической науке картографический метод становится все более популярным у исследователей. Картографирование позволяет выделять территориальные особенности памятников, проследить миграционные волны, демографические процессы и др. Исследование направлено на анализ динамики расселения древнемордовского населения в VIII — первой половине XIII вв. на основе археологических материалов. Известные на сегодняшний день памятники археологии были внесены в систему данных с помощью программы SAS. Планета, а позже визуализированы с помощью свободной геоинформационной платформы QGIS 3.16.9. в виде карт. В исследуемую территорию вошли основные регионы проживания мордвы, а это — Тамбовская (Моршанский, Тамбовский районы), Пензенская (Шемышейский, Бессоновский, Наровчатский, Вадинский, Заметчинский, Сосновский районы), Нижегородская (Дивеевский, Ардатовский, Богородский, Шатский, Арзамасский районы) области и Республика Мордовия (Темниковский, Краснослободский, Атюрьевский, Zubovo-Полянский, Торбеевский, Ельниковский, Ковылкинский районы). Удалось создать первую электронную базу археологических памятников мордвы VIII–XIII вв. и с ее помощью в полной мере проследить движение народа, которое было связано с теми или иными политическими процессами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археология, мордва, р. Мокша, р. Цна, Вад, Сура, Ока, междуречье, границы расселения, эпоха Средневековья, система расселения, ГИС

* Работа выполнена в рамках проекта «Культурный код россиянина» программы развития ФГБОУ «ВятГУ» «Приоритет_2030».

Для цитирования: Пушкова А. А. География расселения мордвы в Окско-Сурско-Цнинском междуречье VIII — первой половине XIII вв. // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 93–99.

УДК 913(=511.152)“7/12”

Anastasia A. Pushkova

research engineer at the Scientific Research archaeological laboratory, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0002-7828-4758\$

E-mail: anas.naya24@gmail.com

**Settlement geography of the Mordvins in the Oka-Sura-Tsna interfluve
of the 8th — first half of the 13th centuries**

ABSTRACT. In modern archaeological science, the cartographic method is becoming increasingly popular among researchers. Mapping makes it possible to identify the territorial features of archaeological sites, trace migration waves, demographic processes, etc. The research aims at analyzing the dynamics of the settlement of the ancient Mordovian population in the 8th — first half of the 13th centuries on the basis of archaeological materials. The currently known archaeological sites were entered into the data system using SAS.Planet, and then visualized using the free geoinformation platform QGIS 3.16.9. in the form of maps. The study area includes the main regions of Mordovia, and these are the Tambov (Morshansky, Tambov districts), Penza (Shemysheysky, Bessonovsky, Narovchatsky, Vadinsky, Zametchinsky, Sosnovsky districts), Nizhny Novgorod (Diveevsky, Ardatovsky, Bogorodsky, Shatsky, Arzamas districts) regions and the Republic of Mordovia (Temnikovsky, Krasnoslobodsky, Atyrau, Zubovo–Polyansky, Torbeevsky, Yelnikovsky, Kovylninsky districts). The research resulted in the first electronic database of archaeological monuments of Mordovia of the 8–13th centuries which allowed the author to trace the movement of the people associated with certain political processes.

KEYWORDS: archaeology, Mordvins, Moksha river, Tsna river, Vad river, Sura river, Oka river, interfluve, settlement boundaries, Middle Ages, settlement system, GIS

For citation: Pushkova A. A. Settlement geography of the Mordvins in the Oka-Sura-Tsna interfluve of the 8th — first half of the 13th centuries // Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 93–99.

Картографический метод в археологии становится все более популярным у исследователей. Он позволяет определить историческую динамику древнего населения той или иной территории, выделять «маркирующие» предметы для определенного населения из общей области их распространения. При помощи картографирования можно выделять территориальные типы определенных украшений или захоронения с животными. И это лишь небольшая доля потенциала картографического метода.

При подготовке к работе была собрана информация по использованию современных ГИС-технологий и цифровизации в археологии на примере Новгорода и Старой Руссы¹; изучен опыт Института археологии РАН при создании геоинформационной системы «Археологические памятники России»². Исследована уже созданная база данных по г. Кирову, размещенная на отдельном портале на основе Яндекс.Карт (авторы: Р. В. Марков, Д. В. Чупраков, А. О. Кайсин, А. М. Борисова, М. К. Глазырина) и в свободной платформе QGIS³.

Известные на сегодняшний день памятники археологии, оставленные древнемордовским населением в VIII — первой половине XIII вв., были внесены в систему данных с помощью программы SAS.Планета, а позже разбиты на два хронологических периода (VIII — первая половина XI в. и XI—XIII вв.) и визуализированы с помощью свободной геоинформационной платформы QGIS 3.16.9. в виде карт. Анализ памятников археологии по периодам дает возможность оценить динамику расселения и демографических процессов, фиксируя три сценария: стабильность, рост или сокращение археологических памятников на протяжении VIII—XIII вв.

ПАМЯТНИКИ МОРДВЫ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI вв.

Ареалом распространения археологических памятников этого периода считается Окско-Сурско-Цнинское междуречье (см. цв. вклейку, рис. 19). На этой территории, начиная с III в. н. э., продолжают складываться две субкультуры — мокшанская и эрзянская. Они расселяются в притоках р. Ока — бассейнах рр. Тёша и Мокша с ее притоками рр. Цна и Вад. Небольшое число памятников отмечается в бассейне Верхней Суры.

Различие этих двух групп происходит по особенностям погребального обряда. Так, для мокши характерна ориентация покойников головой в южном направлении, для эрзи в северном⁴. Этноопределяющим признаком являются украшения, например, скульгамы — нагрудные застёжки с подвижной стержневидной иглой. А. Е. Алихова, при детальном изучении вещественного погребального комплекса мордвы, пришла к выводам, что для мордвы-мокши одним из характерных украшений являются лопастные скульгамы, которые у мордвы эрзи встречаются изредка и к XVII в. полностью вытесняются кольцевыми скульгами без лопастей⁵.

Полученные данные позволяют очертить ареалы субкультур: древнемокшанское население расселялось до р. Цны на западе в среднем ее течении. Археологические памятники мордвы-мокши довольно густо занимают бассейн Верхней и Средней Мокши вместе с ее притоками. Территория Верхнего и Среднего Примокшанья и Среднее Поценье в VIII — первой половине XI вв. являлась основным районом расселения мокшанского субэтноса.

¹ Петров М. И. ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1–2. С. 42–49; Торопова Е. В., Воронков Е. В. Модель распространения культурного слоя Старой Руссы // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2011. № 63. С. 66–70.

² Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Черников А. П., Ворошилов А. Н., Коробов Д. С. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 237. С. 7–19.

³ Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны // Актуальная археология 5: материалы междунар. конф. мол. ученых. СПб., 2020. С. 71–77.

⁴ Самсонова А. А., Лебедева Д. В. Сравнительная характеристика мордовского и марийского погребальных обрядов IX–XI вв. // III Урало-Поволжская археол. конф. студентов и мол. ученых (УПАСК, 5–9 февр. 2020 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспирантов, мол. ученых. Пермь, 2020. С. 303.

⁵ Алихова А. Е. Из истории мордвы конца 1-го — начала 2-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 39–40.

К мокшанским археологическим памятникам VIII — первой половины XI вв. относятся Пурдошанский 2, Стародевиченский, «Мещанский лес», Старозубарёвский, Мордовско-Козловский, Степановский, Шалинский, «Красный Восток», 2-й Журавкинский, «Заря», Кельгининский, 1–2-й Старобадиковский, Куликовский, Луговской, Кармалейский, Пановский, Малоижморский, Елизавет-Михайловский, Томниковский, Давыдовский, Крюковско-Кужновский, Кулеватовский, Лядинский могильники, Кармалейское городище, селище Клюквенное 4⁶.

Расселение эрзи в основном происходило в междуречье Мокши и Тёши. Граница между двумя группами проходила, скорее всего, в среднем Примокшанье. Именно на этой территории выявлен наиболее южный могильник мордвы-эрзи — Тенишевский.

Расселение эрзи происходило и к северу, и к востоку от Потешья — в бассейнах рр. Серези, Пьяны, левобережном Посурье, от устья Оки до устья Суры.

К эрзянским могильникам относятся Выползово 1, Перемчалкинский, Стексовский 2, Личадево 5, Погибловский, Тенишевский, а также городища Саконы 1, 2, Фёдоровка 1 и селище Саконы 3⁷.

Как правило, и эрзянские, и мокшанские могильники размещаются по берегам небольших водотоков, в редких случаях на берегах болот, которые в древности были озерами. В исследуемых памятниках погребения совершались в грунтовые ямы, с определенной ориентировкой и формой погребальных сооружений. Чаще всего встречается подпрямоугольная форма с закругленными краями и прямыми отвесными стенками⁸. На дне ямы находилась лубяная подстилка (2-й Старобадиковский, 2-й Журавкинский, Пановский, Елизавет-Михайловский, Крюковско-Кужновский). Могильные ямы на поверхности не имели каких-либо отличительных знаков, но, по мнению И. М. Петербургского, возможно, что они существовали в момент погребения⁹.

Основным обрядом захоронения в мордовских могильниках второй половины VIII — первой половины XI в. является труположение. Умершие обычно лежат на спине в вытянутом положении. В 11 могильниках найдены погребения, совершенные по обряду трупосожжения. Наибольшее их количество фиксируется в погребальных памятниках на рр. Вад и Цна. Во 2-м Старобадиковском могильнике их доля составляет 14 %, а в цнинских могильниках X — первой половины XI в. достигает 16 %. В эрзянских погребальных памятниках на р. Тёша трупосожжения составляют единичные случаи. Кремация останков совершалась вне могильной ямы.

В могильных ямах VIII — первой половины XI вв. встречаются погребения с конскими захоронениями или конским снаряжением (2-й Журавкинский, Кельгининский, Елизавет-Михайловский, Лядинский, Стёксовский 2, Личадево 5)¹⁰. Хотя В. Н. Мартьянов считал, что конские захоронения до золотоордынского нашествия принадлежали только мордве-эрзи¹¹.

Поселения и их вещевой инвентарь исследованы слабо. К памятникам этого времени относятся только те поселения, на которых имеется типичный для мордвы комплекс лепной керамики и артефакты, хорошо датируемые в пределах указанного периода. Среди таких памятников выделяются городища, селища и святилище.

Городища располагаются либо на мысах первой и второй надпойменных террас, либо в овражных системах. Их площадки бывают подтреугольной, подтрапециевидной или неправильной в плане формы. С напольной стороны городища защищены валом, часто с проходом и рвом с его внешней стороны.

Толщина культурного слоя на исследованных городищах составляет от 0,1 до 1,2 м. Наиболее широкие раскопки были проведены на городище Фёдоровка 1. Здесь вскрыто 1 400 кв. м культурного слоя.

⁶ Беговаткин А. А. Археологическая карта России: Республика Мордовия. М., 2017.

⁷ Там же.

⁸ Петербургский И. М., Аксёнов В. Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск, 2008. С. 74.

⁹ Петербургский И. М. Вадская мордва VIII–XI вв. Саранск, 2006. С. 12.

¹⁰ Пронин А. С. Классификация конских погребений финнов среднего Поволжья VI–XIII вв. // Вестн. НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2019. Вып. 1 (49). С. 120.

¹¹ Мартьянов В. Н. Захоронения коней в могильниках левобережья р. Тёши в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 65.

Селища мордвы располагались на надпойменных террасах, на пологих склонах и коренных берегах рек, на останцах и дюнных всхолмлениях пойм, по берегам оврагов. Высота их над водой составляла 3–10 м. Средние размеры 100–150 x 30–100 м или 150–200 x 50–150 м. Встречаются и более крупные, и очень небольшие. Культурный слой обычно небольшой и его толщина колеблется от 0,1 до 0,4 м.

К поселениям мордвы второй половины VIII — первой половины XI вв. относят: Саконы 1–3, Ахуны, Васильевка, Степановка 1, Чемодановка, Зарека 1, Васькансад 1 и Усть-Узинское святилище.

ПАМЯТНИКИ МОРДВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI–XIII вв.

В следующем хронологическом периоде прекращают свое функционирование мокша-мордовские могильники на р. Цна. Единственный известный погребальный памятник, который располагается в бассейне этой реки, Сядемский могильник на р. Выша. Основная часть мокшанских памятников известна на рр. Вад и Мокша (Стародевиченский, Мордовско-Паркинский, Ефаевский, Куликовский, Черемисский, Кельгининский, Старобадиковский 1, Татаро-Лакинский могильники)¹².

Основным районом расселения мордвы-эрзи является бассейн р. Тёша («Пятница» 7, Личадеево V, Стексовский, Младший Кужендеевский, Погибловский, Сыресевский, Выползово 2, Выползово 6, Красное 1, Заречное 2, Коринский могильники)¹³. Исчезают памятники в низовьях Суры и на правобережье Волги.

По выделенным этнокритериям (женский головной убор с височной подвеской, лопастные сьюльгамы) в Окско-Сурско-Цнинском междуречье мордовские погребения второй половины XI — первой половины XIII вв. содержат 24 могильника. Они располагаются на мысах коренных берегов, останцах в пойме, на пологих склонах коренных берегов, на берегах оврагов. В бассейне р. Тёши отмечается их размещение на плато, в том числе в междуречье.

Все мордовские могильники этого периода — грунтовые. Могилы располагаются рядами. В некоторых могильниках содержатся отдельные (семейные) скопления погребений. В 1-м Старобадиковском могильнике мужские и женские захоронения расположены в разных частях кладбища. Могильные ямы в основном подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами с преобладающей глубиной 0,5–0,8 м. Основным обрядом средневековых мордовских могильников является трупоположение.

В пяти могильниках на р. Тёша (Стёксовский 2, Красное 1, Личадеево 5, Пятницы 7, Сыресевский 2) и одном могильнике на р. Вад (Кельгининский) найдены конские погребения. Захоронения коней на площади могильников — характерная черта мордовских погребальных памятников второй половины XI–XIII вв. Они чаще располагаются в общих рядах и иногда в промежутках между ними.

К рассматриваемому периоду относятся два типа поселений: городища и селища. Городища обычно были расположены на мысах коренных берегов и в овражных системах, часто в их верховьях. Площадки городищ бывают подтреугольной, подпрямоугольной, трапециевидной или неправильной в плане формы. С напольной части городища защищены валом и рвом с его внешней стороны. На ряде городищ прослеживается особая система укреплений: они имеют две или три площадки, основные площадки с напольной стороны укреплены двумя или тремя валами и соответствующим числом рвов. За этими укреплениями находится вторая и третья площадка, которая также защищена с напольной стороны валом и рвом.

Большинство мордовских городищ широко не раскапывалось. Культурный слой на исследованных городищах составляет 0,2–0,5 м, иногда отсутствует вовсе. Самые большие по масштабам раскопки были произведены на городище Саров (более 700 кв. м).

Мордовские селища располагаются обычно на склонах коренных берегов, надпойменных террас, на берегах оврагов, на пойменных останцах. Высота над водой 6–14 м или 4–16 м над дном оврагов. Средние размеры: 100–200 x 60–150 м. Культурный слой составляет 0,1–0,4 м.

¹² Вихляев В. И. Расселение мордвы в III — начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 167.

¹³ Там же.

Возрастает число эрзянских поселений (Саконы 2, Красная речка 1, Кожино 1, Верякуши 1, Личадеево 1, Салино 1, Выползово 4, Выползово 5, Ивановское 1–2, Стуклов 1–3, Саров, Б. Череватово, Круглые Паны 2, Рузаново 2, Федоровское)¹⁴. Число мокшанских поселений, по сравнению с предыдущим периодом, также возросло. К ним относятся: Новый Усад 2–3, Новый Усад 5, Мордовские Парки, Красная Поляна, Степановка 1-2, Новое Четово, Старая Пичеморга, Подлесная Ивановка, Жуковка 1–3, Выша 1–2¹⁵.

Можно заметить, что географическое расположение мордовских памятников второй половины XI–XIII вв. представляет существенные изменения в территории расселения по сравнению с VIII–XI вв. Обширные мокшанские могильники, известные на р. Цне с VIII в., прекращают функционирование в XI в. На рубеже XI–XII вв. мордва-мокша покидает бассейн Цны и уходит на восточные племенные территории по рр. Вад и Мокша. Мордовское население в заметном количестве сохранилось только в бассейнах восточных притоков р. Цна (Сядемский могильник). Не осталось мокшанских памятников и на Верхней Суре. Эта территория была занята немордовским населением.

Мордва-эрзя, проживавшая на пространстве правого берега Волги между устьями Оки и Суры, с X–XI вв. покидает эти земли и, очевидно, уходит в более безопасный район — бассейн реки Тёша. Все эти изменения происходили, прежде всего, вследствие причин политического характера. Цнинская мордва испытывала давление восточнославянских племен, верхнесурская мордва — южных кочевников. Нижнесурская мордва оказалась в зоне борьбы между Древней Русью и Волжской Болгарией. Основным районом проживания мордвы-мокши стало Вадско-Мокшанское между-речье, а мордва-эрзя сосредоточилась в бассейне р. Тёша¹⁶ (см. цв. вклейку, рис. 20).

На протяжении рассмотренного периода истории у мордовского народа наблюдается определенная динамика расселения. Сначала это было связано с хозяйственными потребностями, так как господствовали родоплеменные отношения. Во второй половине I тыс. н. э. изменения приобрели политический характер из-за возникновения государственных объединений (Хазарский Каганат, Волжская Болгария, Древняя Русь).

На примере созданной карты расселения древнемордовского населения данные, собранные с помощью географо-информационных систем и обобщенные в виде карт, позволяют решить многие фундаментальные задачи в археологии. Освоение территории региона, особенности расселения и хозяйствования в различные хронологические периоды — основные проблемные точки в локализации и развитии того или иного народа. На основе таких данных можно сделать вывод о характере пространственного расположения тех или иных видов памятников, а соответственно, применительно к Средневековью, о характеристиках тех или иных народов. Ввиду постоянного хозяйственного освоения земель такие карты могут ускорить процесс выявления памятников археологии и охранных зон или их отсутствие.

REFERENCES

Alikhova A. Ye. [From the history of the Mordvins of the end of 1st — beginning of 2nd millennium AD]. *Iz drevney i srednevekovoy istorii mordovskogo naroda* [From the ancient and medieval history of the Mordovian people]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1959, pp. 13–59. (In Russ.).

Begovatkin A. A. *Arkheologicheskaya karta Rossii: Respublika Mordoviya* [Archaeological map of Russia: Republic of Mordovia]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 2017. (in Russ.).

Vikhlyaev V. I. [Settling of the mordvians in the IIIrd — the early XIIIth centuries]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2013, no. 2 (4), pp. 162–170. (In Russ.).

Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K. [Database of archaeological works in Kirov: a platform for the creation of a protected archaeological zone]. *Aktualnaya arkheologiya 5: materialy Mezhdunar.*

¹⁴ Шитов В. Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 53–56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вихляев В. И. Указ. соч. С. 169.

nauch. konf. mol. uchenykh [Actual Archaeology 5: Materials of the International Conference of Young scientists]. St. Petersburg: Izd-vo OOO «Nevskaya Tipografiya» Publ., 2020, pp. 71–77. (in Russ.).

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N., Chernikov A. P. [Geo-information system “archaeological sites of Russia”: methodic approaches for its elaboration and the first results obtained]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 2015, no. 237, pp. 7–19. (in Russ.).

Martyanov V. N. [Horse burials in the burial grounds of the left bank of the Tesha River at the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Oksko-Surskom mezhdureche* [Archaeological research in the Oka-Sura interfluve]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1992, iss. 107, pp. 53–68. (in Russ.).

Peterburgskiy I. M., Aksyonov V. N. *Drevnie pamyatniki na reke Lyacha* [Ancient sites on the Lyacha River]. Saransk: Krasnyy Oktyabr Publ., 2008. (in Russ.).

Peterburgskiy I. M. *Vadskaya mordva VIII–XI vv.* [Vadsk mordvins 8–9th centuries]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. (in Russ.).

Petrov M. I. [GIS “Medieval Novgorod”: contents, methods, results]. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* [Historical Information Science Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education], 2015, no. 1–2, pp. 42–49. (in Russ.).

Pronin A. S. [The Classification of Horse Burials of the Finns of the VI — XIII Centuries in the Middle Volga Region]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2019, no. 1 (49), pp. 120–135. (in Russ.).

Samsonova A. A., Lebedeva D. V. [Comparative characteristics of the Mordovian and Mari funeral rites of the 9–11th centuries]. *LII Uralo-Povolzhskaya arkheol. konf. studentov i mol. uchenykh (UPASK, 5–9 fevr. 2020 g.)* [LII Ural-Volga Archaeological Conf. of Students and Young Scientists (UPASK, February 5–9, 2020)]. Perm: b. i., 2020, pp. 303–305. (in Russ.).

Toropova E. V., Voronkov E. V. [The model of distribution and thickness of the cultural layer of Staraya Russa]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], 2011, no. 63, pp. 66–70. (in Russ.).

Shitov V. N. [Settlement of the ancient Mordvins (based on the materials of funerary monuments)]. *Finno-ugorskiy mir: istoriya i sovremennost* [Finno-Ugric world: history and modernity]. Saransk: b. i., 2000, pp. 52–60. (in Russ.).

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(470.5)''17/19'':930.25

Кашаева Юлия Анатольевна

к.и.н., доцент кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; заместитель директора (по науке), Государственный архив Пермского края (Россия, Пермь)

ORCID: 0000-0002-0102-3373

E-mail: jkashaeva@mail.ru

Картографическое наследие XVIII–XX вв. в хранилищах Пермского края (характеристика, формирование, использование)

АННОТАЦИЯ. В статье дается характеристика хранилищ картографических источников Пермского края — архивов, музеев и библиотек. Изучаются вопросы комплектования картографических фондов, источники описываются по тематическому составу, хронологическим рамкам, технике исполнения. Раскрывается история картографического архива Ивана Яковлевича Кривошекова, уральского географа и картографа конца XIX — начала XX в., включающего документы на территории Пермской губернии и в незначительном количестве — России. Переданный в 1918 г. в библиотеку Пермского государственного университета архив в дальнейшем был разделен по трем хранилищам, к сожалению, в полном объеме не сохранился. В 2017 г. карты и планы из архива И. Я. Кривошекова были оцифрованы и стали общедоступными на сайте проекта «Сохранение, изучение и популяризация наследия картографов Урала середины XVIII — начала XX вв.». В статье особое внимание уделяется использованию карт и планов в цифровых проектах российских исследователей, направленных на расширение доступа к документам. Представлена выставочная деятельность музеев, архивов и библиотек, в том числе и в виртуальном пространстве. Издательская деятельность учреждений-хранителей в силу ряда причин, прежде всего отсутствия финансовых и кадровых ресурсов, является редкой практикой. Более детально рассматривается состав картографических коллекций крупных хранилищ — Государственного архива Пермского края и Пермского краеведческого музея. Определены перспективы дальнейшего введения в научный оборот картографических источников из фондов учреждений Пермского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: картография, межевание, хранилища, историко-культурное наследие, карта, И. Я. Кривошеков

SOURCES

УДК 94(470.5)''17/19'':930.25

Yulia A. Kashaeva

Candidate of Historical Sciences, Perm National Research Polytechnic University; State Archive of Perm Krai (Russia, Perm)

ORCID: 0000-0002-0102-3373

E-mail: jkashaeva@mail.ru

Cartographic heritage of the 18–20th centuries in the repositories of the Perm Region (characteristics, formation, use)

ABSTRACT. The article gives a description of the repositories of cartographic sources of the Perm region — archives, museums and libraries. The issues of acquisition of cartographic funds are studied, the sources are described by thematic composition, chronological framework, technique of execution. The history of the cartographic archive of Ivan Yakovlevich Krivoshchekov, a Ural geographer and cartographer of the late 19th — early 20th centuries, is revealed, which includes documents on the territory of the Perm province and, in a small amount, Russia. Transferred in 1918 to the library of the Perm State University, the archive was subsequently divided into three repositories and, unfortunately, has not been preserved in full. In 2017, the preserved maps and plans from I. Ya. Krivoshchekov's archive was digitized and became publicly available on the website of the project "Preservation, study and popularization of the heritage of the Ural cartographers of the mid-18th — early 20th centuries". The article focuses on the use of maps and plans in digital projects of Russian researchers aimed at empowering users to gain access to documents. The exhibition activity of museums, archives and libraries, including that in virtual space, is presented. The publishing activity of custodian institutions is a rare practice due to a number of reasons, primarily the lack of financial and human resources. The composition of the cartographic collections of large repositories — the State Archives of the Perm Territory and the Perm Museum of Local Lore — is considered in more detail. The article defines the prospects for further introduction into scientific circulation of cartographic sources from the funds of institutions in the Perm region.

KEYWORDS: cartography, surveying, storages, historical and cultural heritage, map, I. Y. Krivoshchekov

Картографические материалы имеют значимый потенциал для теоретических и прикладных работ в гуманитарных и междисциплинарных исследованиях. Актуальным направлением цифровой гуманитаристики, ресурсом для проведения научных исследований является обеспечение открытого доступа к картографическим источникам, размещение тематических подборок историко-географических карт в интернет-пространстве. Введение в научный оборот картографических источников связано с реализацией ряда цифровых проектов. Один из таких проектов — геоинформационная система Российского государственного архива древних актов «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.»¹, открытая в 2017 г.² Другой цифровой проект — «Сохранение, изучение и популяризация наследия картографов Урала середины XVIII — начала XX вв.»³, реализованный при поддержке Русского географического общества ГИС-центром Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ)⁴ в 2017 г. В цифровом формате на веб-сайте размещена картографическая коллекция уральского географа И. Я. Кривошекова. Во время реализации проекта были изучены картографические материалы целого ряда хранилищ Урала — Государственного архива Пермского края, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива в г. Шадринске, Пермского краеведческого музея, Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера, Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского, Фундаментальной библиотеки Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), Научной библиотеки ПГНИУ, Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка.

Исследователи в отдельных работах описывали картографические собрания, хранящиеся в учреждениях культуры и архивах. Формирование, систематизация, каталогизация и популяризация крупнейшего в России собрания карт и атласов — коллекции Российской государственной библиотеки (РГБ) — рассмотрены Л. Н. Зинчук⁵, а вопросы обеспечения веб-доступа к этой коллекции — М. А. Голяшевой⁶. М. С. Корниенко раскрыла сюжеты формирования картографической коллекции Курганского областного краеведческого музея, описала наиболее интересные экспонаты⁷. В ряде статей представлены картографические коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника⁸, Государственного архива Алтайского края⁹, Библиотеки Российской академии наук¹⁰ и других¹¹.

Отдельная история связана с публикацией каталогов картографических источников. Один из наиболее известных — это каталог В. С. Кусова «Московское государство XVI — начала XVIII века:

¹ Веб-ГИС «Чертежи русского государства XVI–XVII вв.». URL: <http://rgada.info/geos2/> (дата обращения: 24.12.2021).

² Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Веб-ГИС «Чертежи русского государства XVI–XVII вв.» (<http://rgada.info/geos2/>) // Историческая информатика. 2017. № 1 (19). С. 75–84.

³ О проекте «Сохранение, изучение и популяризация наследия картографов Урала середины XVIII — начала XX века» // Наследие картографов Урала. URL: <http://heritage.maps.psu.ru/> (дата обращения: 24.12.2021).

⁴ Смирнов Н. И., Абдуллин Р. К., Кашаева Ю. А., Фотеева П. С. Разработка информационного веб-ресурса «Наследие картографов Урала середины XVIII — начала XX вв.» // Географический вестник. 2018. № 3 (46). С. 115–126; Кашаева Ю. А., Пьянков С. В. О проекте «Сохранение, изучение и популяризация наследия картографов Урала середины XVIII — начала XX вв.» // От карты прошлого — к карте будущего. Пермь, 2017. Т. 3. С. 46–55.

⁵ Зинчук Л. Н. Картографическая коллекция Российской государственной библиотеки // Геопрофи. 2007. № 6. С. 4–8.

⁶ Голяшева М. А. Обеспечение WEB-доступа к картографической коллекции Российской государственной библиотеки // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2013. Т. 19. С. 154–157.

⁷ Корниенко М. В. Картографические источники XIX–XX веков в фондах Курганского краеведческого музея // Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2015. С. 176–179.

⁸ Роцевская Л. П., Коновалова Е. Н., Загороднюк Н. И. Картографические документы XVII — начала XX в. в коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: история собирания и современное состояние // Отечественные архивы. 2016. № 6. С. 29–35.

⁹ Хорохордин Г. С. Картографическая коллекция печатных карт Сибири конца XIX — начала XX вв. Государственного архива Алтайского края // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 1. С. 46–50.

¹⁰ Красникова О. А. Как складывалось картографическое собрание Библиотеки Российской академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 57–59.

¹¹ Яковлев В. О. Русские географические чертежи XVII века в фондах архивов и библиотек Санкт-Петербурга // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1 (29). С. 24–44.

сводный каталог русских географических чертежей»¹². Из региональных проектов особого внимания заслуживает проект исследователей из Новосибирского государственного педагогического университета. В составленный в 2019 г. каталог вошли библиографические и научные описания рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII — начала XX в. из архивов, библиотек и музеев России¹³. Вышел ряд публикаций О. Н. Катионова и других участников проекта¹⁴.

Кроме этого, еще одной формой представления картографических документов является издание каталогов выставок. Среди них можно выделить каталог выставки РГБ «Объединяя пространство и время», в который вошли и несколько современных карт, составленных пермскими специалистами: 1) Атлас опасных гидрометеорологических явлений Уральского Прикамья / Пермский гос. нац. исследовательский университет; д-р геогр. наук С. В. Пьянков, ассистент Р. К. Абдуллин, канд. геогр. наук А. Н. Шихов. — Масштабы разные. — Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский университет, 2016; 2) Административно-территориальное деление Пермского края / Н. В. Бажукова, Е. С. Киселева, А. Н. Ташкинова, Е. С. Черепанова. — 1:800 000. Пермь: МИП «ЦКТиУ», 2016; 3) Физическая карта Пермского края / Н. В. Бажукова, Е. С. Киселева, А. Н. Ташкинова, Е. С. Черепанова. — 1:800 000. Пермь: МИП «ЦКТиУ», 2016¹⁵.

Изучение пермских картографических коллекций началось в 1960-е гг., когда был опубликован каталог Ю. Власова¹⁶. Особое место принадлежит коллекции карт и планов уральского картографа, уроженца г. Кудымкара И. Я. Кривошекова, представленной в нескольких хранилищах Пермского края. Его наследие активно изучалось Б. В. Вишневым и другими¹⁷. Целый ряд обзоров картографических коллекций в пермских хранилищах был подготовлен к международной конференции «От карты прошлого — к карте будущего», проходившей 28–30 ноября 2017 г. в Перми и Кудымкаре¹⁸.

Целью настоящего исследования является обзор картографических материалов в хранилищах Пермского края — их характеристика по составу источников (по содержанию, технике исполнения), истории формирования коллекций, их использование и доступность. Основными хранилищами картографических документов Пермского края являются музеи и архивы, в меньшей степени — библиотеки:

1) государственные и муниципальные архивы — Государственный архив Пермского края (ГАПК), Коми-Пермяцкий окружной государственный архив, муниципальные архивы;

2) музеи — Пермский краеведческий музей, Музей истории Пермского университета, Ильинский, Чердынский, Соликамский, Лысьвенский, Кунгурский, Добрянский краеведческие

¹² Кусов В. С. Земли большой Москвы: картографические произведения XVII–XVIII столетий. М., 2008; Он же. Московское государство XVI — начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.

¹³ Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего востока XVII — начала XX в. Новосибирск, 2019.

¹⁴ Катионов О. Н., Смагин Р. Ю., Воронина А. А. Рукописные карты Сибири XVIII — начала XX в. в архивах, музеях и библиотеках России // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 53–56.

¹⁵ Объединяя пространство и время: каталог выставки: в рамках Всероссийской научной конференции «Международный год карт в России». Москва, 25–28 октября 2016 г. / сост. Л. Н. Зинчук, Л. В. Шульга. М., 2016.

¹⁶ Карты и планы Пермской губернии: (в пределах современных границ Пермской области): аннотированный сводный каталог / сост. Ю. А. Власов. Пермь, 1966.

¹⁷ Вишневский Б. Н. Географ-краевед И. Я. Кривошеков. Пермь, 1961; Кашаева Ю. А. Картографическая коллекция И. Я. Кривошекова в фундаментальной библиотеке Пермского государственного педагогического университета // Университет и библиотека. Вместе 90 лет: сб. материалов регион. науч.-метод. конф., г. Пермь, 21 сентября 2011 г. Пермь, 2012. С. 16–22.

¹⁸ Демина И. В. Обзор картографических документов в фондах Государственного архива Пермского края // От карты прошлого — к карте будущего. Т. 3. С. 39–43; Шпакова М. В. Карты и атласы XVIII–XIX веков в фонде Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького // Там же. С. 122–127; Мехоношин Д. А., Кашаева Ю. А. Размещение хранилищ картографических материалов на Урале // Там же. С. 85–91; Балыбердина П. А. Обзор планов города Перми, находящихся на хранении в ГКБУ «Государственный архив Пермского края» // Там же. С. 8–12; Баранова Т. В. Наследие И. Я. Кривошекова в Научной библиотеке Пермского государственного национального исследовательского университета // Там же. С. 13–18; Бузунова С. Г. Деятельность УОЛЕ — СОКМ по формированию и популяризации картографической коллекции // Там же. С. 19–28; Кашаева Ю. А. Коллекция «Карты и планы» Пермского краеведческого музея: характеристика, описание и перспективы использования // Там же. С. 58–65.

музеи, Березниковский историко-художественный музей, Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка;

3) библиотеки — Пермская краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького, Фундаментальная библиотека Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Наиболее крупным хранилищем картографических материалов (карты, планы, атласы, чертежи, схемы XVIII–XX вв.) в Пермском крае является ГАПК (более 20 тысяч единиц хранения). Картографические источники представлены разнообразными документами — планы заводских дач, межевые карты, карты генерального и специального межеваний, планы российских губерний, Пермской губернии и ее уездов, планы городов и селений, чертежи зданий, планы городских кварталов, землеустроительные планы, карты лесонасаждений и лесоустройства, топографические карты, атласы, диаграммы и многое другое. Формирование большого массива картографических документов в ГАПК обусловлено тем, что в архивные фонды поступили документы Пермской межевой комиссии, Пермской губернской чертежной, Пермской землеустроительной комиссий — основных институций, создававших картографические материалы. В составе фонда 279 «Коллекция планов, карт и чертежей, отложившихся в фондах губернской чертежной, межевой комиссии и Пермском земельно-устроительном отряде» (1675–1919 гг.), всего семь описей, 11 446 дел. Фонд поступил в архив в начале 1920-х гг., а затем продолжил пополняться за счет поступлений из других архивов и длительной научно-технической обработки документов в россыпи. В 1925 г. руководитель 1-й партии Уральского отделения Геологического комитета вернул четыре чертежа в Пермское окружное архивное бюро, «имеющих историческое и музейное значение». В 1948 г. после обработки фонд был принят на учет в составе 1 436 единиц хранения. Тюменский областной государственный архив в 1953 г. передал 39 карт, которые ранее хранились в фонде «Тюменско-Туринская поземельно-устроительная партия». Значительная работа по усовершенствованию описей и описанию коллекции проводилась в 1996–1997 гг. Фонд был очень востребован со стороны различных организаций, которые запрашивали для исследований и реализации проектов копирование картографических материалов: в 1920-е — 1930-е гг. — Уральский полевой округ Высшего геодезического управления, в 1950-е гг. — кафедра физической географии Молотовского государственного университета и отдел по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета Молотовского областного Совета депутатов трудящихся, в 1960-е — 1970-е гг. — творческая журналистская фотостудия «Кама», Уральский филиал Московского архитектурного института.

Дела фонда 716 «Архивная коллекция картографических документов» (1741–1919 гг.) долгое время находились в россыпи, вплоть до 1996 г., когда была проведена основная работа по научно-технической обработке документов. В 2000 г. было описано более одной тысячи документов. Сейчас фонд насчитывает пять описей, 8 030 дел. В фонде сохранились проекты строительнотехнического бюро А. Б. Турчевича. Картографические документы представлены главным образом на территорию Пермской губернии: карты железных и грунтовых дорог, почтовых трактов, водных путей сообщения, чертежи мостов, пристаней, каналов и плотин; планы заводских дач и горнозаводских округов, рудников и приисков, технические чертежи станков и оборудования, чертежи, планы, рисунки, эскизы различных зданий, планы городов, карты генерального межевания, землеустроительные и переселенческие планы, почвенные карты, планы, карты и чертежи лесничеств, корабельных рощ, лесных наделов сельских обществ и деревень, диаграммы лесосек и куренных вырубок и другие.

Картографические материалы советского периода представлены в фонде р-1746 «Архивная коллекция полиграфических документов» (1918–1971 гг.), включающем 841 единицу хранения.

Хотелось бы отметить, что ряд картографических документов хранится и в иных фондах архива. Карты заводских и лесных дач, спорных земельных владений представлены в форме отдельных архивных дел, что обеспечивает исследователям легкий и удобный поиск по электронному каталогу ГАПК¹⁹ или каталогу Единой государственной архивной информационной системы «Архивы

¹⁹ Каталог ГАПК. URL: <http://www.archive.perm.ru/catalog/index.php> (дата обращения: 24.12.2021).

Прикамья»²⁰. Архивный фонд 280 «Главное управление именными князя С. С. Абамелек-Лазарева (завод Чермозский Соликамского уезда Пермской губернии)» включает рукописные карты и планы, например, «План Веслянской дачи Чердынского уезда»²¹. Естественно, в фонде отложились и заводские планы, например, многокрасочный рукописный «План Чермозского завода с указанием размещения производственных механизмов и рисунками заводских зданий 1797 г.» (копия конца XVIII в.). На плане обозначены места постройки новых фабрик, вместо пришедших в негодность. Подлинный план «с действия снимал и сочинял» служитель И. Л. Лазарева Василий Вахрушев 22 декабря 1797 г. и был заверен подписью приказчика Семена Дьяконова²². Время поступления документов фонда 280 в архив неизвестно. В деле сохранился документ о том, что перевозка архива управления Чермозского металлургического завода в Пермское окружное архивное бюро планировалась на 1926 г., но дела так и не были перевезены из-за «отсутствия хорошей погоды». Фонд был обработан архивистами в 1938 г.

Фонд 176 «Главное управление заводами и имением наследников А. В. Всеволожского (завод Пожевский Соликамского уезда Пермской губернии)» содержит не только рукописные планы на пермское имение, но и на другие земли Всеволожских, например, «Геометрический план Московского уезда села Благовещенского и старого селения Богословского и прилежащимися к ним пустошами и пашенными землями, покосными, лесными и прочими угодьями владения В. А. Всеволожского» 1781 г.²³ Кроме этого, необходимо отметить, что дела фондов 176 и 280 включают картографические документы, которые вшиты в дела, и их поиск крайне затруднителен. В подавляющем большинстве они не выявлены и не описаны.

Архивные фонды органов власти также содержат картографические источники. В фонде 35 «Пермская городская управа (г. Пермь)» содержатся планы города Перми, отдельных кварталов, чертежи некоторых городских строений. В архивном фонде р-564 «Исполнительный комитет Пермского областного Совета народных депутатов (г. Пермь)» в делах, касающихся изменения административно-территориального деления Пермской области, имеются карты и планы, составленные в ходе объединения районов, изменения границ районов и сельских советов, передачи населенных пунктов из одного сельского совета в другой. В 2019 г. были рассекречены документы, вошедшие в опись 17 фонда р-564, — это комплексные схемы районной планировки Пермской области за 1955–1988 гг., в том числе о водных ресурсах, транспорте, полезных ископаемых, сельском хозяйстве, охране природы, расселении трудящихся и размещении объектов культурно-бытового обслуживания, застройке населенных пунктов, проекты планировок. В частности, рассекречены следующие документы: карта зон затопления в результате строительства Воткинской ГЭС, план г. Перми 1979 г., Проект детальной планировки микрорайона Южный в Перми 1988 г., генеральные планы городов Губаха 1988 г., Краснокамска 1984 г., Кунгура 1983 г., Соликамска 1973 г., Чердыни 1987 г.

Картографические документы достаточно часто встречаются в фондах личного происхождения. Архивный фонд 713 «Кузнецов А. И. — инженер-технолог» включает план губернского города Перми с отметкой о местонахождении усадьбы графа С. А. Строганова, планы Добрянского завода²⁴. В фонде также представлено несколько геологических карт разного времени. В фонде р-973 «Богословские: Павел Степанович (1890–1966) — заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Пермского государственного университета им. А. М. Горького, профессор, краевед; его брат, Иван Степанович (1893 — не ранее 1974) — заведующий кафедрой факультетской терапии лечебного факультета Пермского государственного медицинского института, профессор, доктор медицинских наук, краевед» хранятся карты Пермской губернии, планы

²⁰ Единая государственная архивная информационная система «Архивы Прикамья». URL: <https://archives.permkrai.ru/> (дата обращения: 24.12.2021).

²¹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1158.

²² Там же. Д. 145.

²³ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 55.

²⁴ ГАПК. Ф. 713. Оп. 1. Д. 78; 14; 19.

городов Перми 1926 г., Свердловска 1929 г., Архангельска 1928 г.²⁵ В фонд р-970 «Верхоланцев Владимир Степанович — географ, краевед» включены географические карты СССР²⁶.

Коми-Пермяцкий окружной государственный архив хранит более 50 картографических документов — это карты уроженца Кудымкара И. Я. Кривошекова XIX — начала XX в., карты и планы районов округа, лесонасаждений, лесничеств, лесхозов второй половины XX в.

В муниципальных архивах Пермского края картографические материалы представлены единично, как правило, поступали в состав фондов организаций (например, лесничеств) или фондов личного происхождения (наиболее часто встречаются карты боевого пути отдельных воинских частей периода Великой Отечественной войны, а также тиражные печатные карты Пермской губернии и уездов в подлинниках конца XIX — начала XX вв.). В 2000-е — 2010-е гг. в муниципальные архивы поступают схематические карты районов и населенных пунктов. В Архиве города Березники, в фонде 146 «Архивная коллекция документов по истории г. Березники (1908–2009)», хранится дело на семи листах «Карта-схема расположения археологических памятников в окрестностях города и поясняющая к ней справка» 1985 г.²⁷ В Архивном отделе администрации Лысьвенского городского округа, в архивной коллекции документов Кыновского железодельного завода хранятся — «Карта Кыновского округа Пермской губернии владения графа Сергея Александровича» 1885 г., «Геологическая карта Кыновского завода» 1928 г., «Карта-план расположения деревень в Кыновском районе» 1920 г.²⁸ В Архиве Соликамского городского округа, в фонде Комитета по архитектуре и градостроительству администрации г. Соликамска, представлены карты середины — второй половины XIX в.: Карта части Касибского сельского общества Соликамского уезда Пермской губернии 1854 г., Карта дачи села Касибского Соликамского уезда Пермской губернии 1894 г.²⁹

Музейные фонды, в отличие от архивных, формировались картографическими материалами более непредсказуемо. Во многом тематическое разнообразие картографических коллекций зависит от времени создания музея и города, более интересные карты представлены в фондах музеев исторических городов.

Вторым по величине в Пермском крае картографическим хранилищем выступает Пермский краеведческий музей (коллекция «Карты и планы» насчитывает около 3 тысяч единиц хранения). Формирование этой коллекции началось в годы деятельности Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания, открытой в 1890 г., а продолжилось в Пермском научно-промышленном музее (далее — Пермский музей). На части карт, планов и чертежей нанесены овалы с надписью «Библиотека Пермского Научно-промышленного музея. Отд. №__» с вписанными вручную названием коллекции («картогр.» или «карт.»), серии и номера (сейчас недействующие). С 1894 г. на документы, в том числе и карты, стал наноситься штамп «Пермский музей»³⁰. В начале XX в. карты упоминаются в опубликованных отчетах Пермского музея в составе разных коллекций, главным образом библиотеки и подвижного музея. Как правило, это данные о новых поступлениях в фонды музея, а также упоминания о регистрации предметов. «В 1903 г. наиболее обогатились в отчетном году отделы: исторический, горный и промышленный, зоологический и коллекция карт и фотографий»³¹. В 1909 г. в Подвижном музее по отделу географии были приобретены несколько карт: «Карта Европейской России, с изображением народов и их промыслов, разрезанная по уездам Карта Пермской губернии (пожертвована учителем Соликамского городского училища Киселевым), Большой глобус (цена — 10 руб., пожертвованный И. И. Петровским — 1 экземпляр)»³². 1 мая 1911 г. были составлены «регистрационные списки»,

²⁵ ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 1078; 1080; 1081.

²⁶ ГАПК. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 51.

²⁷ Архив города Березники. Ф. 146. Оп. 1. Д. 12.

²⁸ Архивный отдел администрации Лысьвенского городского округа. Ф. 98. Оп. 1. Д. 45; 46; 76.

²⁹ Архив Соликамского городского округа. Ф. 91. Оп. 1. Д. 316; 406.

³⁰ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 год. Пермь, 1902. С. 57.

³¹ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1903 год. Пермь, 1904. С. 13.

³² Краткий отчет за 1909 и 1910 г. / Пермский научно-промышленный музей. Пермь, 1912. С. 17.

в том числе на «Таблицы, карты, картограммы и диаграммы», куда было внесено 317 предметов³³. В отчете 1912 г. указывалось, что картографическая коллекция существует как подраздел исторического отдела, созданного три года назад. Значимость коллекции определялась как показывающая «историю развития картографии в крае, дополняя кроме того содержимым карт и планов: промышленную жизнь, историческое прошлое и т. д.»³⁴ В 1912 г. Подвижной музей располагал следующими географическими атласами, картами и планами: Карта губерний Европейской России, Карта средней полосы России, Карта Пермской губернии, Рельефная карта Швейцарии, разрезанная по уездам Карта Пермской губернии, Карта Европейской России с показанием процента учившихся мальчиков в сельских училищах к населению учебного возраста (от 7 до 13 лет), План г. Перми, Учебный атлас всеобщей географии А. Линберга, Карта Европейской России с изображением народонаселения и его промыслов Н. Шипова, Атлас географических контуров (для черчения карт учащимися) И. Максимова³⁵. Пермский музей публиковал каталоги коллекции, но без описи картографических материалов. В ГАПК в фонд «Пермский научно-промышленный музей» включено дело «Опись карт России, Пермской губернии, вотчин Строгановых; чертежи, планы на земельные участки, здания и других, хранившихся (в Пермском научно-промышленном музее) в картографическом отделе», которое может быть примерно датировано 1919 г.³⁶ Документ представляет собой таблицу из шести столбцов (номер по порядку, заглавие карты, масштаб, год издания, число листов, [примечание]) с названием «Регистрация Картографического Отдела», заполненную по сериям: 1) «Карты Европы и России», 2) «Карты Уральского района», 3) «Карты уездов и местностей Уральских губерний», 4) «Геологические, почвенные, орографические, промышленные и другие карты», 5) «Карты путей сообщения», 6) «Межевые и прочие планы, чертежи судов, зданий и пр.» Примечание заполнялось крайне редко, есть отметки о сохранности, месте хранения, об ошибочной записи в серию, нескольких экземплярах (указывается их количество), масштаб и датировка предметов указываются не всегда. Существенным недостатком этой описи является отсутствие важных характеристик карт — техники и источников поступления.

Коллекция «Карты и планы» Пермского краеведческого музея довольно разнообразна по составу: учебные карты и атласы (исторические, религиозные, географические, этнографические, биологические, географические и по другим учебным предметам); научно-исторические (археологические, этнографические); церковные (одна из наиболее интересных — «Карта Пермской епархии», составленная священником Яковом Шестаковым в 1906 г.); военные, главным образом боевых действий (времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг., Первой мировой и Великой Отечественной войн); топографические (в том числе Генерального штаба Российской армии конца XIX в. — 1912 г.); астрономические; геологические; обще- и специально-географические (климатические, метеорологические, почвенные, ботанические, лесоводческие карты); карты рек Пермской губернии (конца XIX — начала XX в.); карты и картограммы по сельскому хозяйству и промышленности конца XIX в. — 1920-х гг.; карты заводов и горнозаводских дач в Пермской, Оренбургской и Казанской губерниях; дорожные (карты железных, водных и шоссейных дорог); туристические; карты текущего государственного управления (карты таможенных учреждений, карты с указанием сбора налогов и недоимок, карты и планы земельных наделов временнообязанных крестьян и т. п.); административные (карты отдельных уездов, губерний); планы городов и отдельных селений; межевые (карты на частные земельные владения и спорные земли Строгановых, Голицыных, Шуваловых, Лазаревых, Абамелек-Лазаревых, Бутеро, Всеволожских). Карты представлены не только на русском, но и на других языках: немецком, французском, английском, латинском, украинском. Часть предметов имеет дарственные надписи, автографы авторов.

³³ Там же. С. 61.

³⁴ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1912 г. Пермь, 1913. С. 1.

³⁵ Указатель наглядных учебных пособий Подвижного музея при Пермском научно-промышленном музее. Пермь, 1912. С. 8.

³⁶ ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 279.

В Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина, основанном в 1899 г. и хранящим богатейшие коллекции, хранится свыше 200 единиц картографических материалов, основная часть — рукописные планы города Чердыни и карты отдельных территорий, дач Чердынского уезда, в том числе планы генерального межевания. Наиболее интересны — рукописные планы города Чердыни, выгонных земель, сенокосных участков 1828 г., 1840-х гг., 1854 г., 1867 г., 1896 г., 1926 г.³⁷

В архивном отделе, в фонде 26, Соликамского краеведческого музея насчитывается 150 документов. Это рукописные планы XIX–XX вв. на отдельные селения и дачи, карты Соликамского и Чердынского уездов, планы Соликамска, чертежи на постройку церквей, учебные, археологические карты и другие. Большая часть — это карты до 1917 г.

Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка хранит интересную коллекцию карт, в том числе коллекцию И. Я. Кривошекова и ряд других: рукописная карта Иньвенской дачи³⁸, печатная карта Чердынского уезда Пермской губернии³⁹. На «Карте на юго-западную часть Соликамского уезда, расположенную в бассейне реки Иньвы, с показанием смежностей Чердынского уезда Пермской губернии и Глазовского уезда Вятской губернии»⁴⁰, составленной И. Я. Кривошековым и напечатанной в типолитографии Е. И. Заозерского в Перми в 1902 г., рядом с названием в левом нижнем углу нанесен штамп «Лавр Иванович Теребихин» и в верхнем правом углу коричневыми чернилами почерком И. Я. Кривошекова дарственная надпись — «Многоуважаемому нрзб Лавру Петровичу Теребихину 2 ноября 1894 от издателя ИвКривош (подпись)». Лавр Петрович Теребихин — в 1878 г. крестьянин села Кудымкар, православный, 26 лет, грамотный, состоял по выбору общества сельским старостой, полицейский урядник 3-го стана, а также служащий Иньвенского лесничества.

В Лысьвенском музее хранится коллекция планов Лысьвенского горного округа и лесных дач, Лысьвенского завода и поселка, межевые карты, чертежи отдельных строений и заводских сооружений. Многие планы выполнены в цианотипии. Стоит выделить несколько: «План местоположения открытым заводам Старо-Куртымского графа Шувалова железного рудника» (рукописный, многокрасочный, вторая половина XIX в.), «План перестройки и расширения Лысьвенских заводов по пятилетки 1928–1929–1932–1933 гг.», составленный до объединения металлургического и механического заводов, фотокопии 1970-х гг. карт Центрального государственного исторического архива Ленинграда (ныне Российский государственный исторический архив), «План на дачу Лысьвенского чугуноплавильного и железодельного заводов с деревнями и починками, обмежеванных в 1821 г. коштным землемером Ивановым и утвержденный по решению Правительствующего Сената в 1828 г.»

В Ильинском районном краеведческом музее хранится более 20 карт и планов. Это рукописные многокрасочные планы села Ильинского и округа XIX–XX вв.⁴¹, геологические карты — печатная Уральских заводов В. Ф. Закожурникова 1889 г.⁴², Геологическая карта Западного склона Уральского хребта В. Меллера 1869 г.⁴³, план села Ильинского по съемке 1848 г. с указанием зоны затопления Камской ГЭС⁴⁴, планы спорных дач и другие. Сохранилось в фондах несколько карт, которые чертил Алексей Александрович Вологдин, краевед, работник лесного отдела Главного управления Пермским нераздельным имением графов Строгановых в селе Ильинском, в 1921 г. один из создателей Ильинского краеведческого музея, а в 1921–1933 гг. его директор. Одна из них рукописная копия карты «Ландкарта, сочиненная по силе Ея Императорского Величества указу из Сибирского обер-бергамта в 1734 году мая 3 дня для огранения лесов к Билимбаевскому

³⁷ ЧКМ. 1188/3; 1188/4; 1188/6; 1188/7, 4366/21; и др.

³⁸ КПОКМ. ОФ-3592/47.

³⁹ КПОКМ. НВ-576/1.

⁴⁰ КПОКМ. ОФ-3592/45.

⁴¹ ИРКМ-123. Д-85; ИРКМ-193. Д-106; ИРКМ-211. Д-105; ИРКМ-216. Д-93.

⁴² ИРКМ-240. Д-96; ИРКМ-365. Д-95.

⁴³ ИРКМ-258. Д-94.

⁴⁴ ИРКМ-737. Д-86.

заводу и на оной означенные грани желтою краскою каменной пильной мельнице к Уткинской пристани. Подлинной сочинен шихтмейстером Петром Яковлевым», выполненная Вологдиным в апреле 1913 г. в с. Ильинском⁴⁵.

Особое место в историко-культурном наследии Урала занимает «картографический архив» пермского географа и картографа Ивана Яковлевича Кривощекова (1854–1916). Вершиной его деятельности по картографированию Урала стали карты Соликамского (1895 г.), Пермского (1909 г.), Чердынского (1915–1916 гг.) и других уездов Пермской губернии, карта реки Камы и ее водной системы с прилегающими бассейнами рек Северной Двины, Печоры и Иртыша (1912 г.). Карта Пермской губернии (1887 г.) была удостоена бронзовой медали на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге, а второе издание карты в 1913 г. получило серебряную медаль им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Картографическое наследие И. Я. Кривощекова редко публиковалось и тиражировалось, хотя подлинные карты Пермской губернии 1909 г. представлены в фондах многих музеев, библиотек, архивов. В 2004 г. Государственным архивом Пермской области на CD-диске выпущен сборник документов и материалов к 150-летию со дня рождения И. Я. Кривощекова, на котором было записано несколько карт, созданных им⁴⁶. Незначительная часть картографического наследия И. Я. Кривощекова представлена в экспозициях музеев края.

Существует так называемый картографический архив И. Я. Кривощекова, который представляет собой коллекцию картографических материалов, включающий как его собственные работы, в том числе черновые, так и собираемые им документы⁴⁷. Это изначально целостная коллекция картографических материалов — «карт и планов местностей Северного края, главным образом Пермской губернии» — была приобретена библиотекой Пермского университета у вдовы географа Раисы Иосифовны Кривощековой в 1918 г., всего 333 названия с оплатой 1050 рублей⁴⁸. В архиве Фундаментальной библиотеки ПГГПУ сохранился документ — «Перечень картографического материала, проданного Р. И. Кривощековой Библиотеке Пермского университета» с указанием названия карт, масштаба и инвентарных номеров, включающий 247 наименований. Как можно предположить, в 1930-е гг., в связи с реорганизацией Пермского университета, эта коллекция оказалась раздробленной и была поделена между двумя хранилищами: фундаментальной библиотекой Пермского государственного педагогического института (сейчас — ПГГПУ) и научной библиотекой Пермского государственного университета (сейчас — ПГНИУ). По перечню известного географа Б. Н. Вишневого в библиотеке Пермского государственного педагогического института в «Картографическом архиве И. Я. Кривощекова» на 1 августа 1956 г. числилось 193 единицы⁴⁹. Как можно предположить, этот список 1956 г. был скопирован с инвентарной книги, а сверка наличия коллекции не проводилась. В 1972 г. 60 карт из библиотеки Пермского государственного педагогического института переданы в Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка. Передача части коллекции была проведена на основании постановления Совета министров СССР № 11 от 5 января 1959 г. «Об использовании книжных фондов библиотек», в котором разрешалось «министерствам, ведомствам и другим организациям передавать безвозмездно неиспользуемую литературу из фондов своих библиотек библиотекам других министерств, ведомств и организаций»⁵⁰. По итогам работы с картами в музее был выявлен 61 предмет коллекции. В результате анализа составленных списков сохранившихся карт по трем хранилищам в сопоставлении с общим перечнем картографического архива, можно утверждать, что коллекция была раздроблена в бессистемном порядке. В настоящее время в Фундаментальной

⁴⁵ ИРКМ. Вспомогательный фонд. № 220.

⁴⁶ Бушмаков А. В. Издание архивных документов в электронном виде // Государственный архив Пермского края. URL: http://www.archive.perm.ru/projects/articles-and-publications/1116124-the-publication-of-archival-documents-in-electronic-form/?special_version=Y (дата обращения: 24.12.2021).

⁴⁷ Кашаева Ю. А. Картографическая коллекция И. Я. Кривощекова... С. 16–22.

⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1141. Л. 169–173.

⁴⁹ Вишневский Б. Н. Географ-краевед И. Я. Кривощеков. С. 96–104.

⁵⁰ Постановление Совета министров СССР № 11 от 5 января 1959 г. «Об использовании книжных фондов библиотек». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901858781> (дата обращения: 24.12.2021).

библиотеке ПГГПУ — 97 единиц хранения, в Коми-Пермяцком окружном краеведческом музее — 61, в фонде редкой книги Музея истории Пермского университета — 65. В ходе реализации вышеупомянутого проекта «Сохранение, изучение и популяризация наследия картографов Урала середины XVIII — начала XX века» на странице сайта⁵¹ были размещены оцифрованные образы всех выявленных карт из коллекции И. Я. Кривошекова, проведена идентификация контуров карт с возможностью получения атрибутов, поиска карт по территории, получения детальной информации о картографическом источнике. На сайте Электронной библиотеки ПГНИУ, в разделе «Картографическая коллекция И. Я. Кривошекова»⁵², в открытом доступе размещены оцифрованные копии карт, хранящихся в Музее истории Пермского университета.

Историко-географическое наследие И. Я. Кривошекова является достоянием Пермского края и Урала в целом. Тематическая направленность коллекции достаточно разнообразна; в ней можно выделить несколько групп карт и планов. Эти группы достаточно условны, но позволяют представить в целом особенности коллекции.

Первая группа — это карты российских губерний — Пермской, Уфимской, Вятской и Оренбургской. В основном это печатные многокрасочные карты начала XX в.: «Карта Уфимской губернии», изданная Уфимским земством в 1909 г., «Карта Вятской губернии», изданная Картографическим заведением А. Ильина в Санкт-Петербурге, «Карта Пермской губернии», напечатанная типолитографией губернского правления в Перми в начале XX в., «Карта Урала. Губернии: Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская» начала XX в., «Карта Пермской губернии с указанием училищ в 1876 г.», изданная картографическим заведением А. Ильина в Санкт-Петербурге, схема «Карта волостей Пермской губернии», напечатанная в 1909 г. в типолитографии Е. И. Заозерского наследники, г. Пермь. Более редкая карта — рукописная многокрасочная «Карта Пермской губернии с разделением каждого уезда на основании циркулярного предписания министра внутренних дел от 18 марта 1835 г. на участки, управление коими предполагается вверить особым заседателям», составленная Ирбитским уездным землемером Михайловым.

Вторая группа — это карты уездов Пермской губернии — Оханский, Осинский, Кунгурский, Верхотурский, Екатеринбургский, Соликамский, Чердынский. Хотелось бы выделить несколько. Во-первых, рукописная многокрасочная «Генеральная карта Пермской губернии на Чердынский и часть Соликамского уезда», составленная землемером Кумахиным в 1807 г. Авторами двух карт является Иван Яковлевич Кривошеков: «Карта Екатеринбургского уезда Пермской губернии» (опубликованная в XXX томе Записок Уральского общества любителей естествознания) и «Кунгурский уезд Пермской губернии» (1914 г.). К этой же группе была отнесена схема «Кунгурской земской телефонной сети».

Третья группа — это рабочие картографические материалы И. Я. Кривошекова на Иньвенский округ, такие как: «План Майкорской дачи», «Карта Сергиевской волости Соликамского уезда и части Колвинской волости», «[План дач села Юрического]». А также представлена итоговая рукописная карта — «План на Иньвенский лесной округ», составленная под руководством окружного лесничего И. Я. Кривошекова в октябре, ноябре, декабре 1892 г. и в январе и феврале 1893 г. М. И. Мисевичем. Можно предположить, что эти карты послужили подготовительным материалом к печатной «Карте на юго-западную часть Соликамского уезда, расположенную в бассейне р. Иньвы, с показанием смежностей Чердынского уезда Пермской губернии и Глазовского уезда Вятской губернии».

Четвертая группа — это карты и планы лесных и горных дач, частновладельческих и казенных, например, печатная «Карта Вижаихинского лесничества Чердынского уезда Пермской губернии», составленная в 1905 г. лесничим В. Бялко и лесным кондуктором М. Замятиным, рукописный «План Добрянского округа» 1884 г.; рукописный «План Вятской губернии Слободского уезда Кайская казенная дача» 1861 г.; «План Молебской дачи Суксунского горного округа» 1860-х гг. На части карт, например, «Часть XXII Южная часть Слудского ведомства» (рукописная, 1854 г.), нанесены

⁵¹ Наследие картографов Урала. URL: <http://heritage.maps.psu.ru/gis/> (дата обращения: 24.12.2021).

⁵² Картографический архив И. Я. Кривошекова. URL: <https://elis.psu.ru/node/234396> (дата обращения: 24.12.2021).

археологические объекты, обозначены «места (примерно), где лежала куча костей», «признаки укреплений, или городища».

Пятая группа — геологические и геогностические карты, которые охватывают территорию Урала. Среди них «Геологическая карта бассейна реки Лозьвы, верхней части реки Вишеры и прилежащих частей северного Урала», составленная горным инженером Е. Федоровым в 1888 г. и опубликованная в Горном журнале в 1889 г.; рукописная «Геологическая карта Нижнетагильской дачи Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато», «[Карта месторождений медных руд в окрестностях г. Перми]» (цианотипия), «План Артемьевского, Христофоровского рудников и прииска за Артемьевского 1876 г. Общий Кизеловский рудник».

Шестая группа — это карты рек и водных систем. Одна из них была составлена в 1912 г. И. Я. Кривошековым — «Карта реки Камы и ее водной системы с прилегающими бассейнами рек Северной Двины, Печоры и Иртыша», «План на верховья р. Камы в Глазовском уезде Вятской губернии».

Седьмая группа — это исторические карты. Наиболее соответствует этой группе «Карта Поморского края в XVII веке», изданная литографией русского товарищества (Москва, конец XIX в.).

Восьмая группа — это карты районов постройки железной дороги, такие как «Карта к экономической записке о районе ветви Синарская — Нижняя», «Общая карта района железной дороги Оренбург — Уфа — Кунгур и Уфа — Камбарка».

Девятая группа — это карты путешествий и путеводители: «Маршрут поездки С. Г. Рыбакова по Уфимской и Оренбургской губерниям летом 1893/94 гг.» (Картографическое заведение А. Ильина, Санкт-Петербург, [1894 г.]); «Карта к «Путеводителю по Уралу» с показанием заводов и золотых приисков» (Издание В. Г. Чекан. Картографическое заведение А. Ильина, Санкт-Петербург, [1899 г.]); «Карта к отчету о поездке, совершенной с высочайшего соизволения по поручению министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте Д. Менделеевым с П. Земятченским, К. Егоровым и С. Вуколовым для изучения Уральской железной промышленности в 1899 г.» (Литография И. Кадушина, Санкт-Петербург, [1899]).

Большинство карт имеет голубой круглый штамп «Библиотека Пермского университета» и пятизначный учетный номер, нанесенный карандашом. Кроме этого, представлены владельческие штампы «Иван Яковлевич Кривошеков», на одном плане поставлен круглый штамп «Кружок по изучению Северного края при университете». На ряде карт и планов есть владельческие записи картографа — «Из архива Ив. Я. Кривошекова», «Картографический архив Ив. Яковл. Кривошекова», «Библиотека Ив. Кривошекова», его пометки и автографы.

Самым ранним в коллекции И. Я. Кривошекова является «Атлас Пермской губернии Соликамского уезда дачи села Яйвенского с деревнями со спорными отводами... межевания, учиненного в 1801-м и 1802-м годах коштным землемером титулярным советником Чекановым» [1802 г.] (инв. № 15079) в масштабе англ. дюйм: 1 000 сажень, бумага голубая вержированная: «ЯБМЯ» — Ярославская большая мануфактура Яковлева, герб Ярославской губернии, вариант 12, 1799–1824 гг. Клепиков II, с. 236–237, грубая светло-голубая. Техника: рукописная, тушь, чернила, раскраска акварельная, многоцветная. Размер 102 x 136 см.

Можно отметить, что в последние годы наблюдается активизация исследовательского интереса к картографическим источникам, учреждения-хранители активнее используют свои картографические фонды. Из пермских материалов наиболее широко известны карты из коллекции И. Я. Кривошекова, большой массив картографических источников оцифрован в ГАПКе, но они предоставляются только по запросу пользователей. В 2019 г. ГАПК издан альбом «Карты земли Пермской»⁵³, в котором были опубликованы рукописные, гравированные и печатные картографические материалы, структурированные по территориальному и тематическому принципам. Основу альбома составили материалы ГАПК, хотя были привлечены материалы и из других хранилищ. В 2018 г. много картографических документов опубликовано в книге «Рудники Пыскорского медеплавильного завода»⁵⁴.

⁵³ Карты земли Пермской. Пермь, 2019.

⁵⁴ Рудники Пыскорского медеплавильного завода. Усолье, 2018.

В экспозициях муниципальных музеев, как и в Пермском краеведческом, представлены карты, которые также используются в отдельных выставочных проектах. Например, подлинные карты из фондов ГАПК были представлены на выставке Пермской государственной художественной галереи «Предчувствие Севера. Пермский путь», которая являлась частью российского межмузейного культурологического проекта «Освоение Севера. Тысяча лет успеха» и проходила в ноябре 2018 — марте 2019 г.

Несмотря на активизацию использования картографических источников, есть и определенные задачи у учреждений-хранителей. Сохранность картографических материалов в хранилищах Пермского края разная, не во всех учреждениях обеспечены нормативные условия хранения, не все картографические материалы имеют описания, в том числе научные, часть карт до сегодняшнего дня не поставлена на учет. Уже описанные картографические материалы часто не имеют датировки, внесены как «без даты» или датированы очень приблизительно, например, «XIX — начало XX века». Проведение мероприятий методического характера, привлечение заинтересованных работников учреждений к взаимодействию и повышению их интереса к картографическим учреждениям, активизация взаимодействия с научным сообществом и специалистами в области исторической картографии позволит решить эти задачи.

REFERENCES

Balyberdina P. A. [Overview of Perm city plans stored in State Archive of Perm region]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 8–12. (in Russ.).

Barinova T. V. [I. Y. Krivoshchekov's Legacy in the Scientific Library of Perm State National Research University]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 13–18. (in Russ.).

Bushmakov A. V. [Publication of archival documents in electronic form]. *Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya* [State Archive of Perm Region]. Available at: http://www.archive.perm.ru/projects/articles-and-publications/1116124-the-publication-of-archival-documents-in-electronic-form/?special_version=Y. (accessed: 24.12.2021). (in Russ.).

Buzunova S. G. [The activities of UOLE — SOKM for the formation and popularization of the cartographic collection]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 19–28. (in Russ.).

Demina I. V. [Overview of cartographic documents in the collections of the State Archive of the Perm Region]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 39–43. (in Russ.).

Frolov A. A., Golubinskii A. A., Kutakov S. S. [Web GIS “Drawings of the Russian state of the XVI–XVII centuries” (<http://rgada.info/geos2>)]. *Istoricheskaya informatika* [Historical informatics], 2017, no. 1 (19), pp. 75–84. DOI: 10.7256/2306-0891.2017.1.22025 (in Russ.).

Golyasheva M. A. [Providing WEB access to cartographic collection of the Russian State Library]. *InterKarto. InterGIS* [InterCarto. InterGIS], 2013, no. 19, pp. 154–157. DOI: 10.24057/2414-9179-2013-1-19-154-157 (in Russ.).

Horohordin G. S. [Cartographic collection of printed maps of Siberia, the turn of XIX — XX centuries state archive of the Altai region]. *Interekspo Geo-Sibir* [Interexpo Geo-Siberia], 2016, vol. 6, no. 1, pp. 46–50. (in Russ.).

Iakovlev V. O. [Russian geographical drawings of the 17th century in the St. Petersburg archives and libraries]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg historical journal], 2021, no. 1 (29), pp. 24–44. (in Russ.).

Kashaeva Yu. A. [Collection “Maps and plans” of the Perm Museum of Local Lore: characteristics, description and prospects of use]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 58–65. (in Russ.).

Kashaeva Yu. A. [I. Y. Krivoshchekov’s cartographic collection in the Fundamental Library of Perm State Pedagogical University]. *Universitet i biblioteka. Vmeste 90 let: sbornik materialov regionalnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, g. Perm, 21 sentyabrya 2011 g.* [University and library. Together for 90 years: a collection of materials of the regional Sci. and methodological conf.]. Perm: Perm State Pedagogical Univ. Publ., 2012, pp. 16–22. (in Russ.).

Kashaeva Yu. A., Pyankov S. V. [About the project “Preservation, study and popularization of the heritage of cartographers of the Urals in the mid-18 — early 20th centuries”]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers*. [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 46–55. (in Russ.).

Kationov O. N., Smagin R. Yu., Voronina A. A. [Handwritten maps of Siberia of the 18th — early 20th century in archives, museums and libraries of Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], 2012, no. 3, pp. 53–56. (in Russ.).

Kornienko M. V. [Cartographic sources of the 19–20th centuries in the funds of the Kurgan Museum of Local Lore]. *Zyryanovskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Zyryanov readings: materials of the All-Russ. Sci. and Pract. Conf.]. Kurgan: b. i., 2017, pp. 176–179. (in Russ.).

Krasnikova O. A. [How the cartographic collection of the Library of the Russian Academy of Sciences was formed]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola* [St. Petersburg Library School], 2018, no. 2 (62), pp. 57–59. (in Russ.).

Kusov V. S. *Zemli bolshoy Moskvyy: kartograficheskie proizvedeniya XVII–XVIII stoletiy* [Lands of greater Moscow: cartographic works of the 17–18th centuries]. Moscow: Russkiy mir Publ., 2008. (in Russ.).

Kusov V. S. *Moskovskoe gosudarstvo XVI — nachala XVIII veka: svodnyy katalog russkikh geograficheskikh chertezhey* [Moscow state of the 16th — early 18th centuries: a consolidated catalog of Russian geographical drawings]. Moscow: Russkiy mir Publ., 2007. (in Russ.).

Mekhonoshin D. A., Kashaeva Yu. A. [Localization of repositories of cartographic materials in the Urals]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 85–91. (in Russ.).

Roshevskaya L. P., Konovalova E. N., Zagorodnuk N. I. [Cartographic documents of the XVIIth — the beginning of the XXth centuries in the collection of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve: the history of gathering and the present state]. *Otechestvennye arhivy* [Domestic Archives], 2016, no. 6. pp. 29–35. (in Russ.).

Rudniki Pyskorskogo medeplavilnogo zavoda [Mines of the Pyskor Copper Smelter]. Usole: Usolskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey «Palaty Stroganovykh» Publ., 2018. (in Russ.).

Shpakova M. V. [Maps and atlases of the 18–19th centuries in the fund of the Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky]. *Ot karty proshlogo — k karte budushchego: collection of scientific papers* [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers]. Perm: Perm State National Research Univ. Publ., 2017, vol. 3, pp. 122–127. (in Russ.).

Smirnov N. I., Abdullin R. K., Kashaeva Yu. A., Foteeva P. S. [The development of a web-resource “Heritage of the Ural cartographers of the mid-18th — early 20th centuries”]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 2018, no. 3 (46), pp. 115–126. (in Russ.).

Vishnevskiy B. N. *Geograf-kraeved I. Ya. Krivoshchekov* [Geographer-local historian I. Y. Krivoshchekov]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1961. (in Russ.).

Zinchuk L. N. [Cartographic collection of the Russian State Library]. *Geoprofi* [Geoprofi], 2007, no 6, pp. 4–8. (in Russ.).

УДК 94(2):930

Рыжова Мария Михайловна

аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

ORCID: 0000-0002-3530-7681

E-mail: mariamih@yandex.ru

**Карты Д. Н. Вергуна как один из инструментов структурирования
русской националистической мысли начала XX в.**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу географических карт, используемых в периодической печати Российской империи начала XX в., для формирования образа конкретного пространства, которому было предписано подвергаться политическому контролю или входить в национальную территорию России. Через националистическую оптику одного из участников русского националистического движения конца XIX — начала XX вв., Дмитрия Николаевича Вергуна, происходил процесс формирования ментальной карты «Зарубежной Руси» — территории Восточной Галиции, Северной Буковины и северо-восточных комитатов Венгрии («Угорской Руси»). Для создания образа исконных территорий, принадлежащих «русскому народу», Вергун использовал все доступные средства, или, точнее, «каналы» коммуникации, применяемые в соответствующей исторической эпохе. Это формирование происходило с помощью национального нарратива в устной и письменной форме, в том числе и в стихотворных произведениях, а также с помощью визуализации описываемых территорий посредством географических карт. Его первая значимая работа «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» вышла в Вене в 1905 г. Информативность текста брошюры не была бы полной без карты, выпущенной в качестве приложения, которая наглядно иллюстрирует фактический материал, изложенный в работе. Однако указанная карта не имела такого распространения вне брошюры, как другая карта, составленная позже Д. Н. Вергуном для работы «Что такое Галиция?»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский национализм начала XX в., Д. Н. Вергун, «Зарубежная Русь», Карта немецких захватов, этнографическая карта, ментальная карта

УДК 94(470.5)''17/19'':930.25

Maria M. Ryzhova

PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-3530-7681

E-mail: mariamih@yandex.ru

**D. Vergun's maps as a tool for structuring Russian nationalist idea
in the early 20th century**

ABSTRACT. The article analyzes geographical maps used in the periodical press of the early 20th century Russian Empire to form the image of a particular space, which was prescribed to be a subject of political control or to be part of the national territory of Russia. The process of the formation of the mental map of the "native Russian land", the so-called "Foreign Russia" — the territory of Eastern Galicia, Northern Bukovina and north-eastern counties of Hungary ("Ugrian Rus'") took place through the nationalistic optics of Dmitry Vergun, one of the representatives of the Russian nationalist movement of the late 19th — early 20th centuries. In order to form the image of the ancestral territories belonging to the "Russian people", Vergun used all available means, or, more precisely, "channels" of communication used in the corresponding historical epoch. This formation took place by means of the national narrative in oral and written form, including poetry, as well as by means of the visualization of the territories described with help of geographical maps. His first significant work, "The German Drang nach Osten in Numbers and Facts", was published in Vienna in 1905. The brochure text was supplemented by a map, issued as an appendix to illustrate the content of this work. However, this map was not as widespread outside the brochure as another map made later by D. Vergun for the work "What is Galicia?"

KEYWORDS: early 20th century Russian nationalism, D. Vergun, "Foreign Russia", Map of German Conquests, ethnographic map, mental maps

«ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ»

Проблемы восточнославянского населения, проживавшего за пределами Российской империи, часто оказывались в фокусе внимания многих российских общественных деятелей конца XIX — начала XX в. Три компактно населенные восточными славянами области Австро-Венгрии — восточная часть Галиции, северная часть Буковины и территория, часто называемая Угорской Русью, традиционно воспринимались представителями национально-ориентированных кругов как «Зарубежная Русь», то есть неотъемлемая часть единого этнического, культурного и духовного пространства «исторической Руси». Националистическое движение в России начала XX в. имело в основе своего мировоззрения представление о единстве русского народа вне зависимости от государственных границ. При этом слово «народ» понималось в контексте так называемой русской идеи, не как государственное понятие, а как общность людей с единым культурно-бытовым укладом, сложившимся на основе единых исторических корней. Многие российские мыслители, такие как Б. Н. Бердяев, П. Н. Миллюков, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, Д. С. Мережковский и др., формировали идеологемы этого мировоззрения, которые затем подхватывали представители русской интеллигенции, государственные и политические деятели. А. И. Миллер в своей книге «Империя Романовых и национализм» обратил внимание на то, что в рамках «логики дискурса общерусской нации» границы «русской национальной территории» выдвигались за пределы Российской империи, в населенные восточными славянами области Габсбургской монархии. Дискурс о Червонной Руси (Восточной Галиции) и Угорской Руси (Буковине и современной Закарпатской Украине) представлял собой «дискурс националистической ирриденности»¹.

Термин «Зарубежная Русь» широко использовался в России в начале XX в., особенно в публицистике националистического толка, для обозначения некоего отдельного замкнутого трехсоставного пространства, воспринимаемого вместе с тем неотъемлемой частью «исконно русской» земли. Заметим, что иногда «Зарубежной Русью» именовалась вся совокупность зарубежных восточнославянских сообществ, включая, например, русскую/русинскую диаспору в Америке². Синонимами термина «Зарубежная Русь» в его основном значении являются термины «Карпатская Русь», которым в XIX в. часто обозначалась территория, населенная русинами Австро-Венгрии³, а также использовавшееся русскими националистами стилистически окрашенное понятие «Подъяремная Русь»⁴.

Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951)

В начале XX в. появляются издания, которые фиксируют значение понятия «Зарубежная Русь» в пределах Галиции, Буковины, Угорской Руси. Одним из ярких представителей интеллигенции, вовлеченных в конструирование в российском обществе образа «Зарубежной Руси», был Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), который сыграл одну из ключевых ролей в конкретизации дискурсивного образа «Зарубежной Руси», наполнении его целостным историческим и культурным содержанием с помощью целого комплекса средств: публицистических текстов, визуальной репрезентации (с использованием географических карт), а также художественными средствами — через поэтическое творчество. Его публицистическая, литературная, общественная, образовательная деятельность были направлены на популяризацию и формирование идейной составляющей славянского движения, как в России, так и за ее пределами. Издатель и редактор журнала «Славянский

¹ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 162.

² См.: Васильев А. В. Зарубежная Русь. I, II. Русь Прикарпатская. Русь в Америке. СПб., 1905; После событий, вызвавших массовую миграцию с территории бывшей Российской империи, периферийное значение, обозначавшее не исторические территории, принадлежавшие когда-то Руси, а то культурное пространство, которое образовалось за пределами российского государства, благодаря в основном культурно-просветительской деятельности эмигрантов, стало называться «Зарубежная Русь». Однако оно является синонимичным по отношению к более употребляемому термину — «русское зарубежье», сформированному в общественно-политическом и публицистическом дискурсах. Для эмигрантов понятие «зарубежье» мыслилось как часть России. Термин «Зарубежная Русь» преобразовался в термин, обозначающий некое «социальное пространство», где протекает деятельность носителей русской культуры за рубежом.

³ Суляк С. Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272.

⁴ Из Подъяремной Руси // Славянский век. 1904. № 88. С. 488–492.

век», выходявшего в Вене в 1900–1905 гг., журналист и редактор газеты «Новое время», автор брошюр и стихотворных произведений, член и товарищ председателя «Галицко-русского благотворительного общества», член «Славянского благотворительного общества», «Общества славянской взаимности», Д. Н. Вергун был одним из тех, кто доносил до общества как общие идеи славянского движения, так и идеи, связанные непосредственно с проблемами восточнославянского населения, проживавшего за пределами Российской империи. Формирование образа «Зарубежной Руси» в работах Д. Н. Вергуна имело корреляцию с внешнеполитическими планами России в Первой мировой войне. В ходе войны было создано подразделение под названием Особый политический отдел (ОПО). Документы ОПО, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, говорят о политических целях Российской империи этого периода в проведении границы «русской народности Галиции, Угорской Руси и Буковине» согласно этническим принадлежностям. Среди экспертов, которых ОПО привлек для написания аналитических записок по проблемам Галиции, был и Д. Н. Вергун⁵.

В своей деятельности редактора, публициста и общественного деятеля Д. Н. Вергун стремился создать представление о «Зарубежной Руси», опираясь на визуальную и вербальную репрезентацию пространства, создавая и применяя географические карты в качестве неотъемлемой части своих работ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА — ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Опираясь на работы современных исследователей национализма, можно сказать, что в начале XX в. карта становится мощным инструментом националистического дискурса⁶. Среди выделенных Б. Андерсоном трех институтов власти (перепись населения, карты и музей), способствующих формированию представления о принадлежности к той или иной нации, создаваемых и используемых представителями интеллектуального сообщества, карте принадлежит функция структурирования через печать воображения жителей⁷. Конкретизируя проекции на земную поверхность, карта является инструментом националистического дискурса, «парадигмой, в рамках которой осуществлялись административные и военные действия»⁸. Из перечисленных «институтов власти» именно карту Вергун поместил в центр своего дискурса, соотнося картографическую информацию с данными критической оценки переписи населения. Картографический способ визуализации пространства, используемый Д. Н. Вергуном в двух основных его работах — «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» и «Что такое Галиция?», способствовал более четкому восприятию читателем описываемой в этих текстах территории, то есть формированию так называемых ментальных карт.

Карта немецких захватов и притязаний на славянской земле и Ближнем Востоке

Первая значимая работа Д. Вергуна была опубликована в Вене в 1905 г. под названием «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах». Несмотря на то, что объем этой «брошюры», как называл издание сам его автор, был всего 67 страниц, эта работа стала отправной точкой в публицистической деятельности Д. Н. Вергуна и, с точки зрения формирования идеологических основ его творчества, носила характер программного документа.

Исходя из характерной для этого периода националистической оптики, структурировавшей исторический опыт славянских народов посредством идеологемы векового противостояния славянского и германского «миров», и подкрепляя эту идеологему комплексом данных о колониализме

⁵ Миллер А. И. Империя Романовых... С. 175.

⁶ См., например: Миллер А. И. Ментальные карты историка и связанные с этим опасности // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5. С. 323–333; Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2001. № 4. С. 4–17; Harley J. Deconstructing the Map // Cartographica. 1989. Vol. 26. S. 1–20; Harley J. Cartography, Ethics and Social Theory // Cartographica. 1990. Vol. 27. S. 1–24.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 279.

⁸ Там же. С. 283.

Германской империи, Вергун рисовал в своей брошюре образ надвигающейся на славянский мир угрозы германского порабощения. В этом ему вольно или невольно помогало огромное количество зарубежных и российских ученых, философов, публицистов XIX–XX вв. (Д. Менделеев⁹, А. Будилович, М. Меньшиков, М. Драгоманов, А. Брюкнер, И. В. Ягич, Э. Богуславский, Л. фон Ранке, К. Маркс, Ф. Лассаль, Г. фон Трейчке, А. Руге, Ф. Лист, В. Рошер, О. Мейтзен, К. Иро, Т. Моммзен, К. Лампрехт и др.), работы которых Вергун привлекал в «обоснование» своего тезиса. Теоретическое подтверждение германской угрозы подкреплялось конкретными статистическими данными, собранными профессором П. Лангхансом, опубликованными в изданиях института Юстуса Пертеса в Готе, в частности в немецком географическом журнале «Deutsche Erde»¹⁰. Для того чтобы структурировать исторические и статистические данные, Вергун использовал в работе составленную им «Карту немецких захватов и притязаний на славянской земле и Ближнем Востоке», снабженную списком источников, статистикой и объяснением знаков (см. цв. вклейку, рис. 21). Восточная Галиция и Северная Буковина представляют собой составную часть той территории, которую, по мнению Вергуна, утратила Россия в ходе многовековой борьбы германского и славянского миров. Примечательно, что ставя вопрос подобным образом и используя такую наглядную форму для представления своих выводов, как карта, Вергун тем не менее с первой же страницы спешил предупредить читателя: «Руководящая цель карты и брошюры не разжигание человеконенавистнической вражды к немцам, а призыв славян к соревнованию на той же культурной почве для сохранения нынешней славянской языковой территории», и что притязания немцев на новые земли, вызванные «теснотой немцев в Германии», могут быть направлены в сторону Африки и Южной Америки¹¹. Что касается территории, которая впоследствии Вергуном будет называться «Зарубежной Русью», она не была еще выделена в отдельное пространство, а включена в обширную территорию, захватываемую «врагом». На этом пространстве обозначены исключительно населяющие его славянские народы: поляки, словаки, угро-россы, червонно-россы.

До выхода в свет отдельным изданием в 1905 г. работа печаталась частями в качестве приложения к номерам журнала «Славянский Век» за 1904 г. под рабочим названием «Немецкие захваты и притязания на Славянской земле и в Ближнем Востоке». Карту «немецких захватов» Д. Вергун поместил в качестве иллюстрации к первому появившемуся приложению к номеру¹². Составленная Вергуном карта представляет собой обзорную географическую карту на листе размером 65 x 65 см. Текст, помещенный на периферии карты, играет роль аргументационного аппарата: в левом верхнем углу приведены источники, используемые автором, которые должны были убедить читателя в том, что картографируемый материал является истинным, в то же время карта содержит в левом нижнем углу кратко изложенные статистические данные, представленные в брошюре, в правом нижнем углу — легенду. Центральное место на карте занимает Россия, графические обозначения топонимов позволяют сразу различить такие названия, как «Россия», «Малороссы», «Белороссы», «Русское или Черное море» и т. д. Стиль текстового изложения, как и графическое воспроизведение местности, говорит о том, что информация направлена на восприятие широким кругом читателей, принадлежащим к разным слоям общества. Эта карта, несомненно, уже тогда воспринималась важным инструментом идеологического дискурса. Так, Д. Н. Вергун в декабрьском выпуске «Славянского Века» пишет о том, что в 1904 г. журнал при пересылке подписчикам в Россию подвергался почтовой цензуре. Цензура, по словам Вергуна,

⁹ Имеется в виду работа Д. И. Менделеева «Заветные мысли», опубликованная в 1905 г., в которой ученый обосновывает идею уязвимости славянских территорий (Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904).

¹⁰ Вергун Д. Н. «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах». Вена, 1905. С. 8.

¹¹ Там же. С. 1.

¹² См. подробнее: Славянский век. 1904. № 89. «Славянский век» издавался в Вене с 1900 по 1905 г., и этот период он был «единственным всеславянским периодическим изданием на русском языке с сильной русофильской направленностью» (Фоминых С. Ф., Зиновьев В. П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 85). На страницах журнала печатались статьи ученых историков, филологов-славистов, таких как Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, политических и общественных деятелей, публицистов, среди которых были А. В. Васильев, С. Радич, Ф. Подгорник, Е. И. де-Витте и др.

«особенно, провинциальная, (в Варшаве, Одессе и др.) не только марала целые страницы <...>, но и вырезала или вырывала целые листы», в том числе «Карту немецких захватов»¹³.

Вергун придавал большое значение картам в просветительской деятельности и образовательной сфере. Так, в издаваемом им журнале «Славянский Век» в 1904 г. появилась статья «Что нужно русской школе?» за авторством В. Горлова, в которой говорилось о значимости географических карт в восприятии населением в целом и в образовательном процессе в частности. Описывая «последствия антинационализма», который, по словам автора, господствовал в этот период в высших кругах в России, автор критикует используемые в школьном образовании дидактические материалы:

Русская идея охотно унижается. Возьмем для примера «Учебный Географический Атлас» А. Ильина. Его этнографическая карта, кажется имеет целью не только уменьшить значение славянской расы, но и отрицать её единство. Литовцы и немцы отмечены почти одинаковой краской (это имеет громадное значение для детских умов). Но зато есть громадная разница в красках, показывающих малороссов и великороссов. Вместо того, чтобы перейти условные политические границы и показать, где в действительности кончается русское племя, карта, по примеру немецких, оканчивается политическими границами. Это очень важный недочет. <...> В высшей степени сложная карта дает 46 названий племен <...> и там встречаются названия, не имеющие ни смысла, ни значения. Лопари, мордва, зыряне, вогулы, аварцы, табасаранцы, мухадаре, адыге, калмыки и т. д. Если эти народы, принадлежащие к исчезающим или уже исчезнувшим племенам, еще и существуют, то ради чего загромождать их названиями мозги ученика? Но зато ему не преподают никогда, что 6 ½ миллионов русских живут по ту сторону условной политической границы. Россия единственная в мире страна, в которой возможно такое варварское и даже предательское преподавание!¹⁴

Автор противопоставляет политику «антипатриотизма» России политике «патриотизма» в других странах, приводит в пример карты «англо-саксонской расы», воспитания патриотических чувств в Швейцарии и т. д., говорит об опасности, которая подстерегает славянство.

Право можно подумать, что пангерманский комитет или какой-нибудь Густав-Адольф-Ферейн составляет учебники истории и географии для русских детей. Славянское происхождение, славянская раса вместо того чтобы быть опозоренной, обоготворенной, всюду унижается, отрицается¹⁵.

Цель учебных географических карт, по словам автора статьи, — воспитание «сознания и гордости своего славянского происхождения и чувство славянской взаимности», а для достижения этой цели необходимо использовать в том числе и «атлас менее сложный, чем теперешний, и не более сложный учебник истории». Кроме общих образовательных идей славянского движения автор выразил в статье еще одну важную позицию, касающуюся форм подачи информации, поддержанную и внедренную впоследствии в работах Вергуна: доступность, простота и наглядность.

Работа Вергуна «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах», как и описанная выше статья Горлова, вышли до того, как появились научные работы, в которых был использован термин *imaginary maps*, то есть «воображаемая карта»¹⁶, и задолго до научных работ, которые доказывают, что картографические способы визуализации способствуют конструированию собственных воображаемых миров, а ментальные карты остаются «одной из разновидностей (географического) образа»¹⁷. По нашему мнению, ментальная карта в значении «когнитивной репрезентации информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или

¹³ Славянский век. 1904. № 92. С. 561, 562.

¹⁴ Горлов В. Что нужно русской школе // Славянский век. 1904. № 83. С. 322–323.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ См., напр., Trowbridge C. C. On fundamental methods of orientation and — imaginary maps // Science. 1913. New Series. Vol. 38, № 990. P. 888–897.

¹⁷ Tuan Y.-F. Images and mental maps // Annals of the Association of American Geographers. 1975. Vol. 65, № 2. P. 209.

косвенных) источников»¹⁸, то есть как отчетливый образ какого-либо пространства (социального и территориального), может возникнуть при совокупном воздействии средств репрезентации: визуальном и вербальном. Именно поэтому географические карты, составленные Вергуном, стали неотъемлемой частью основных его работ с 1904 по 1915 г. Они выполняли три основные функции: первая — аргументация информации, изложенной в тексте, вторая — дублирование информации путем ее визуализации, тем самым способствующая более прочной фиксации в памяти, третья — создание целостного визуального образа описываемого пространства, удаленного от адресата, нацеленного «приблизить» объект к читателю.

«Этнографическая карта военных действий»

«Этнографическая карта военных действий», вероятно, была составлена Д. Н. Вергуном в начале Первой мировой войны. Впервые вместе с фрагментом текста она была напечатана в «Холмском народном календаре на 1915 г.», изданном в 1914 г. под редакцией Е. В. Ливотова¹⁹. В 1915 г. карта была опубликована в брошюре «Что такое Галиция?» и использована в качестве иллюстративного материала, но уже под названием «Зарубежная Русь. Этнографическая карта, составленная Д. Н. Вергуном» в брошюре А. Погодина «Зарубежная Русь», вышедшей в 1915 г.²⁰ Карта представлена в единой цветовой палитре, три области обозначены коричневым цветом: самая маленькая по площади из рассматриваемых областей — северная Буковина — отмечена темно-коричневым цветом, Галиция — более светлым, Угорская Русь — самым светлым оттенком. Карта содержит линейные условные знаки, топонимические названия на русском языке, подробные обозначения сопредельных территорий и населяющих их народов: поляки, словаки, мадьяры, румыны. На выделенной цветом территории «Зарубежной Руси» автор нанес лишь одно слово — «русские». Легкий для восприятия характер карты способствует усвоению образа территории, ее ландшафта, а свободно воспринимаемые для русскоязычного читателя топонимические названия вызывают ассоциацию с исконно русскими владениями (см. цв. вклейку, рис. 22).

Эта карта была создана в сложный исторический период изменения государственных границ. В брошюре «Что такое Галиция?» Вергун, ярый сторонник разделения Галиции на польскую и русскую части, определяет австрийскую провинцию как «австрийское месиво из древней Червоной Руси и краковской Малой Польши»²¹. Автор ссылается на воззвание верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, к полякам, в котором звучит фраза «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ», послужившая, вероятно, поводом для очередного высказывания своих позиций²². Вербально и визуально, с помощью прилагаемой карты, Вергун в очередной раз продемонстрировал свою позицию по поводу необходимости «разделения Галиции на русскую и польскую части по этнографической границе», которую он высказал еще в 1898 г. в «Программе червонорусской молодежи», что служило, по его мнению, «этнографической целостности русского народа и справедливого разграничения русского и польского племен»²³. В тексте брошюры 1915 г. он снова повторяет ту же мысль:

Восточная часть Галиции, древняя «Галичина» воссоединится теперь навеки с Россией, а западная будет в свое время присоединена к объединенной Польше. Все это сулит новый расцвет, как русскому, так и польскому Прикарпатыю²⁴.

¹⁸ Klippel A. Mental maps // Encyclopedia of Geography. SAGE Publications, 2010. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed: 19.03.2020).

¹⁹ Холмский народный календарь на 1915 г. / под ред. Е. В. Ливотова. Холм, 1914. С. 127.

²⁰ Погодин А. Л. Зарубежная Русь // Знание для всех: общедоступный журнал для самообразования с картинками в красках и иллюстрациями в тексте. 1915. № 1. С. 16, 17.

²¹ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? Пг., 1915. С. 54.

²² Воззвание Верховного Главнокомандующего полякам 1/14 августа 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Кн. 5. С. 41.

²³ Цит. по: Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии. 1896–1914 гг. СПб., 2018. С. 340.

²⁴ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? С. 54.

Образ «русской» Галиции визуализируется Вергуном на его этнографической карте, где границы Галиции, относящейся к «Зарубежной Руси», находятся в традиционных пределах восточной Галиции: западная часть, находящаяся за рекой Сан, лежит вне выделенной коричневым тоном территории. Вместе с тем в тексте брошюры вопрос о западных границах Галичины решается несколько иначе. Для их более точного определения Вергун задействовал критерии определения русской национальности:

1) Православное вероисповедание (в Буковине сплошное, — и отдельные общины в Галиции и Венгрии); 2) Восточный обряд греко-униатской церкви; 3) Обиходное местное русское наречие в части населения, официально приписанного к римско-католической церкви в восточной Галиции; 4) «Сознание принадлежности к «старой вере» (o-hid) среди «омадьяренного» населения северо-восточной Венгрии и название «ogosz» (русский)²⁵.

Пользуясь этими критериями, Вергун значительно расширяет западные границы «русской части» Галиции, перенося их за реку Сан, включая в свою «Прикарпатскую Русь» районы расселения русинов-лемков в прикарпатской части Западной Галиции:

Если руководствоваться этим критерием, то русскими нужно будет одинаково признать и те деревни на западной стороне от реки Сана, в которых говорят уже по-польски, но молятся еще по-русски...²⁶

Таким образом, «западную границу русского племени нужно вести, переходя из Холмской губернии, по реке Сану, притоку его реки Вислоку до истоков Дунайца»²⁷. Важно отметить, что в этом месте текста находится расхождение вербального и визуального образов, ведь составленная Вергуном карта ограничивает область «русской» Галиции на западе рекой Саном, исключая реки Вислок и Дунаец.

Картографический образ Северной Буковины появился на карте Вергуна, когда вопрос фиксации границ активно обсуждался в связи с международными событиями. Буковина, один из трансграничных европейских регионов, который в настоящее время разделен между Украиной и Румынией, в начале XX в. представляла собой один из регионов цислейтанской части Австро-Венгрии. Примечательно, что в предвоенный период тема Буковины не выходила на передний план в публицистических работах авторов периодических изданий, а вкраплялась в общий контекст проблем славянства²⁸. Одно из первых описаний Буковины появилось в 1904 г. у Е. И. Де-Витте, активно сотрудничавшей с журналом «Славянский Век», в книге «Путевые впечатления (с историческими очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина». Е. И. Де-Витте продолжает тематическую линию повествования о Буковине, появившуюся ранее в книге Ф. И. Свистуна «Прикарпатская Русь под владением Австрии», в которой сведения о Буковине, преимущественно экономического характера, лишь вкрапляются в повествование о Галиции и в целом о Прикарпатской Руси²⁹. Однако

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Так, например, в одном из номеров «Славянского Века», в рубрике под названием «Из Подъяремной Руси», в очерке Вл. Щавинского, озаглавленном «Буковинская Русь», поднимается проблема насильственной украинизации исконно русского населения, как одной из сторон внутренней политики Австрии (Щавинский Вл. Из подъяремной Руси // Славянский век. 1904. № 88. С. 488). Примерно в этот период в журнале «Славянские известия» Славянского благотворительного общества Буковины была представлена в сухих цифрах хроники с указанием доли славянского населения (без конкретных данных по этническому составу). Например, в январском номере за 1903 г., в рубрике «Хроника», в колонке «Численность населения Австрии» давались данные переписи за 1900 г.: «Буковина: 325,251 слав., 159,486 немц., 299,018 румын, 9,516 мадьяр. Из них — 86,656 римо-кат., 23,388 униатов, 500,262 правосл., 19,272 протест., 10 старо-катол., 3 магомет., 96,150 идуд. конфесс., 4,414 др. вероисповед.» (Славянские известия. 1903. № 4. С. 58). В следующем номере, в рубрике «Хроника», появляется небольшая статья «Германизация православной Буковины», созвучная с главной темой брошюры Вергуна «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» и со статьей Щавинского в журнале «Славянский век», а также информацией, изложенной Де-Витте в «Путевых впечатлениях» (Славянские известия. 1903. № 5. С. 50).

²⁹ Свистун Ф. И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Часть вторая. Львов, 1896. С. 651–652.

Де-Витте в своей работе уже посвящает отдельную главу Буковине, открывая ее описанием свои «Путевые заметки». С первых же строк она описывает эту область как «искони русский край» с необычайно богатой природой: горы, реки, леса, «плодородные поля», «тучные луга», «роскошные фруктовые сады, согреваемые южным солнцем», равнины с множеством «высоких могил и курганов, свидетельствующих о великих сражениях, о других важных исторических событиях и погибших богатырях, которых память хранится в преданиях верного народа», и повсюду видны «наши родные хаты»³⁰. От описания природных богатств края автор переходит непосредственно к созданию образа русского народа. Де-Витте выделяет три группы русских в зависимости от их обычаев, одежды, говора, внешности и характера:

1 — подолян, или жителей равнин, 2 — гуцулов, жителей гор, 3 — филиппован, великороссов-старообрядцев. Подоляне и филипповане лицом белы, глаза и волосы светлые или несколько темноватые. Гуцулы смуглы, глаза и волосы черные или очень темные. Подоляне низки ростом, гуцулы высоки и стройны, филипповане — толсты. Характер подолян и гуцулов мягкий, у филиппован — твердый. Но все они добродушны, дружелюбны, гостеприимны, трудолюбивы, честны и религиозны³¹.

Де-Витте первая из современников обосновывает в своей работе эпитет «искони русский» край исторической справкой. Точкой отсчета автор считает X в., когда «славяно-русские племена тиверцев и угличей <...> под напором угров, печенегов и половцев покидают свои места между Днестром, Дунаем и Черным морем, начинают продвигаться к верховьям нижнего Буга, Днестра, Прута и Серета, куда также из-за Карпатских гор спустилось румынское племя»³². В тексте четко очерчивается территория, на которой осели славяно-руссы: полоса земли между Нижним Бугом, Днестром, Карпатами, до самого северного Дуная. Важным моментом является введение в повествование политического форманта в виде персоналий, исторических деятелей, в качестве аргументационного элемента дескриптивного высказывания, предназначенного для обоснования тезиса об «исконной территории»:

Начиная с XII в. образовалось сильное галицко-русское княжество Владимира Володаревича, из рода Ростиславичей (внуков Ярослава Мудрого). Галицкому князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу (1153–1181) принадлежало все Подунавье от Железных ворот на нижнем Дунае до Черного моря³³.

Новое звучание тема Буковины приобрела в начале Первой мировой войны. В националистическом дискурсе акценты были уже расставлены иначе. Это было обусловлено преимущественно российско-румынскими отношениями и притязаниями Румынии. Согласно конвенции, которая была подписана 18 сентября (1 октября) 1914 г. между Румынией и Россией, разграничение в Буковине между российской и румынской территорией должно было проходить по принципу этнографического большинства³⁴. В ноте министра иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде Константину Диаманди говорится, что Россия принимает на себя обязательство признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгрии, «а что касается специально Буковины, то принцип большинства населения будет служить основанием для разграничения территорий, которые должны быть присоединены или к России, или к Румынии»³⁵. Тем не менее позже, со смертью короля Карла I, исчез тормоз, сдерживавший Румынию от выступления против

³⁰ Де-Витте Е. Путевые впечатления (с историческими очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина. Киев, 1904. С. 7–31.

³¹ Там же. С. 10, 11.

³² Там же. С. 11.

³³ Там же.

³⁴ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 122.

³⁵ Нота министра иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде Диаманди // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского Временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л., 1935. Сер. 3: 1914–1917. С. 341–342.

Австрии, а новый король Фердинанд, считавший себя знатоком военного дела, прельстившись военной славой, не имевший заслуг перед страной, воспользовался случаем, чтобы стяжать себе привязанность народа осуществлением национальных вожделий, нарушил нейтралитет и вступил в войну на стороне Антанты. Представители румынской дипломатии воспользовались сменой позиции Румынии в войне и заявили о том, что Россия должна отказаться от ранее заявленного принципа определения границ. Притязания Бухареста выражались уже в установлении границ Буковины по линии Прута³⁶. Именно в таком политическом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать нарратив, касающийся Буковины, деятелей славянофильского движения в России в этот период. В тексте, озаглавленном «Наши интересы в Румынии», находящемся в архиве РГИА, Д. Н. Вергун, предлагая создать в Черновцах духовный славянский центр, осознает существование возможности отхода части территории к Румынии, но при этом считает, что, как бы ни складывались обстоятельства, необходимо использовать любую возможность для распространения русского влияния и сохранения русской культуры в этом регионе:

Коли бы столица Буковины Черновцы остались за Россией, на что последняя за понесенные ею жертвы не предусмотренные в договоре 4 августа имеет полное право, — необходимо богословский факультет черновицкого университета превратить в новую духовную академию, приспособленную для духовных нужд не только Карпатской Руси, но и для румын и для балканских славян³⁷.

Предположительно к периоду, когда Румыния начала претендовать на большую территорию Буковины, нежели было оговорено в начале войны, относится и другой документ, находящийся в личном архиве Д. Н. Вергуна в РГИА, озаглавленный «Буковина — издревле русский край», где автор старается обосновать общее историческое прошлое Буковины и России. Для обоснования эпитета «издревле русский край» Вергун использует ряд аргументов. Связь Буковины с древнерусской историей автор обнаруживает в письменных источниках: древних летописях, артефактах, принадлежащих к древнерусской языческой культуре, упоминание в «Слове о полку Игореве»³⁸. Текст Вергуна содержит доказательства неправомерности притязания Румынии на включение шести из одиннадцати уездов Буковины в состав страны, однако автор признает, что пять Буковинских уездов уже подверглись румынизации. Упомянув события середины XIV в. и польского короля Казимира Великого, Вергун комментирует события с точки зрения права румын на землю, эксплицитно выражая мысль о неправомерности румынских притязаний:

Румыны появляются в Буковине только в половине XIV века, когда после нашествия татар пало Галичско-Русское княжество и Галичская Русь досталась польскому королю Казимиру в 1340 г., а Буковинская Русь Валашскому воеводе Драгушу в 1342 г. явившемуся в Буковину в качестве наместника венгерского короля Людовика I. Так что исторические права на Буковину поэтому имели бы скорей венгры, чем румыны³⁹.

Основным аргументом на историческое право владения территорией выступало в тексте более раннее появление славянских племен на этой земле. Современная румынская историография также начинает отсчет владения Буковиной с XIV в., называя эту землю «ядром Молдавского княжества»⁴⁰. Вергун разделяет русские и румынские уезды, не только ограничивая румынские притязания, но и подтверждая их право на часть территории, указанной российским правительством: «... румынам действительно удалось обрумынить пять Буковинских уездов: Сучавский, Гурагуморский,

³⁶ Благодатских И. Буковина в российско-румынских отношениях в годы Первой мировой войны // Русин. 2006. № 1 (3). С. 72–73.

³⁷ Вергун Д. Н. Русские интересы в Румынии // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³⁸ Вергун Д. Н. Буковина — издревле русский край // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 2.

⁴⁰ Nacu A. Atlas istoric al Bucovinei. București, 2018. P. 7. URL: https://www.academia.edu/37124727/Atlas_istoric_al_Bucovinei_Historical_atlas_of_Bucovina_Bucuresti_Editura_Academiei_Rom%C3%A2ne_2018 (accessed: 01.12.2021).

Радовецкий, Кымполунгский и отчасти Сторожинецкий, в то время как шесть уездов — Заставненский, Коцманский, Черновецкий, Васковецкий, Выжницкий и Сиретский еще до сих пор сохранили русский этнографический характер своего исконного населения»⁴¹. Текст был составлен Вергуном в тот момент, когда перед Россией стояли сложные задачи: с одной стороны, необходимо было четко разграничить «румынскую» и «русскую» доли Буковины, что было обусловлено притязаниями Румынии на часть Буковины, входившей на тот момент в состав Австро-Венгрии, а с другой стороны, Россия стремилась укрепить доверие к себе со стороны Румынии, видя в ней союзника в борьбе против Австро-Венгрии. Однако центр тяжести в момент написания статьи находился, по всей вероятности, на стороне тех, кто отстаивал, прежде всего, территориальные интересы России. Не случайно завершающим аккордом текста является цитата из воззвания Верховного главнокомандующего (Великого Князя Николая Николаевича) к русскому народу в 1914 г.: «Да не будет больше подъяремной Руси! Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой и нераздельной России».

На карте, составленной Вергуном в первый год войны, северная часть этой австрийской провинции представлена как часть «Зарубежной Руси» и отмечена самым ярким, темно-коричневым, цветом, а в самой брошюре, содержащей эту карту, географическое описание Буковины вкрапляется в общее описание «Зарубежной Руси». С одной стороны, Вергун визуально выделяет эту область, а с другой, показывает ее приграничный статус, обозначая границу «Зарубежной Руси» не только с Бессарабской губернией Российской империи, но и с южной Буковиной, которую Вергун, вероятно, был готов уступить Румынии, а в тексте брошюры Северная Буковина тесно связывается с Галицией.

Репрезентация Угорской Руси, третьей, самой отдаленной от государственной границы с Российской империей области «Зарубежной Руси», на страницах русскоязычной печати начала XX в. производилась преимущественно посредством критики, направленной на венгерское правительство. Так, например, на страницах журнала «Славянский Век» был использован способ представления информации «от первого лица», то есть посредством публикации писем читателей с комментариями редактора. В одном из номеров за 1904 г. в рубрике «Всеславянское Вече» под заголовком «Славянский век в Венгрии» было опубликовано письмо, в котором читатель, за подписью «Угрорус» (в сноске было указано, что автором письма был «простой угрорусский крестьянин»), обращаясь к редактору, рассказывал о строгом контроле со стороны жандармов, о запрете чтения журнала «Славянский Век»: «...нас теперь угнетают за наше намерение на православие <...> Благодарю вас за вашу любовь к нам подъяремным угрорусинам! Здравствуйте и действуйте во мире с Богом». Комментируя информацию, изложенную в письме, Д. Н. Вергун пишет далее в редакторской заметке, что в Венгрии уже несколько человек пострадало за чтение журнала «Славянский Век», который «служил главной уликой их панславистских стремлений якобы опасных существованию Венгрии»⁴².

С крайне негативной позицией касательно политики венгерских властей в отношении восточнославянского населения с Д. Вергуном были солидарны авторы журнала «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»⁴³. В информационных статьях за 1902 г. в рубрике «Хроника» под заголовком «Голод в Угорской Руси», со ссылкой на ужгородское издание «Наука», дается удручающая картина положения «русского крестьянства»:

...русскому населению, живущему в северной Угорщине в Карпатах, угрожает ужасный голод. В некоторых окрестностях народ уже в настоящее время не имеет ни хлеба, ни картофеля, а других запасов хватит лишь до рождественских праздников. В Берегском округе свирепствует голод в 30 селах <...>. В некоторых селах русские крестьяне не только не имеют чем питаться, но для них нет, во что одеться⁴⁴.

⁴¹ Вергун Д. Н. Буковина — издревле русский край. Л. 2.

⁴² [Б. а.] Славянский Век в Венгрии. Всеславянское вече // Славянский век. 1904. № 91. С. 554.

⁴³ См. об этом: Поповкин А. А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 376–399.

⁴⁴ Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Славянские известия). 1902. № 3. С. 54.

Жизнь восточнославянского населения области рисуется в мрачных красках и в другой статье:

Совершенно уже грустную картину представляет жизнь горсти русского населения в Угорской Руси, потерявшего всякую политическую и церковную самостоятельность и являющегося в настоящее время предметом жестокой эксплуатации еврейского капитализма и мадьяризации⁴⁵.

Описывая тягостное положение, в котором, по их мнению, находилось восточнославянское население края, авторы «Известий» не только критиковали венгерскую внутреннюю политику, но и создавали мрачный и негативный образ европейского «либерализма» вообще, воплощенного, по их мнению, в политике Австро-Венгрии. Так, в одной из статей сочувственно цитируется высказывание одного из культурных деятелей «Угорской Руси», Евгения Фельцика («умирающий народ среди гуманной, либеральной и цивилизованной Европы»), после чего следует многозначительный вывод уже от лица самого журнала: «Народ умирает медленно, но верно под насильственной рукой. Таков уже непонятный цинизм современного гуманизма, либерализма, прогресса и тому подобных громких слов и темных дел»⁴⁶. Единомышленник и коллега Д. Н. Вергуна А. Л. Погодин в работе «Зарубежная Русь» идет еще дальше, уподобляя социальные проблемы венгерских русинов положению славян в средневековых немецких государствах:

Подобно тому, как в немецких странах в средние века славянство не пользовалось никакими правами и было гонимым и презираемым племенем, так и в Венгрии оно представляло бесправную порабощенную крепостную массу. Здесь не было уже решительно никого, кто мог бы вступить за русский народ, и даже духовенство должно было работать на господ⁴⁷.

В общую тему национального «угнетения» авторы данного направления вписывали также образовательную политику властей. Они полагали, что, получая образование в местных школах, люди более не причисляли себя к угорским русским, то есть происходил сдвиг этничности на базе социального сдвига.

На карте Вергуна Угорская Русь, отделенная от остальных двух других областей «Зарубежной Руси» горной цепью Карпат, имеет весьма четкие очертания. В отличие от Буковины, кроме обозначений рек, Вергун поместил на карту Угорской Руси отметки и названия населенных пунктов. В соответствии с принятой в то время системой условных обозначений⁴⁸, особыми знаками на территории Угорской Руси были отмечены епархиальные центры (Ужгород, Пряшев (совр. Прешов)), крупные (Сигот (совр. Сигету-Мармацией), Новгород-Угорск (совр. Уйгель), Левоча, Бардеёв, Межилаборцы (совр. Медзилаборцы), более мелкие города (Ужок, Требишов, Тячево (совр. Тячев) и др.) и даже села (Квасово, Добрынь (совр. Велика Добронь)). Угорская Русь отделена от Галиции и Буковины прерывистой линией с двумя точками, обозначением, принятым для фиксирования границ уездов и губерний, которая нанесена на зону расположения Карпатских гор. Внешняя западная и южная граница «Зарубежной Руси» почти полностью совпадают с границей Угорской Руси на этом участке и отмечаются, на наш взгляд наиболее четкой детальной графической фиксацией. Таким образом, область на карте представляет собой территорию, заключенную в конкретные границы. Однако в брошюре «Что такое Галиция?», в которой была опубликована эта карта, Вергун не выделяет в отдельную тему описание географических, исторических и других особенностей Угорской Руси как самостоятельной территории, включая данные об этой области в общую картину. Не считая корректными данные австро-венгерской переписи населения 1910 г., Вергун стремится расширить западные рубежи Угорской (а следовательно, и всей Зарубежной) Руси, включая в ее состав:

...те деревни в Спишском, Шаришском, Абауй-Торнянском и Земплинском комитатах Венгрии, которые приписываются к словакам, но в которых, благодаря сохранению восточного обряда,

⁴⁵ Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Славянские известия). 1904. № 1. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 91, 92.

⁴⁷ Погодин А. Л. Зарубежная Русь. С. 12.

⁴⁸ См., например: Условные знаки для планов и карт межевого ведомства / сост. П. П. Левитский. М., 1914.

не исчезло еще сознание принадлежности их к русскому племени (Сотаки, Цеперяки и Карпяки) <...> и, наконец, тех венгерцев Мараморошского, Бережского и Заболочского (Саболча) комитатов, на западе от гор. Густова, в которых не исчезло сознание принадлежности к «старой вере» и русскому («orosz») племени не только в Мукачевской и Пряшевской, но и в Гайду-Дорожской униатской епархиях за Карпатами⁴⁹.

Однако заметим, что не все из перечисленных топонимических названий отмечены на карте. Включая Угорскую Русь в общий географический план с Галицией и Буковиной, Вергун лишь в общих чертах описывает западные границы «Зарубежной Руси»:

...западную границу русского племени нужно вести <...> перевалив Карпатские горы, по Попраду и водоразделу притока Дуная р. Вага и западных притоков реки Тиссы до города Токая, восточной границей — истоки реки Вышевой, притока Тисы⁵⁰.

***

Д. Н. Вергун визуализировал с помощью карт информацию не только в своих печатных работах (кроме приведенных можно упомянуть вышедшую в 1911 г. брошюру «Россия и Турция. Взаимные отношения. Войны. Нынешнее положение Турции»⁵¹), но и в своих выступлениях, о чем свидетельствуют, например, стенографические отчеты заседаний «Общества Славянской Взаимности»⁵².

Карты Д. Вергуна не существовали отдельно, они всегда были привязаны к тексту. Карты и тексты, составленные им и его единомышленниками, дополняя друг друга, воспроизводят информацию, формирующую четкое представление у читателей о территории «Зарубежной Руси». Ни карты, ни тексты, взятые по отдельности, не способны структурировать воображение читателей в полном объеме, в задуманном авторами ракурсе, так, как это делает комплексная репрезентация. Комбинация текстовой и картографической информации способствует формированию более четкого образа пространства, причисляемого к исконно русским землям.

REFERENCES

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2016. (in Russ.).

Blagodatskih I. M. [Bukovina in Russian-Romanian relations during the First World War]. *Rusin* [Rusin], 2006, no. 1 (3), pp. 66–81. (in Russ.).

Fominykh S. F., Zinov'ev V. P. [The Magazine "Slavic Century" as a Source for the History of the Rusins]. *Rusin* [Rusin], 2015, no. 1, pp. 83–94 (in Russ.).

Harley J. Cartography, ethics and social theory. *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*, 1990, no. 27, pp. 1–24. (in English).

Harley J. Deconstructing the Map, *Cartographica. The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*, 1989, no. 26, pp. 1–20. (in English).

Klippel A. *Mental maps. Encyclopedia of Geography*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, 2010. Available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed: 19.03.2020). (in English).

Miller A. I. [The mental maps of the historian. And the associated dangers]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes]. Moscow: Nauka Publ., 2002, no. 5 (123), pp. 323–333. (in Russ.).

Miller A.I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. (in Russ.).

⁴⁹ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? С. 12.

⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵¹ Вергун Д. Н. Россия и Турция. Взаимные отношения. Войны. Нынешнее положение Турции. СПб., 1911. С. 31.

⁵² Война на Балканах. Стенографический отчет торжественного публичного заседания Общества Славянской Взаимности в зале Дворянского Собрания 22 Октября 1912 г. СПб., 1912. С. 16, 17.

Nacu A. *Atlas istoric al Bucovinei* [Historical Atlas of Bukovina]. București: Editura Academiei Române, 2018. Available at: https://www.academia.edu/37124727/Atlas_istoric_al_Bucovinei_Historical_atlas_of_Bukovina_Bucure%C8%99ti_Editura_Academiei_Rom%C3%A2ne_2018 (accessed: 01.12.2021). (in Romanian).

Popovkin A. A. *Slavyanskije blagotvoritelnye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge: 1858–1921 gg.: kand. diss.* [Slavic charitable societies in Moscow and St Petersburg: 1858–1921: Diss. Cand.]. Voronezh, 2013. (in Russ.).

Schenk F. B. [Mental maps: construction of geographical space in Europe]. *Politicheskaya Nauka* [Political science], 2001, no. 4, pp. 4–17. (in Russ.).

Sulyak S. G. [On the Carpathian Rus' Terminology], *Rusin* [Rusin], 2019, no. 55, pp. 272–316. (in Russ.).

Tuan Y.-F. Images and mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, 1975, vol. 65, no. 2, pp. 205–213. (in English).

Vinogradov V. N. *Rumyniya v gody Pervoj mirovoj vojny* [Romania during the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

УДК 94(470.314)“14/16”

Беляков Андрей Васильевич

д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0001-8588-9192

E-mail: belafeb@gmail.com

Открывая Мещеру

(рецензия на кн.: Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века).

Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. 316 с.)

АННОТАЦИЯ. До настоящего времени мы не совсем понимаем, как организовывалось управление Московского государства в регионах с преимущественно неправославным населением. Рецензируемая монография приоткрывает некоторые аспекты управления Восточной Мещерой в XV — начале XVII вв. В своем исследовании авторы сконцентрировали внимание, в первую очередь, на таком явлении, как «мордовские князья». Это татарская знать, которой за службу жаловались доходы с определенной части мордвы (мордовских беляков). Благодаря комплексному исследованию документов, в том числе из региональных архивов, привлечению картографического материала, а также сообщений европейских и восточных авторов, удалось создать целостную картину событий, развивавшихся в изучаемом крае на протяжении более 150 лет. Исследователи аргументированно доказывают, что Москва на подобных территориях не стремилась к быстрому слову прежних моделей управления, а органично вписывала их в новые условия. Изменения могли накапливаться постепенно, почти незаметно для представителей одного поколения. Хотя в конечном итоге прослеживается стремление к унификации общегосударственной системы управления. Ценность сделанных исследователями наблюдений возрастает благодаря тому, что полученная картина управления регионом Восточной Мещеры, с отдельными поправками, может быть применима как базовая модель для изучения других районов Среднего Поволжья с преобладающим нерусским (неправославным) населением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мещера, «мордовские князья», служилые татары, мордва, беляк, Темников, Русское государство XV–XVII вв.

Для цитирования: Беляков А. В. Открывая Мещеру (рецензия на кн.: Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. 316 с.) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 128–137.

REVIEWS AND DISCUSSIONS

УДК 94(470.314)“14/16”

Andrey V. Belyakov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0001-8588-9192

E-mail: belafeb@gmail.com

Discovering the Meshchera

(Review: Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries).

Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, 2021. 316 p.)

ABSTRACT. Until now, we do not really understand how the administration of the Moscow state was organized in regions with a predominantly non-Orthodox population. The monograph under review reveals some aspects of the management of the Eastern Meshchera in the 15th — early 17th centuries. In their research, the authors focused primarily on such a phenomenon as “Mordovian princes”. They were the Tatar nobility, who received income from a certain part of the Mordovians (Mordovian belyaks) for their service. Thanks to a comprehensive study of documents, including those from regional archives, the use of cartographic materials, as well as European and Eastern authors’ reports, it was possible to create a holistic picture of the events that developed in the region under study for over 150 years. The researchers prove quite reasonably that Moscow in such territories did not strive for a quick breakdown of the previous management models, but organically fit them into new conditions. Change could have accumulated gradually, almost imperceptibly for members of the same generation. Although, in the end, the desire to unify the nationwide management system can be traced. The value of the observations made by the researchers increases due to the fact that the obtained picture of the management of the Eastern Meshchera region, with some amendments, can be used as a basic model for studying other regions of the Middle Volga region with a predominantly non-Russian (non-Orthodox) population.

KEYWORDS: Meshchera, “Mordovian princes”, service Tatars, Mordovians, belyak, Temnikov, Russian state of the 15th–17th centuries

For citation: Belyakov A. V. Discovering the Meshchera (Review: Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries). Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, 2021. 316 p.) // Historical Geography Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 128–137.

В последнее время наметился устойчивый интерес к изучению регионов Московского государства XV–XVII вв. с преимущественно нерусским (неправославным) населением. Исследователи рассматривают историю вхождения подобных территорий в состав Русского государства, а также особенности внутреннего управления этими землями. Главной трудностью здесь остается плохая сохранность документов. Частично исправить такое положение с источниковой базой можно поиском аналогий изучаемых процессов на схожих территориях. Среди всех регионов Поволжья с преобладанием неправославного населения особое место занимает регион Мещера. По нему имеется вполне репрезентативный набор разноплановых архивных документов, картографический материал, свидетельства восточных и европейских путешественников, данные археологических раскопок. Как следствие, возникает возможность довольно подробно исследовать жизнь этого края в рассматриваемый период. Полученные данные можно частично переносить на схожие по составу населения регионы Поволжья, а также территории Зауралья. Тем самым Мещера в определенном смысле становится «эталонным» краем для исследования процессов, протекавших на землях со схожими условиями. Благодаря этому картина инкорпорации присоединяемых к Москве территорий на востоке становится более детальной и целостной.

Понятно, что здесь требуется, в первую очередь, создать картину процессов, проходивших в Мещере. Различные аспекты данного вопроса в разное время поднимались М. М. Акчуриным¹, А. В. Беляковым², В. В. Вельяминовым-Зерновым³, А. А. Гераклитовым⁴, А. В. Дедуком⁵, Д. М. Исхаковым⁶, М. Г. Сафаргалиевым⁷, Ф. Л. Шарифуллиной⁸, П. Н. Черменским⁹ и другими исследователями. И вот коллектив из трех авторов, М. М. Акчурина, М. Ишеева и А. Абдиева, написал монографию под заголовком «Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века)». В ней предпринята попытка раскрыть механизмы управления территорией, заселенной по преимуществу татарами и мордвой¹⁰. За основу исследования взято диссертационное сочинение М. М. Акчурина «Административно-территориальное устройство Мещеры XV — начала XVII веков (этнополитический аспект)»¹¹. Однако оно в значительной степени было переработано и дополнено рядом новых сюжетов.

В центре внимания исследователей, в первую очередь, находится регион Восточной Мещеры, охватывающий территорию современной Республики Мордовия. Кроме того, авторы рассматривают и иные земли, входившие в состав Мещеры, от г. Касимова до р. Суры и от р. Оки до севера современных Тамбовской и Пензенской областей, а также территорию бывшего Алатурского уезда.

¹ Акчурин М. М. Административно-территориальное устройство Мещеры XV — начала XVII веков (этнополитический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.

² Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1; СПб., 1864. Ч. 2; СПб., 1866. Ч. 3; СПб., 1887. Ч. 4.

⁴ Гераклитов А. А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. Саратов, 1930. Т. 8. Вып. 2.

⁵ Дедук А. В. К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV — первой половине XV вв. // Studia historica eurgorae orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2014. Вып. 6. С. 163–178; Он же. К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV–XV вв. // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 117–128.

⁶ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волгоуральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.

⁷ Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24. С. 64–79. Он же. Присоединение мордвы к централизованному государству // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск, 1964. Вып. 27. С. 3–25.

⁸ Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX — начала XX веков. Рязань, 2004.

⁹ Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 3–11.

¹⁰ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань, 2021.

¹¹ Акчурин М. М. Административно-территориальное устройство...

Отметим широкую базу источников, привлеченных исследователями. Помимо работ предшественников и ранее опубликованных документов они активно использовали архивные материалы Российского государственного архива древних актов, дополненных сведениями из региональных архивохранилищ Астраханской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и Республики Мордовия. Для исследования истории края были привлечены данные, приводимые восточными авторами, родословными росписями (шеджере), а также картографические материалы европейских путешественников. Также использовались возможности, которые дает ДНК-анализ. Он, в частности, позволил проверить ряд легенд о происхождении некоторых мещерских родов. В результате авторы создали целостную картину процессов, проходивших в крае.

В одной монографии трудно рассмотреть все аспекты политической, экономической и социальной истории жизни Мещеры за столь продолжительный период времени. Поэтому исследователи, в первую очередь, остановились на проблеме «мещерских князей». Помимо этого ими затрагивается целый ряд смежных вопросов. Благодаря предшествующей историографии Мещера устойчиво ассоциируется с так называемым Касимовским царством. До настоящего времени не изжито представление о том, что это образование располагалось на всей территории края. Однако, как показал анализ широкого круга источников, это утверждение ошибочно. Документы «молчат» о подобном образовании. Исследователи приходят к выводу, что «Царевичев городок» («Мещерский юрт») и Мещера не тождественные понятия. Первое только входило во второе как составная часть¹². А вот заявление о том, что на территории Западной Мещеры на настоящее время нам неизвестны мордовские поселения, с которых касимовские (городецкие) Чингисиды могли собирать ясак¹³, требует дополнения. По сведениям археологии, славянское население в районе будущего Касимова появилось только в XII в., и первоначально оно проживало в финно-угорском окружении, которое постепенно ассимилировалось. Действительно, на территории Касимовского и Елатомского уездов на рубеже XVI–XVII вв. мордва не фиксируется. Но это совсем не значит, что ее там не было ранее¹⁴. Она вполне могла принять православие и русифицироваться или же перебраться на восток, где русское влияние было не столь заметно. Здесь требуются дополнительные исследования. Очень осторожно следует относиться и к вопросу о том, какие категории населения ведались касимовскими Чингисидами. Здесь мы располагаем документальными данными на начало XVII в. с экстраполяцией на более ранний период. Авторы утверждают, что царь Арслан б. Али имел право суда над следующими жителями города и уезда: в Касимове посад с русским населением, татарскую слободу и старый посад, где также проживали татары; в Касимовском уезде — деревни, где проживали татары Царева и Сеитова полка; русское население сел и деревень Касимовского и Елатомского уездов, пожалованных Чингисиду в поместье¹⁵. На самом деле ситуация выглядела несколько иначе. По жалованной грамоте и более поздним документам касимовский царь только получал в свою пользу судебные пошлины, суд же осуществлял касимовский воевода. При этом если татары судились с русскими людьми, то пошлины собирались на московского государя¹⁶.

Авторы не могли не коснуться и других проблем исторической географии Мещеры. Они четко делят регион на западную и восточную части. Если первая, по их мнению, изначально контролировалась русскими князьями, то вторая длительное время представляла собой внутренний регион Золотой Орды. С этим трудно не согласиться. Однако в рецензируемой работе отсутствует более детальное рассмотрение этих частей по отдельности. Поэтому возникают отдельные

¹² Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 42.

¹³ Там же. С. 43–45.

¹⁴ Челяпов В. П. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: историко-археологическое исследование и материалы. М., 2005. С. 413–426.

¹⁵ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 46–50.

¹⁶ Беляков А. В. Касимов после Смутного времени (по документам РГАДА) // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 31–38; Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 407, 408, 421.

ошибки и неточности. Так, авторы «забыли» или же не попытались объяснить отсутствие упоминаний в источниках XVI в. Елатомского уезда¹⁷. Также трудно согласиться с утверждением о том, что в XVI в. Западная Мещера уже «представляла собой сформировавшуюся административную область с внутренним волостным делением»¹⁸. Край находился только на стадии территориального становления. Даже в XVII в. в Мещере отсутствовало сплошное деление на волости. На самом деле это были только вкрапления бывших великокняжеских (царских) вотчин в общий земельный массив. Неубедительными выглядят рассуждения о принадлежности Андреева городка на рубеже XIV–XV вв. к Москве¹⁹. Этот город, по-видимому, длительное время был административным центром будущего малого Шацкого уезда (Подлесный стан Мещерского уезда). В конце XV в. земли в нем чересполосно принадлежали рязанским князьям Ивану и Федору Васильевичам. Ивану III эта часть Мещеры досталась только в 1503 г. по завещанию своего племянника Федора Васильевича Третнего. Следовало указать, что граница между Западной и Восточной Мещерой условно проходила по рекам Цне и Мокше. Авторы обоснованно считают, что это также граница между русскими княжествами и Золотой Ордой. Но утверждение о том, что за этой линией начинались мордовские земли²⁰, требует дополнительного разъяснения. Мордва жила по обе стороны этой границы. В своем исследовании авторы концентрируют свое внимание в первую очередь на изучении западной части — Замокошском стане Шацкого уезда, где со временем формируются Кадомский и Темниковский уезды²¹. Факт завещания территории Подлесного стана очень важен для нас. Дело в том, что мы вправе поставить вопрос: служилые татары, упоминаемые здесь с 1508 г.²², появились в этой части Мещеры после присоединения к Москве или же ранее они служили рязанским князьям?

Под «мордовскими князьями», по мнению авторов, следует понимать представителей тюркской родоплеменной аристократии; они имели более высокий статус по сравнению с мордовской родоплеменной знатью²³. За службу князьям жаловали наследственные доходы с тех или иных мордовских беляков. Первоначально это были как прямые подати (ясаки), так и судебные пошлины. Также они осуществляли суд над подведомственным населением. Одновременно с пожалованием того или иного беляка мирза получал пожизненное княжеское достоинство. Но мордва сохраняла самостоятельность во внутреннем управлении и автономность при участии в военных кампаниях. Изначально князем становился старший в роду. Все остальные представители семьи оставались мирзами. Но постепенно закрепилось наследование старшим сыном за своим отцом. Исследователи выявили явные параллели между «мордовскими князьями» и беками в постордынских государствах. В то же время «мордовские князья» напоминали собой наследственных пожизненных наместников или же волостелей. А вот предложенное их сходство с русскими удельными князьями как минимум требует дополнительной аргументации²⁴. То же относится и к утверждению о тождестве «беляка», «княжения» и «отчины»²⁵. Прекращение подобных пожалований произошло в царствование Федора Ивановича, хотя и возобновилось на короткий период в эпоху Смуты²⁶. Очень интересно замечание авторов о том, что московские государи при продвижении на восток строили свои взаимоотношения с народами, ранее входившими в состав Золотой Орды, на

¹⁷ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Беляков А. В. Историческая география Мещеры... С. 72–85.

²² Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 52.

²³ Демидов А. Н. Еделевский список сберегательной памяти царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам 1572 г. // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 29–41.

²⁴ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 62–74.

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Там же. С. 98–100.

основе еще ордынских принципов²⁷. При этом остается вопрос: осознавали ли это в Москве, или же действовали по привычной для них схеме? В настоящее время мы находимся в самом начале исследований в этом направлении²⁸.

Исследователи делают попытку выявить систему или же отдельные элементы управления в рассматриваемом регионе. В частности, авторами было установлено, что упоминание князем представителя того или иного мещерского мирзинского рода в XVI в. является прямым указанием на обладание ими некоего родового «княжения»²⁹. Здесь, однако, следует помнить, что в начале XVII в. от отдельных княжеских родов начинают отпочковываться новые без пожалования их представителя княжением над мордвой. Со временем этот процесс стал набирать обороты. К концу XVII в. одновременно в Мещере фиксируется до 40 княжеских родов. Очень интересным и до конца не понятым является наблюдение о том, что отдельные беляки, расположенные в разных частях региона, могут иметь одинаковое название³⁰. Возможно, эти примеры указывают на дробление разросшихся в свое время беляков или на постепенную миграцию части мордовского населения на новые территории. Исследователи рассматривают беляки как своеобразные ясачные и административно-судебные округа. Но при этом не пытаются анализировать это явление как изначально разросшиеся коллективы родственников. На это, в частности, указывают однотипные по набору элементов и подчиненные единому закону построения бортных знамен, фиксирующиеся на территории одного беляка. Приравнение беляка к волости, на наш взгляд, выглядит несколько поспешным. При этом исследователи отмечают, что мордва управлялась сотниками, выбиравшимися из их среды. В их функцию, в частности, входил сбор налогов, которые требовалось передать специальному должностному лицу, назначаемому из русских служилых людей, — мордовскому приказчику. Он, в свою очередь, передавал фиксированную часть ясака конкретному мордовскому князю. Факты владения татарами мордовскими дворами и пашней неизвестны. Это позволяет исследователям не рассматривать «княжения» / беляки как некие «государственные» образования³¹. О том, как регламентировалась жизнь в подобных «княжениях», по-прежнему нам почти ничего неизвестно. Хотя постепенно открываются все новые и новые сведения об этом. Авторы обнаружили интересное упоминание, относящееся к Арзамасскому уезду. Кормленщику Н. П. Клементьеву в 1585 г. судом было подвластно все уездное население «опричь бортников и мордвы, а бортников и мордву судити в розбое и в душегубстве в тадыбе с поличным»³². На самом деле ситуация усложняется еще более, если принять в расчет, что бортники являлись представителями русского населения. Возможно, подсказка к разгадке этого казуса кроется в свидетельстве, относящемся уже к Алаторскому уезду. 19 мая 1635 г. в Алатырь по челобитью татар Баймамета Байкеева с товарищами была послана грамота, по которой «велено их судить на Алатаре, а по селам и деревням не судить»³³. Данное сообщение важно по двум позициям. Во-первых, это прямое указание на некий суд, который мог проходить непосредственно по месту жительства («по селам и деревням»). Он, по-видимому, мог осуществляться абызами (хафизами) и затрагивал, скорее всего, брачные и имущественные отношения. Во-вторых, данный суд был отменен по просьбе самих татар. Значит, в какой-то момент они посчитали, что воеводский суд для них более выгоден. Здесь требуется искать новые исторические свидетельства. Пока же мы можем говорить о том, что в регионе для отдельных категорий населения длительное время существовал особый суд по незначительным, с точки зрения центральной власти, делам.

²⁷ Там же. С. 74–76.

²⁸ Беляков А. В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211.

²⁹ Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 84–85.

³⁰ Там же. С. 82–83, 90–91.

³¹ Там же. С. 93–94.

³² Там же. С. 96.

³³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 23. Л. 174.

Тема суда над отдельными категориями населения Мещеры поднимается в исследовании еще раз. На этот раз это право «судить и ведать» всех проживавших в Темникове татар князьями Еникеевыми. Этот факт автоматически делает этот род главным в регионе. Однако исследователи относят данный род к тем же «мордовским князьям», хотя и наделенным наместничьими функциями по отношению к иным татарам края. Причина этого кроется в том, что в грамоте о пожаловании «татарским судом» ничего не говорится о пожаловании княжеского достоинства³⁴. Позволим не согласиться с этим утверждением. Еникеевы в XVI и даже в XVII в. имели ряд привилегий, отсутствовавших у иных местных князей: обладали наследственным правом на кабацкие доходы и судебные, торговые пошлины (пятно), полавочное; на их имя шли в город грамоты о встрече и проводе ногайских посольств; они имели возможность в отдельных случаях самостоятельно испомещать темниковских служилых татар; длительное время осуществляли командование над местной татарской служилой корпорацией. Данные факты скорее говорят о наличии на раннем этапе у этой семьи определенных черт удельных правителей, а не просто татарских наместников. Постепенно эти права сокращались, но не исчезли окончательно даже в конце XVII в.³⁵

Очень важен раздел, посвященный отдельным княжеским родам. Здесь анализируется информация по сохранившимся или же упоминаемым жалованным грамотам и иным документам, относящимся к 17 татарским княжеским родам из Восточной Мещеры³⁶. Отдельно рассматриваются этнические «мордовские князья» Арзамасского уезда³⁷ и некоторые княжеские роды из Касимова³⁸. Исследователи анализируют родословные темниковских татарских родов, зафиксированные в начале XVIII в. монахами Саровского монастыря. При этом привлечение данных ДНК-исследований ныне живущих потомков этих родов позволило им подтвердить в целом правдивость монастырских записей и создать ДНК-схему родственных связей основных княжеских родов Восточной Мещеры³⁹. В работе, однако, явно не хватает еще одной схемы, показывающей на то, как происходило отпочкование от основных родовых стволов новых княжеских родов. Хотя этому имеется объяснение. Наиболее активно эти процессы протекали уже в XVII в., а он, по большей части, остался за рамками рецензируемого исследования.

Также в монографии рассматривается краткая история отдельных «татарских» городов Мещеры и прилегающих территорий, где фиксируется значительное количество служилых татар в XVI–XVII вв.: Темникова, Старого Темникова, Итяковского городища, Кадома, Саконы, Андреева городка каменного, алаторских татар. При этом приводимые исследователями сведения наглядно показывают на примере Алаторского уезда, как излишнее население из региона Мещеры заселяло близлежащие территории. Также для понимания социальной структуры Московского государства рассматриваемого периода важно наблюдение о существовании в Алаторском уезде такой категории неслужилых татар, как «захребетники». Это, по-видимому, ближайшие родственники служилых татар, являвшиеся своеобразным кадровым резервом для замены выбывших служилых родственников. При этом подобная ситуация, похоже, не уникальна для этого региона. Подобное явление фиксируется и в Тюменском уезде⁴⁰.

Исследователи поднимают и такой вопрос, как материальное содержание служилых татар. Помимо ясака, который получала только верхушка татар, оно состояло в Мещере из поместной пашни и вотчин бортных ухажеев. Последние представляли собой лесные массивы, пригодные

³⁴ Акчурина М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 186–191.

³⁵ Беляков А. В. Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII вв. Калуга, 2020. С. 737–758.

³⁶ Акчурина М., Ишеев М., Абдиев А. Указ. соч. С. 100–158.

³⁷ Там же. С. 150–167.

³⁸ Там же. С. 168–184.

³⁹ Там же. С. 107–118, 238–241, 311–313.

⁴⁰ Там же. С. 192–218.

для бортничества (сбора меда диких пчел). До настоящего времени не был известен механизм пересчета бортных ухажеев в поместную пашню, как и не было понятно, осуществлялся ли он на практике. Авторам удалось найти документ, упоминающий мордовскую вотчину бортный ухажей, с которой в казну следовало ежегодно отдавать пуд меда верхового оброка, приравнивающегося к «сайдаку» у служилых татар. Под последним логично видеть набор вооружения конного лучника. Тем самым можно предположить, что с вотчинной доли, равной одному саадаку, служилые татары должны были выставлять даточного воина. Конечно же, в этом вопросе еще есть много непонятого. Но данная находка очень важна для понимания того, как материально обеспечивалась государева служба мещерских татар⁴¹. Однако, размышляя о взаимосвязи татарских поместий и вотчин бортных ухажеев, авторы допустили явную неточность. Они утверждают, что знатные татары стремились получить поместную пашню в пределах своих лесных вотчин⁴². На самом деле ситуация была несколько иной. Пашня распахивалась ими в собственных вотчинах, а при очередном поместном описании эта земля переводилась в поместье. К тому же, если реальное землевладение того или иного служилого татарина оказывалось больше его поместного оклада, то часть этой земли отписывали на государя.

В заключение авторы предприняли попытку установить, когда Восточная Мещера попала в сферу влияния Москвы. По их мнению, это не было одномоментным событием. Влияние в регионе возрастало постепенно между 1430-ми и 1480-ми гг. При этом, по мнению исследователей, до гибели хана Ахмада в 1481 г. западные мордовские земли признавались частью Большой Орды⁴³.

В приложении к исследованию приводятся тексты жалованных грамот XVI — начала XVII в. татарским князьям на княжение в Мещере. При этом часть из них публикуется впервые.

Подводя итог, следует констатировать, что авторам удалось создать аргументированную авторскую концепцию событий, протекавших в XV — начале XVII вв. на территории Восточной Мещеры. Да, с отдельными их построениями и выводами можно спорить. Однако получившиеся результаты в любом случае следует учитывать при дальнейшем изучении края в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового Времени. Хочется надеяться, что авторский коллектив продолжит исследование этого региона. А сделанные нами замечания помогут им лучше увидеть отдельные недостаточно проработанные сюжеты. Если же говорить о недостатках рецензируемой монографии, то к ним следует отнести отсутствие именного и географического указателей. Также авторам не удалось избежать некой очерковости. Отдельные сюжеты, в первую очередь о формах жалования за службу и татарских подписях на грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича, выглядят неорганично. Этого можно было бы избежать при несколько иной компоновке текста.

Мы отмечали, что представления о процессах, протекавших на просторах Мещеры XV–XVII вв. можно отчасти переносить на иные территории со схожими условиями. И вот получены первые данные, подтверждающие нашу правоту. Ситуация в Свияжском уезде во второй половине XVI в. в значительной степени напоминает то, что мы наблюдаем в Мещере, хотя и с наличием определенного числа местных особенностей⁴⁴. Это лишний раз доказывает, что рецензируемая книга имеет важное значение для изучения не только Мещеры, но и иных территорий, присоединенных к Москве в XV–XVII вв. Она позволяет вновь открыть их, извлечь из небытия прошлого.

⁴¹ Там же. С. 218–226.

⁴² Там же. С. 224.

⁴³ Там же. С. 242–249.

⁴⁴ Акчурин М. М., Владимиров О. О. О месте татарской аристократии в системе управления горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI — начало XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 154–183.

REFERENCES

Akchurin M. M. [About the place of the Tatar aristocracy in the management system of the mountainous side (Sviyazhsky district). Second half of the 16th — early 17th centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2022, vol. 10, no. 1, pp. 154–183. (in Russ.).

Akchurin M. M. *Administrativno-territorialnoe ustrojstvo Meshchery XV — nachala XVII vekov (etnopoliticheskij aspekt): kand. diss.* [Administrative-territorial structure of the Meshchera of the 15th — early 17th centuries (ethnopolitical aspect): Diss. Cand.]. Moscow, 2019. (in Russ.).

Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. *Epokha tatarskikh knyazej v Meshchere (XV–XVII veka)* [The era of the Tatar princes in the Meshchera (15–17th centuries)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2021. (in Russ.).

Belyakov A. V. [Diplomas of commendation for the golden seal: the history of existence and the area of distribution (on the Horde succession in the matter of investiture)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review], 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. (in Russ.).

Belyakov A. V. [Historical geography of Meshchera of the 14th–17th centuries]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 1, pp. 72–85. DOI: 10.31857/S086956870004242-7 (in Russ.).

Belyakov A. V. [Kasimov after the Time of Troubles (according to RGADA documents)]. *Ryazanskaya vivliofika* [Ryazan vivlifika]. Ryazan: Aleksandr Rutman Publ., 2001, vol. 2, pp. 31–38. (in Russ.).

Belyakov A. V. [Princes Enikeevs and the town of Temnikov in the 15th — 17th centuries.]. *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV–XVII veke* [On the way to the states of modern times: West and East of Europe at the end of the 15th–17th centuries]. Kaluga: Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2020, pp. 737–758. (in Russ.).

Chelyapov V. P. [Old Russian monuments in the North-East of the Ryazan land]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 413–426. (in Russ.).

Chermenskij P. N. [From the history of feudalism in Meshchera and Mordva]. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1963 g.* [Archaeographic Yearbook 1963]. Moscow: Nauka Publ., 1964, pp. 3–11. (in Russ.).

Deduk A. V. [On the issue of political affiliation and the status of Meshchera in the 14th — first half of the 15th centuries]. *Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy* [Studia historica europae orientalis]. Minsk: RIVSH Publ., 2014, iss. 6, pp. 163–178. (in Russ.).

Deduk A. V. [On the question of the location of the “places of the Tatar and Mordovian” of Moscow-Ryazan treaty letters of the 14th–15th centuries]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus’]. Moscow: Indrik Publ., 2016, iss. 12, pp. 117–128. (in Russ.).

Demidov A. N. [The “Edelevsky” list of the “protective memory” of Tsar Ivan Vasilyevich to the Mordovian Princes and Murzes in 1572]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2020, vol. 12, no. 1, pp. 29–41. (in Russ.).

Geraklitov A. A. *Arzamasskaya mordva po pistsovyim i perepisnym knigam XVII–XVIII vv.* [Arzamas Mordovians according to scribes and census books of the 17–18th centuries]. Saratov: Pravlenie Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1930, vol. 8, no. 2. (in Russ.).

Iskhakov D. M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (etnologicheskij vzglyad na istoriyu volgo-uralskikh tatar XV–XVII vv.)* [From the medieval Tatars to the Tatars of the Modern times (an ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries)]. Kazan: Master-Lajn Publ., 1998. (in Russ.).

Safargaliev M. G. [Accession of the Mordovians to the centralized state]. *Trudy Mordovskogo NIIYALIE* [Proceedings of the Mordovian NIIYALIE]. Saransk: b. i., 1964, vol. 27, pp. 3–25. (in Russ.).

Safargaliev M. G. [On the history of the Tatar population of the Mordovian ASSR (about the Mishars)]. *Trudy Mordovskogo NIIYALIE* [Proceedings of the Mordovian NIIYALIE]. Saransk: b. i., 1963, vol. 24, pp. 64–79. (in Russ.).

Sharifullina F. L. *Kasimovskie tatary. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie traditsionnoj narodnoj kultury serediny XIX — nachala XX vekov* [Kasimov Tatars. Historical and ethnographic study of traditional folk culture of the mid-19th — early 20th centuries]. Ryazan: b. l., 2004. (in Russ.).

Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 2018. (in Russ.).

УДК 94(470)“14”:913

Шеков Александр Владимирович

к.и.н., доцент, независимый исследователь (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

**О датировке новосильско-литовского договора
середины XV в. в свете исторической географии**

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является критика аргументов Р. А. Беспалова в пользу датировки известного в науке новосильско-литовского договора не 1442, а 1447 г. Хронология договора важна для понимания границ распространения московского и литовского сюзеренитетов в годы феодальных войн на Руси и в Литве во второй трети XV в. Для обоснования датировки договора важны сведения о пожалованиях великим князем литовским владений в смоленской волости Демена. Эти сведения известны из регистрационных записей в Литовской Метрике. Специфика источника не позволяет понять в ряде случаев, менялся ли владелец волости либо речь шла о доле владении ею. По другим актам известно, что система земельных пожалований великих князей литовских верхнеокским князьям в XV в. предполагала доленое владение волостями в качестве феодалов, сочеталась с системой субвассалитета. Кроме того, историкам известен феномен королевских заочных листов, когда одно имение могло быть пожаловано разным лицам в короткие сроки. Поэтому мнение Р. А. Беспалова о том, что ряд пожалований в волости Демене не мог быть сделан в сравнительно короткие сроки (1440–1442 гг.), не является серьезным доводом в пользу более поздней датировки названного договора — 1447 г. Предположение исследователя о переходе князя Ф. Л. Воротынского под власть литовского сюзерена только в начале 1447 г. не подтверждается текстом московско-литовского договора 1449 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новосильско-литовский договор, палеография, великий князь литовский, князь Воротынский, Воротынское княжество

УДК 94(470.5)''17/19'':930.25

Alexander V. Shekov

Candidate of Historical Sciences (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

**On the dating of the Novosilsk-Lithuanian Treaty
of the mid-15th century in terms of historical geography**

ABSTRACT. The paper criticizes R. A. Bepalov's arguments that the well-known Novosilsk-Lithuanian treaty should be dated not to 1442 but to 1447. The chronology of the treaty is important for understanding the boundaries of the spread of Muscovite and Lithuanian suzerainties during the feudal wars in Russia and Lithuania in the second third of the 15th century. To substantiate the dating of the treaty, information about the granting of possessions in the Smolensk Volost of Demena by the Grand Duke of Lithuania is important. This information is known from the registration records in the Lithuanian Metrica. The specifics of the source make it impossible to understand in a number of cases whether the owner of the volost changed or whether it was about fractional ownership of it. According to other acts, it is known that the system of land awards of the Grand Dukes of Lithuania to the Upper Oka princes in the 15th century assumed shared ownership of volosts as feuds, combined with a system of subvassalities. In addition, historians know the phenomenon of royal absentee lists, when one estate could be granted to different persons in a short time. Therefore, R. A. Bepalov's opinion that a number of awards in the Demene volost could not be made in a relatively short time (1440–1442) is not a serious argument in favor of the later dating of the treaty — 1447. R. A. Bepalov's assumption about the transition of Prince F. L. Vorotynsky to the rule of the Lithuanian overlord only at the beginning of 1447 is not confirmed by the text of the 1449 Moscow-Lithuanian treaty.

KEYWORDS: Novosilsk-Lithuanian treaty, paleography, Grand Duke of Lithuania, Prince Vorotynsky, Vorotynsk principality

Опубликованная в 2019 г. статья Р. А. Беспалова¹ посвящена важной источниковедческой проблеме — уточнению датировки хорошо известного в науке договора о признании князем Федором Львовичем Новосильским, Одоевским и Воротынским литовского великого князя Казимира своим сюзереном². Федор Львович был одним из известных удельных князей Верхнего Поочья XV в., потомком черниговских Рюриковичей. Верхнеокские князья достаточно долго сохраняли феодальную независимость своих владений, «лавируя» между московским и литовским сюзеренами³. Федору Львовичу принадлежали не только Воротынский удел, но и доли-«жеребья» в волостях Новосили и Одоева⁴. Поэтому с точки зрения исторической географии названный договор позволяет уточнить хронологию борьбы за русские земли между Москвой и Вильно.

Самый ранний список договора сохранился в списке Литовской Метрики конца XVI в.⁵ Остальные известные списки вторичны по отношению к указанному. Хотя в дошедшем тексте договора написано о его составлении 20 февраля 1447 г., индикта 5 буквенной цифирью, год не соответствует индикту⁶. Так как для писцов литовской великокняжеской канцелярии эпохи правления Казимира основным способом датировки было указание номера индикта, публикаторы и исследователи, как правило, датировали интересующий нас акт не 1447, а 1442 г.⁷ Об этом сравнительно подробно впервые написал М. М. Кром⁸ во втором издании своего известного исследования, что, к сожалению, не отмечено Р. А. Беспаловым.

Тем не менее автор статьи первым из исследователей достаточно подробно описал историю публикаций списков названного договора⁹. Далее Р. А. Беспалов, во-первых, обращаясь к немногочисленным историческим свидетельствам о политической деятельности князя Федора Львовича Воротынского, во-вторых, используя наблюдения над текстом и палеографией списка акта, пытается опровергнуть его датировку 1442 г. в пользу датировки 1447 г.

Автор полагает, что примерно с 1436–1437 гг., после поражения Свидригайло в борьбе за великокняжескую власть в Литве и до начала 1447 г., князь Ф. Л. Воротынский был вассалом московского великого князя¹⁰. Однако единственное утверждение о службе князя Федора Воротынского среди других князей новосильско-одоевского дома великому князю Ивану III и его отцу содержится в протоколах речей Ивана III литовскому великому князю Казимиру 1490, 1492 гг.¹¹

Московский великий князь заявлял, «что нашим предним великим князем, да и литовским великим князем те князи на обе стороны служи(ли) с своими отчинами; а отцу нашему, великому князю, и нам и при самом короле тех князей деды и отцы служили с своими отчинами: князь Иван и князь Семен Одоевские, и князь Феодор Воротынский и Белевские князи и их дети»¹². На чем было основано это утверждение в отношении воротынского князя, неясно. Достоверно вассалом московского великого князя Василия II князь Федор Львович был к моменту перехода под сюзеренитет великого князя Витовта летом 1427 г.¹³ А уже договор между воротынским князем и великим князем Казимиром был составлен «по князя великого Витовътову доконъчанью»¹⁴.

¹ Беспалов Р. А. О датировке докончания князя Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским Казимиром // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (77). 2019. С. 31–42.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 39. С. 117–118.

³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 43–50; Шеков А. В. Политическая история и география Веховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 177, 178, 184–192, 205–209, 235–242.

⁴ Шеков А. В. Политическая история... С. 205–207, 241, 243–245, 307, карта 3.

⁵ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506) / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993 (1994). Nr. 130. P. 247–248.

⁶ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 31–32.

⁷ Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1. С. 74.

⁸ Кром М. М. Указ. соч. С. 22.

⁹ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 31–32.

¹⁰ Там же. С. 34, 39.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. № 12. С. 51; № 16. С. 62.

¹³ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 31; Шеков А. В. Политическая история... С. 183–184.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты... № 39. С. 118.

В пользу своего мнения о московской службе князя Федора Львовича до начала 1447 г. Р. А. Беспалов привлекает сведения книги «земельных данин Казимира» (книга записей 3) из состава Литовской Метрики о ряде великокняжеских пожалований в смоленской волости Демена, которой в том числе владел воротынский князь. В итоге исследователь приходит к выводу, что со времени установления власти Казимира над Смоленской землей в конце 1440 г. и до предполагаемого признания князем Ф. Л. Воротынским сюзеренитета литовского великого князя в начале 1442 г. в волости Демена не могло смениться столько владельцев¹⁵.

Однако, во-первых, мнение автора статьи о том, что Демена была пожалована Федору Львовичу сразу после перехода под власть Казимира, представляется слишком категоричным. Это пожалование могло произойти и позже. Во-вторых, еще в 2012 г. автор этих строк писал о книге «данин Казимира»: «К сожалению, специфика используемого источника, где представлены не тексты пожалований, а лишь их регистрационные записи, не позволяет понять в ряде случаев, менялся ли владелец волости либо речь шла о долевом владении волостью»¹⁶. Например, 28 марта 1455 г. король Казимир подтвердил более ранние земельные пожалования «у вотчину» князю Федору Львовичу Воротынскому, уточнив, что жалует их и «его детям»¹⁷. Кроме Немчиновского двора в Смоленской державе и волостей, пожалованных в 1448 г., в королевской грамоте 1455 г. названы еще волости: Краишина, Кцин, Озереск, Перемышль, Логинеск.

Волость Кцин(ь) была значительно удалена от Воротынска к юго-западу и локализуется по с. Кцынь на р. Рессета (правый приток р. Жиздра). Кцин(ь) находилась между Карачевом и Козельском и очевидно первоначально относилась к числу волостей Карачево-Козельского княжества¹⁸. Кцин(ь) «да Хвостовичи» к началу 1494 г. держал и звал «себе вотчиною» князь Дмитрий Федорович Воротынский, сын князя Федора Львовича¹⁹. Волость Хвостовичи, возможно, к концу XV в. выделась из волости Кцин(ь), так как современное с. Хвостовичи находится к юго-западу от с. Кцынь²⁰.

В мае 1497 г. литовский великий князь Александр писал великому князю Ивану III о нападении князя Д. Ф. Воротынского на села Смоленского повета «на имя Местилово, а Кцынь, а Хвостовичи», пожалованные к тому времени литовским великим князем Семену Ивановичу Можайскому²¹. В своей грамоте великий князь Александр сообщал, что эти села «подавал был князю Ивану Одоевскому, а потом детям его князю Михаилу а князю Феодору» еще король Казимир²². После смертей князей Михаила и Федора Ивановичей Одоевских села были отданы во владение князю С. И. Можайскому, вероятно, в 1496 г.²³ Однако московский служилый князь Д. Ф. Воротынский считал, что «те волости... издавна его», и не уступил их литовским наместникам²⁴.

Князь Иван Юрьевич Одоевский был двоюродным братом князя Федора Львовича Воротынского²⁵. Вероятно, Кцыню, как и Одоевым, они владели по долям (жеребьям)²⁶. В издании 2018 г. сделан более определенный вывод о том, что «система земельных пожалований великих князей литовских верховским князьям в XV в. предполагала долевое владение волостями в качестве феодалов,

¹⁵ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 35.

¹⁶ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 144.

¹⁷ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3 (1440–1498) / Par. L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius, 1998. P. 39.

¹⁸ Шеков А. В. Верховские княжества... С. 159.

¹⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 136.

²⁰ Шеков А. В. Верховские княжества... С. 159.

²¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 232.

²² Там же. С. 232; Кром М. М. Указ. соч. С. 52.

²³ Князя Ф. И. Одоевского не было в живых к 21 февраля 1496 г. (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. СПб., 1910. Т. 27. № 131. Стб. 650–651; № 133. Стб. 652–653), а князя М. И. Одоевского — к 27 июля 1495 г. (Акты Литовской метрики / собр. Ф. И. Леонтовичем. Варшава, 1896. Т. 1. Вып. 1. № 207. С. 81). Также см.: Кром М. М. Указ. соч. С. 160–161.

²⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 234, 247, 249, 256.

²⁵ Кром М. М. Указ. соч. С. 46, схема 2.

²⁶ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. 3. № 513. С. 426; Шеков А. В. Политическая история... С. 208.

сочеталась с системой субвассалитета»²⁷. Так, в пожаловании от 10 февраля 1448 г. короля Казимира князю Федору Воротынскому владений «у Смоленской державе» названы волости «Городечна, Сколуговичи, што было дано Ходыце Басичю»²⁸. Смоленская держава — это владения великокняжеского наместника в г. Смоленске и Смоленской земле как административно-территориальной единице Великого княжества Литовского. Волость Городечна локализуется по с. Городечня современной Смоленской области на р. Большая Ворона (правый приток р. Угра в ее верховье)²⁹.

Интересно, что пожалование «А Ходыце Басину Колуговичи у Городеченской волости до воли» датируется 7 января 1448 г.³⁰ Таким образом, либо волостка Колуговичи была передана от Ходыки Басича Федору Львовичу спустя чуть более месяца после королевского пожалования, либо, что более вероятно, речь шла о переподчинении держателя Колуговичей не королю, а князю Воротынскому. О том, что в составе волости Городечна были другие волости, можно судить по цитате из материалов московско-литовских переговоров 1494 г.: «Городеченская волость Чернятичи, среди Городечны»³¹. Современные села Старое и Новое Калугово находятся около озера Бездон — истока р. Большая Ворона³².

Таким образом, Ходыка Басич мог быть в качестве держателя волости Колуговичи вассалом князя Ф. Л. Воротынского. А вообще, он был смоленским окольным, то есть членом рады (совета) при смоленском наместнике, и основателем влиятельного рода смоленских бояр Ходыкиных³³. Однако не исключено, что Басич получил от короля на названную волость так называемый заочный лист, феномен которых известен в историографии³⁴. Такие грамоты «готовились на основе одностороннего представления дела, без его изучения»³⁵. В итоге одно имение могло быть пожаловано разным лицам в короткие сроки³⁶.

Кроме рассмотренных выше аргументов, Р. А. Беспалов полагает, что заявление великого князя Ивана III литовским послам о том, что «князи воротынские и белевские» служили королю Казимиру «не въ згоду» великого князя Василия II, имело в виду конкретные события 1446 г. Схожее заявление князя М. И. Воротынского польскому королю в 1567 г. о переходе предков князя «невзгодами своими» под власть предков короля, по мнению исследователя, относилось к событиям конца 1446 — начала 1447 г.³⁷

Следует напомнить, что князь М. И. Воротынский ошибочно считал себя правнуком мифического князя Федора Юрьевича, а не реально существовавшего князя Федора Львовича, судя по вкладу братьев князей М. И. и А. И. Воротынских в 1558 г. в одоевский Анастасов монастырь³⁸. Поэтому припоминания Михаила Ивановича и Ивана III вряд ли носили столь конкретный характер, а, очевидно, имели в виду эпоху борьбы за власть в Московском княжестве во второй четверти XV в.

Если бы князь Ф. Л. Воротынский в начале 1447 г. сменил московского сюзерена на литовского, скорее всего, это было бы особо оговорено в московско-литовском договоре, заключенном 12 августа 1449 г. Фраза из этого акта: «А верховъстии князи, што будутъ издавна давали в Литву, то имъ и нинечи давати, а болшы того не примышляти», — скорее свидетельствует о традиционном положении верховских князей, к которым, прежде всего, относились князья новосильско-одоевского дома³⁹.

²⁷ Шеков А. В. Политическая история... С. 227.

²⁸ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 37. Скорее всего, правильно читать «Городечна с Колуговичи...»

²⁹ Шеков А. В. Политическая история... С. 188–189.

³⁰ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 37.

³¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 136.

³² Шеков А. В. Политическая история... С. 189.

³³ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 44; Кром М. М. Указ. соч. С. 235–238.

³⁴ Груша А. И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.). М.; СПб., 2019. С. 447–467.

³⁵ Там же. С. 447.

³⁶ Там же.

³⁷ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 38–39.

³⁸ Шеков А. В. Политическая история... С. 237–238.

³⁹ Духовные и договорные грамоты... № 53. С. 162; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула, 2016. С. 247; Шеков А. В. Политическая история... С. 193–194.

В конце статьи автор констатирует, что «датировка dokonчания князя Федора Львовича с Казимиром 20 февраля 1447 г. в первую очередь исходит из палеографических наблюдений»⁴⁰. Однако с этим также нельзя согласиться. Р. А. Беспалов полагает, что переписчик текста грамоты допустил ошибку не в написании года, а в буквенном обозначении индикта, приняв «и» десятиричное за «е»⁴¹. Маловероятно, что профессиональный писец принял бы угловатые начертания десятиричного «и» за округлое написание «е». Более вероятно, что при порче оригинала переписчик мог принять «в» (2) за «з» (7) в написании цифирью 1442 г.

Таким образом, никаких убедительных аргументов в пользу датировки интересующего нас новосильско-литовского договора 1447-м г. Р. А. Беспалов не привел. Более предпочтительной остается датировка этого акта по 5 индикту — 1442 г.⁴² При этом статья Р. А. Беспалова, безусловно, способствует развитию научной дискуссии вокруг рассмотренной проблемы, которой до этого историки уделяли недостаточно внимания. В итоге нет серьезных аргументов для утверждения о распространении московской власти на воротынского князя в годы феодальной войны в Московской Руси второй трети XV в. Можно утверждать, что в это время власть литовских сюзеренов в Верхнем Поочье была еще достаточно сильна.

REFERENCES

Berezhkov N. G. *Litovskaya Metrika kak istoricheskoy istochnik* [The Lithuanian Metrica as a historical source]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1946, part 1. (in Russ.).

Bespalov R. A. [About the dating of the treaty between prince Fyodor Lvovich Vorotytsky and the grand duke of Lithuania Casimir]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle ages], 2019, no. 3 (77), pp. 79–90. DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.004 (in Russ.).

Grusha A. I. *Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhenie pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV — pervaya tret XVI v.)* [Confidence crisis? The emergence and approval of the legal document in the Grand Duchy of Lithuanian (the end of 14th — the first third of the 16th century)]. Moscow; St. Petersburg: Tsentр gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. (in Russ.).

Krom M. M. *Mezh Rusyu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme rusko-litovskikh otnosheniy kotsa XV — pervoy treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Border Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the late 15th — the first half of the 16th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. (in Russ.).

Temushev V. N. *Na vostochnoy granitse Velikogo knyazhestva Litovskogo. Seredina XIV — pervaya polovina XVI v.* [On the Eastern border of the Grand Duchy of Lithuania. The Mid-14th — first half of the 16th century]. Tula: b. i., 2016. (in Russ.).

Shekov A. V. *Verkhovskie knyazhestva. Seredina XIII — seredina XVI v.* [The Upper Oka Principalities. The Mid-13th — Mid-16th century]. Moscow: Kvadriga, Russkaya panorama Publ., 2012. (in Russ.).

Shekov A. V. *Politicheskaya istoriya i geografiya Vekhovskikh knyazhestv. Seredina XIII — seredina XVI v.* [Political history and geography of the Upper Oka Principalities: the Mid-13th — mid-16th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. (in Russ.).

⁴⁰ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 40.

⁴¹ Там же. С. 37–39.

⁴² Кром М. М. Указ. соч. С. 47–48, прим. 22.

СООБЩЕНИЯ

УДК 929:001.32

Юбилей Сергея Михайловича Каштанова

29 января 2022 г. исполнилось 90 лет доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, главному научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, председателю Археографической комиссии РАН Сергею Михайловичу Каштанову.

Он родился в Ленинграде, в семье военного инженера, поэтому его детство прошло в постоянных переездах по местам службы отца. Закончив в 1949 г. с серебряной медалью школу в Казани, Сергей Михайлович поступил в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ). Здесь он сформировался как историк под влиянием А. А. Зимина и С. О. Шмидта. В 1954 г. Сергей Михайлович защитил под руководством А. А. Зимина дипломную работу «Очерки по истории феодального иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства XVI в.». В Институте истории АН СССР юбилер успешно защитил кандидатскую («Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века», 1958), а затем и докторскую («Очерки русской дипломатики», 1968) диссертации. В 1956–1963 гг. Сергей Михайлович работал в ИИ АН СССР в секторе источниковедения и публикации источников дооктябрьского периода, а после 1963 г. — секторе истории СССР дооктябрьского периода (с 1992 г. — Центр истории России Средневековья и раннего Нового времени Института российской истории РАН). В 1997 г. С. М. Каштанов избран членом-корреспондентом РАН, а в 2000 г. перешел на работу в Институт всеобщей истории РАН. С 2002 г. является председателем Археографической комиссии РАН. Научную работу С. М. Каштанов совмещает с педагогической деятельностью: в 1972–1975 гг. он трудился в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, с 1987 г. — преподает в МГИАИ (с 1991 г. — Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета). Под руководством С. М. Каштанова было защищено 24 диссертации и несколько десятков дипломных работ.

Перу исследователя принадлежат ставшие классическими монографии по истории русской средневековой дипломатики, финансовой и социально-политической истории Средневековой Руси, актовой археографии, источниковедению, вспомогательным и специальным историческим дисциплинам (палеография, кодикология, филиграноведение, генеалогия, сфрагистика, историческая география и др.), историографии¹.

Важным направлением исследований юбилера является историческая география. В частности, он внес значительный вклад в изучение чертежей Русского государства XVI–XVII вв. Так, изучая троичские копийные книги, С. М. Каштанову удалось обнаружить древнейший сохранившийся чертеж

¹ Отметим только основные работы: Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI вв. М., 1967; Он же. Очерки истории русской дипломатики. М., 1970; Он же. Русская дипломатика. М., 1988; Он же. Финансы средневековой Руси. М., 1988; Он же. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI в. М., 1996; Он же. Актовая археография. М., 1998; Он же. Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012; Он же. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014; Он же. Московское царство и Запад. Историографические очерки. М., 2015; Он же. Очерки региональной истории и исторической географии Русского государства XV–XVII вв. М., 2018. Т. 1: Северо-Восточная Русь; и др.

Русского государства, датируемый XVI в.² Из недавних исследований Сергея Михайловича стоит отметить работу о месте захоронения останков Степана Разина, в котором он привлек чертеж XVII в. для определения местоположения татарского кладбища³, а также первый том избранных трудов по исторической географии Северо-Восточной Руси.

Неоднократно Сергей Михайлович обращался к вопросам землевладения и структур расселения в разных уездах Московского государства XV–XVII вв. Отметим работы юбиляра по истории русского землевладения в Поволжье⁴. Кроме этого, перу историка принадлежит сообщение о локализации островов Коровнич и Ирыхов под Казанью⁵. Большое внимание в трудах С. М. Каштанова уделено монастырскому землевладению Дмитровского, Вологодского, Муромского уездов⁶. Значителен вклад Сергея Михайловича как источниковеда и в изучение писцовых описаний XVI в. по Угличскому уезду⁷. Ряд работ историка посвящен формированию территории и структуре расселения Ростовского уезда⁸.

Уделяет юбиляр в своих трудах место и для дискуссий о путях сообщения⁹ и численности населения России XVI столетия¹⁰.

Пожелаем же юбиляру крепкого здоровья и новых научных трудов!

Ученики, друзья, коллеги

² Каштанов С. М. Чертеж земельного участка XVI в. // Тр. МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 429–436; То же [2-е изд.] // Каштанов С. М. Очерки региональной истории и исторической географии Русского государства XV–XVII вв. М., 2018. Т. 1: Северо-Восточная Русь. С. 491–499.

³ Каштанов С. М. Еще раз о месте захоронения останков Степана Разина // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 90–117.

⁴ Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае: документы // Из истории Татарии. Казань, 1973. Сб. 5. С. 3–35; Он же. К истории феодального землевладения в Свяжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572–1575 гг.) // Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования. Казань, 1978. С. 132–142.

⁵ Он же. К изучению Казанской топографии (острова Коровнич и Ирыхов) // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 293–307.

⁶ См., напр.: Каштанов С. М. К вопросу о жалованных грамотах Дмитровского Борисоглебскому монастырю и его землевладении в XV–XVI вв. // Чтения, посвященные 840-летию Дмитрова. Дмитров, 1994. С. 21–31.

⁷ Он же. Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536–1537 гг. // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Вологда, 1978. С. 24–33.

⁸ Каштанов С. М., Кириченко Л. А. К истории феодального землевладения в Ростовском уезде в XVI в.: две указные грамоты 1537 г. о городской повинности крестьян села Гусарникова // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 128–147; Каштанов С. М. Иван Грозный и Ростов // Там же. 1993. Ростов, 1994. С. 67–79; Он же. Ростовский уезд при Василии III // Там же. 1994. Ростов, 1995. С. 59–67; Он же. Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Ч. I. Рождественский стан // Там же. 1995. Ростов, 1996. С. 8–16; Он же. К истории феодального землевладения и иммунитета в Муромском крае в XV в. // Уваровские чтения — II. М., 1994. С. 103–113.

⁹ Каштанов С. М. На путях к Москве // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 107–119.

¹⁰ Каштанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 112–115; Он же. Корпоративный состав русского войска в XVI в. // Российское государство XVII — начала XX в.: экономика, политика, культура. Екатеринбург, 1993. С. 73–75.

Сокращения

- АЕ — Археографический ежегодник
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ДМЛ — Дела молодых лет (РГАДА. Ф. 1209)
ДСЛ — Дела старых лет (РГАДА. Ф. 1209)
ИАИ РГГУ — Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИВИ РАН — Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИИ АН СССР — Институт истории Академии наук СССР
ИМИД — Известия Министерства иностранных дел
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук
ИРКМ — Ильинский районный краеведческий музей
КПОГА — Коми-Пермяцкий окружной государственный архив
КПОКМ — Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
Мордовский НИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия
МОЭИ — Международные отношения в эпоху империализма
ОПО — Особый политический отдел
ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ — Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПКМ — Пермский краеведческий музей
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РИБ — Русская историческая библиотека
СБО — Славянское благотворительное общество
ЧКМ — Чердынский краеведческий музей

Научное издание
Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. А. Бабенкова

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 14,80. Усл. печ. л. 19,76

Тираж 100 экз. Заказ № 15502

Дата выхода в свет 25.04.2022 г. Цена свободная

Оригинал-макет подготовлен
Автономной некоммерческой организацией
«Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»
620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
hist-geo@list.ru

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

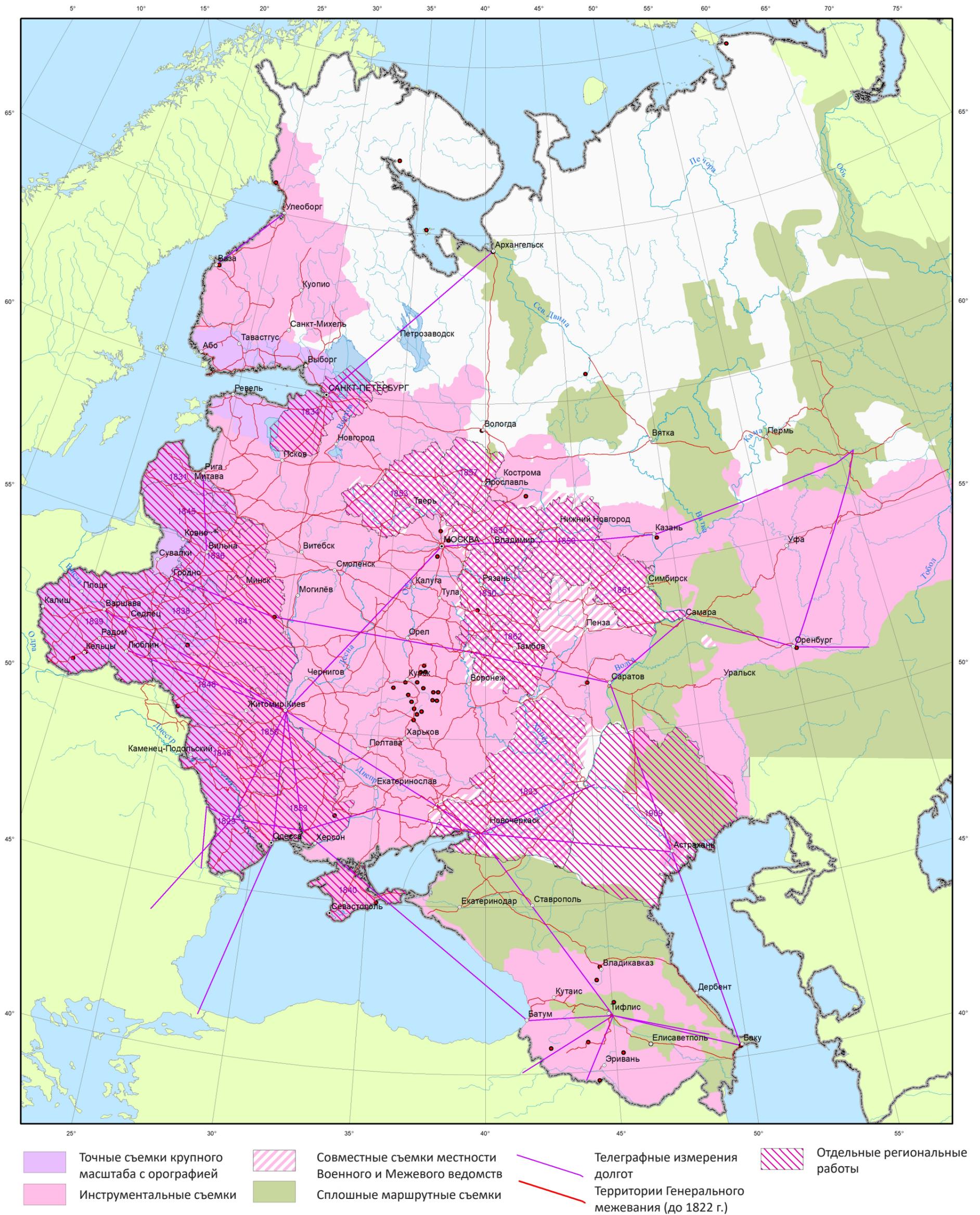
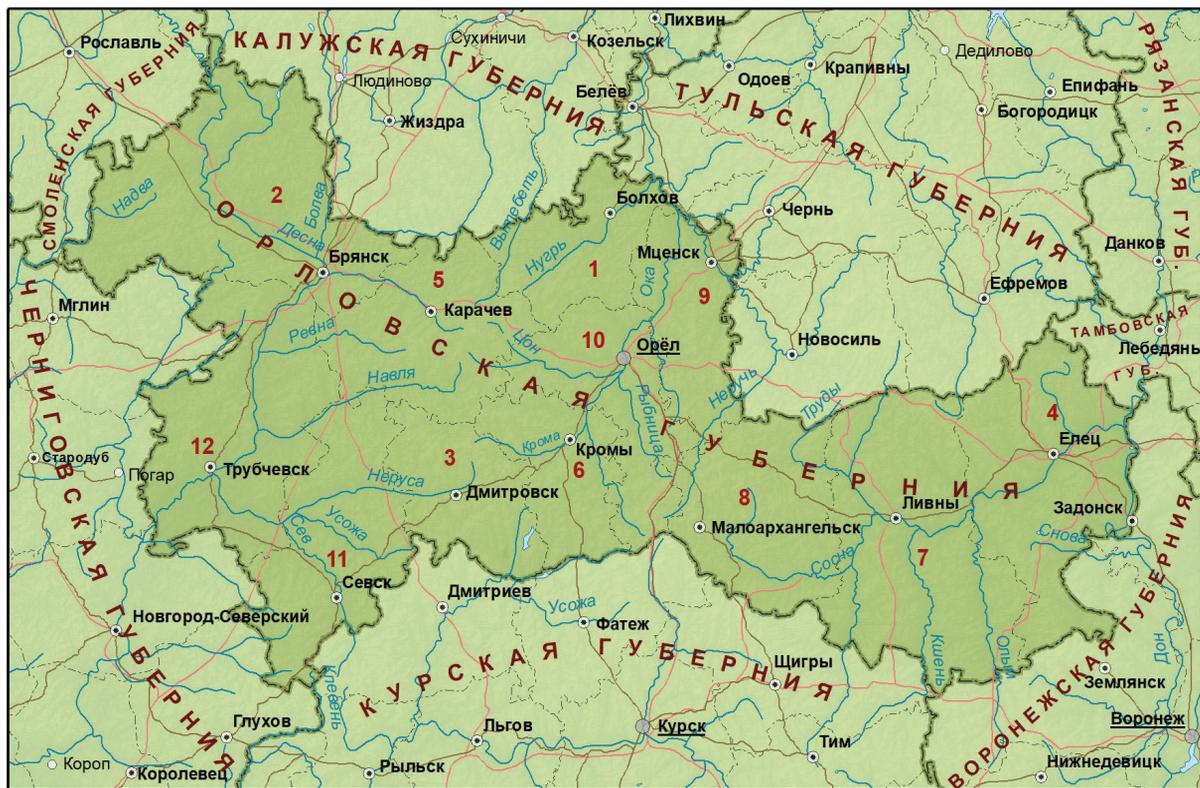

Рис. 1. Схема картографической изученности европейской части Российской империи на 1900 г.

- Границы губерний
- - - Границы уездов
- Центры губерний
- ⊙ Центры уездов
- Прочие населенные пункты
- Шоссейные и почтовые дороги
- Железные дороги

Уезды:

- 1 Болховский
- 2 Брянский
- 3 Дмитровский
- 4 Елецкий
- 5 Карачевский
- 6 Кромской
- 7 Ливенский
- 8 Малоархангельский
- 9 Мценский
- 10 Орловский
- 11 Севский
- 12 Трубчевский

Рис. 2. Вид регионального участка единой цифровой модели на примере Орловской губернии

Рис. 3. Расположение топонимов с корнем -хотет-, рассмотренных в статье. Географическая основа карты: Административное деление России в конце XVII в.: [Карта] / сост. Я. Е. Водарский. [М., 1996].

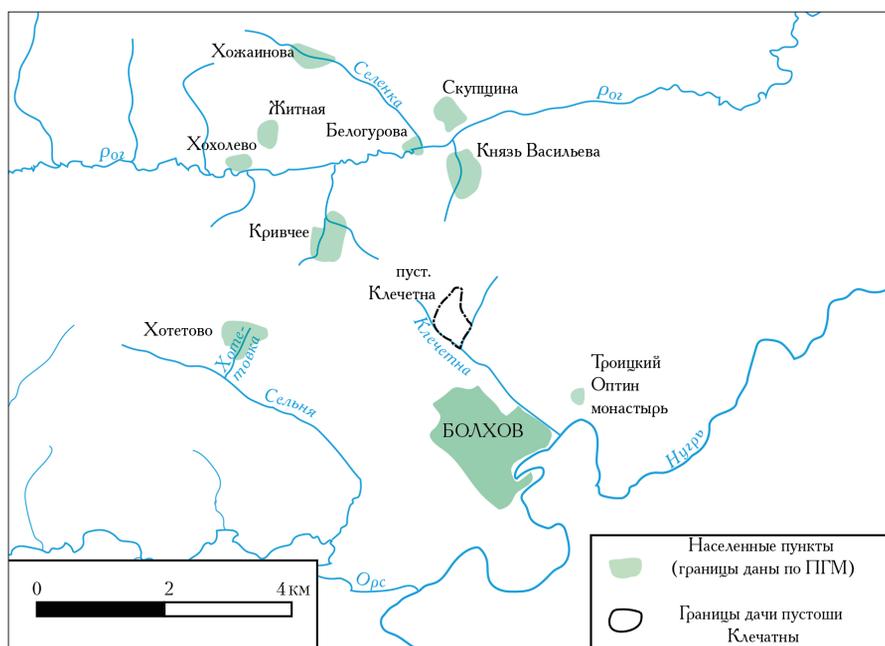

Рис. 4. Населенные пункты вотчин кн. Хотетовских в XVII–XVIII вв. под Болховым. На карте показаны только населенные пункты, которыми владели кн. Хотетовские, исключая г. Болхов и Троицкий Оптиный монастырь

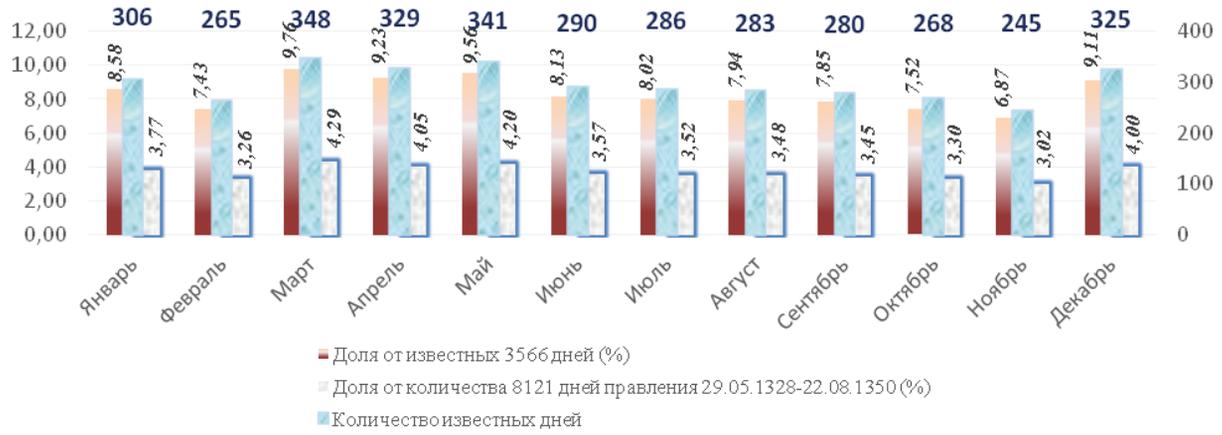

Рис. 5. Распределение известных мест пребывания Филиппа VI Валуа за весь период правления (по месяцам)

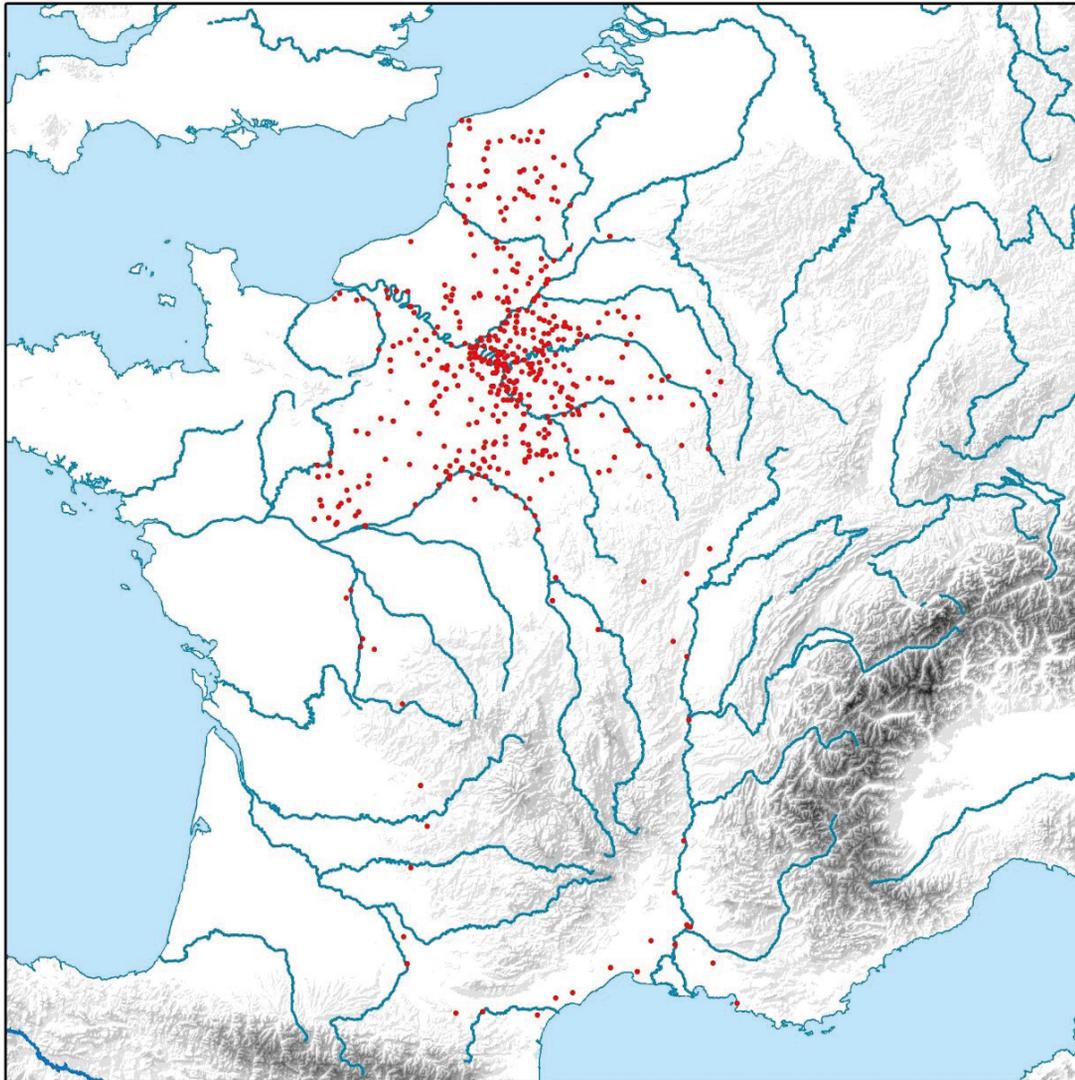
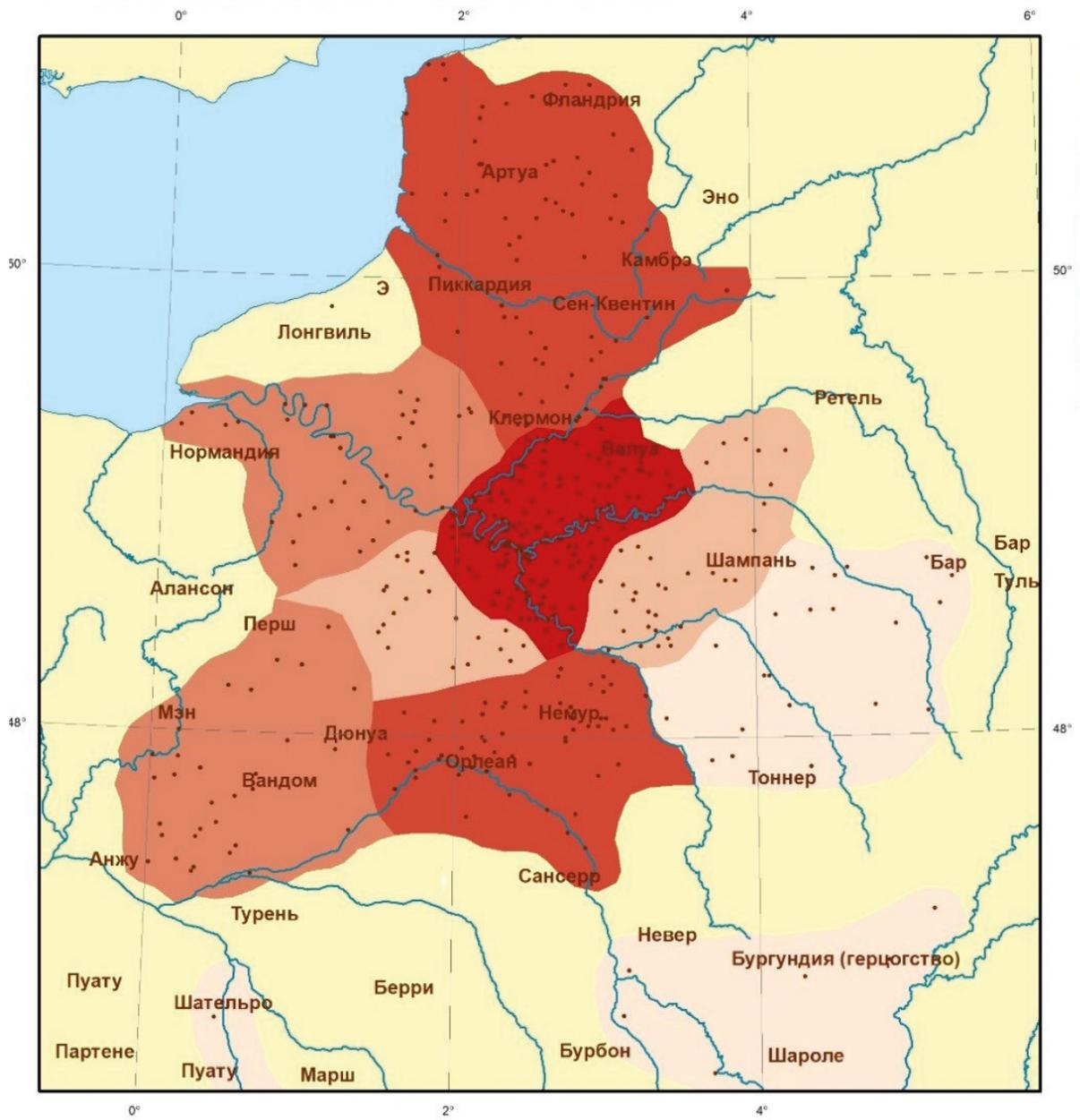

Рис. 6. Схема размещения локаций итинерария Филиппа VI Валуа

Общее количество пребываний

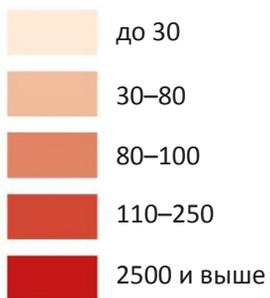

Рис. 7. Основные зоны пространственной активности Филиппа VI (лист 1)

Рис. 8. Основные зоны пространственной активности Филиппа VI (лист 2)

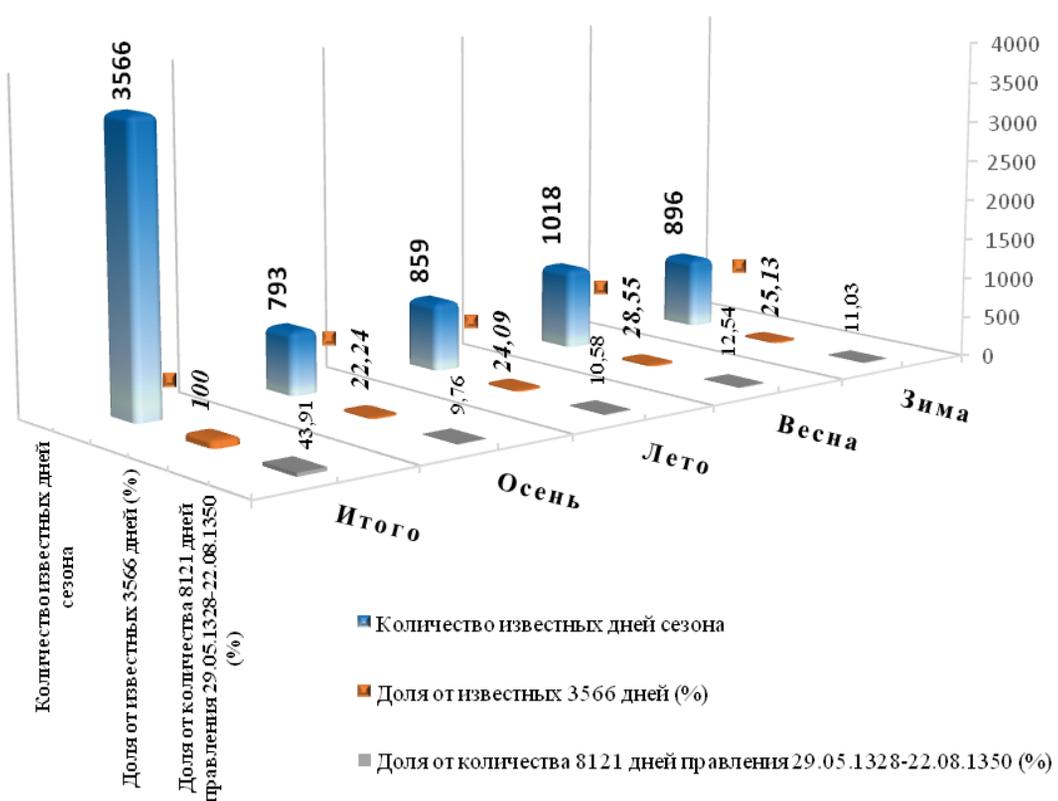

Рис. 9. Распределение известных местоположений Филиппа VI де Валуа по временам года (1328–1350)

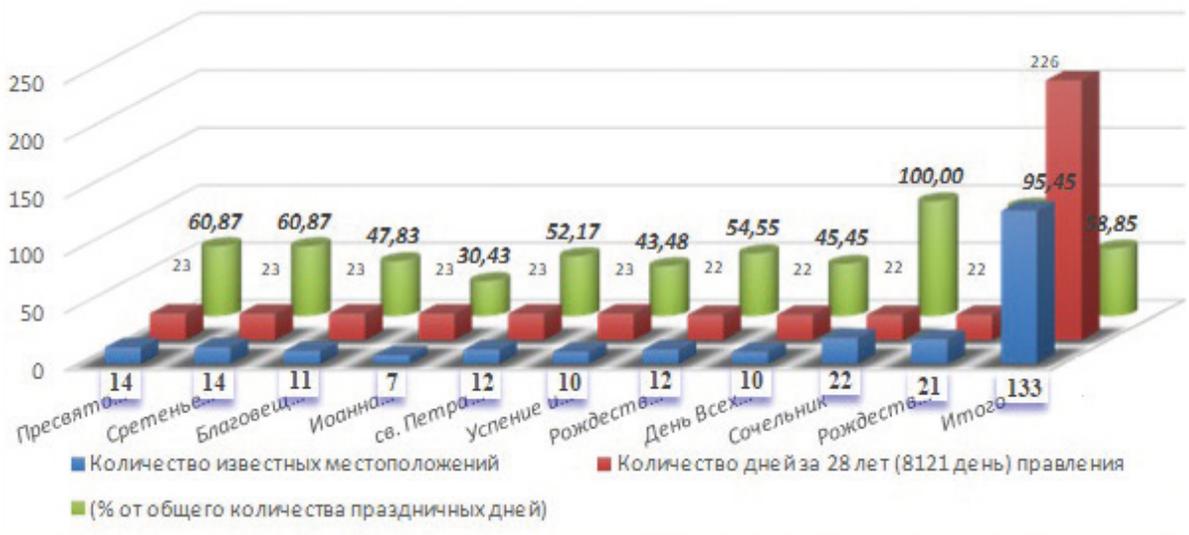

Рис. 10. Количество известных пребываний Филиппа VI де Валуа в дни главных постоянных церковных праздников за весь период правления (% от общего количества праздничных дней)

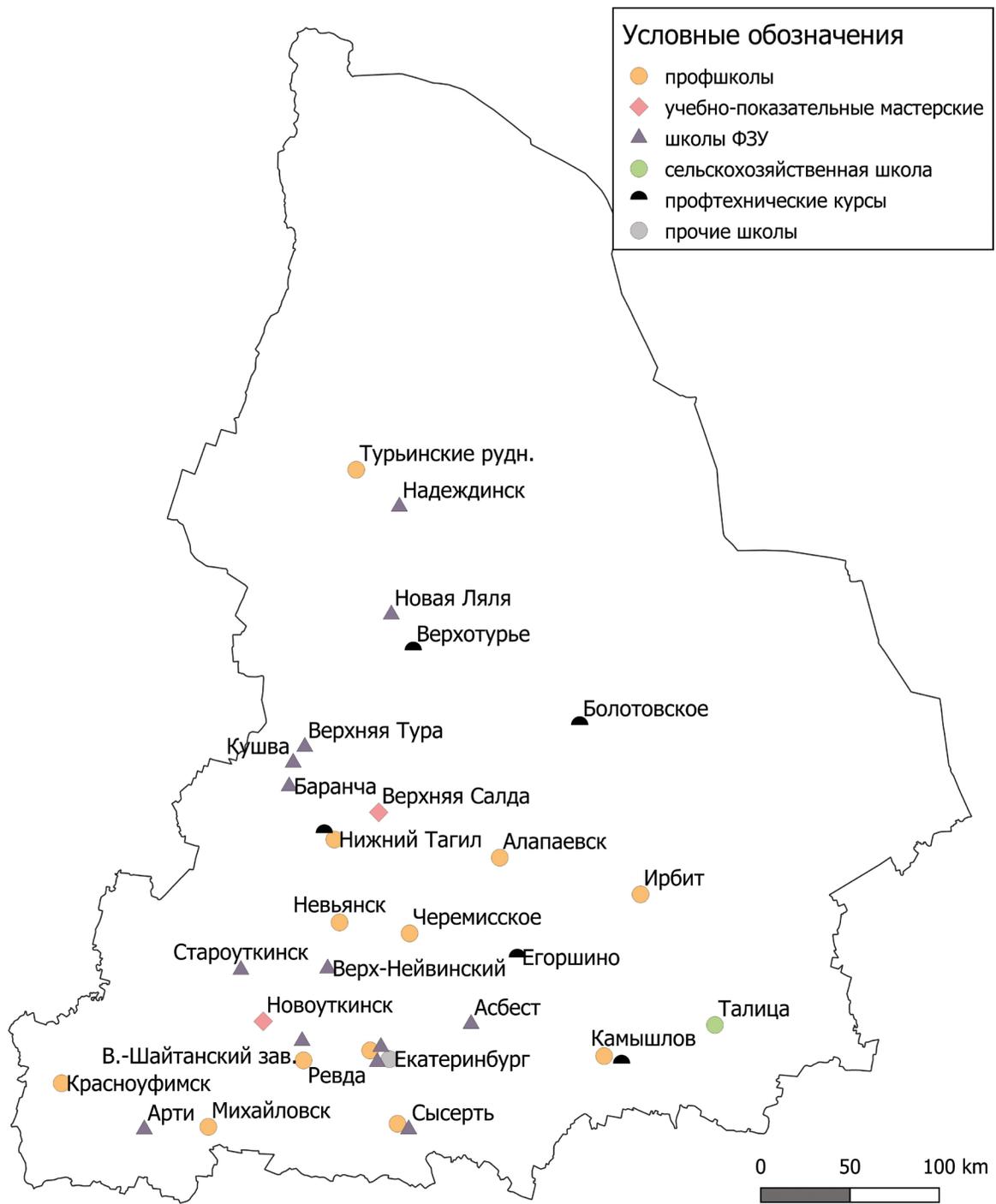

Рис. 11. Сеть профессионально-технических учебных заведений Екатеринбургской губернии в 1922–23 учебном году

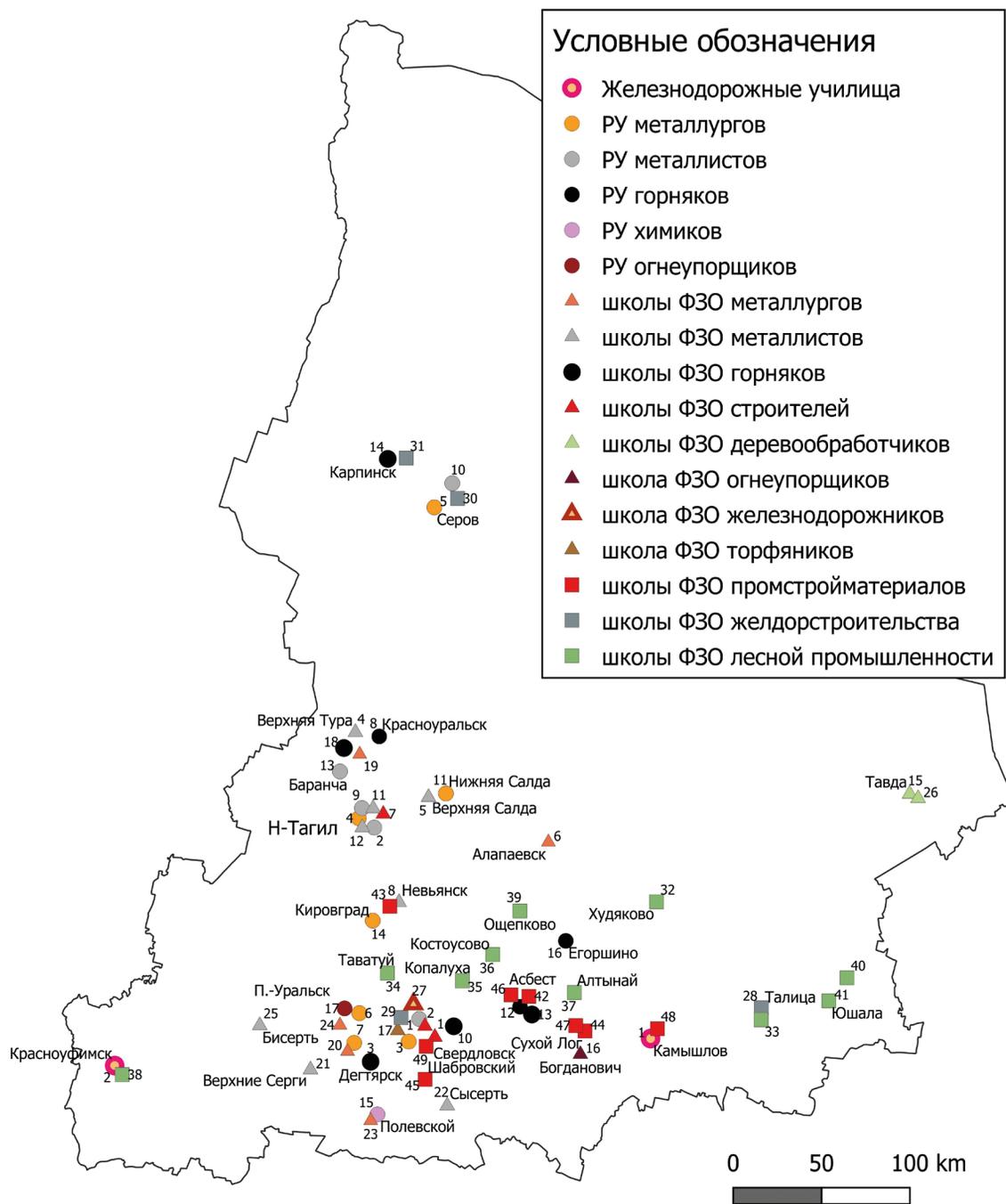
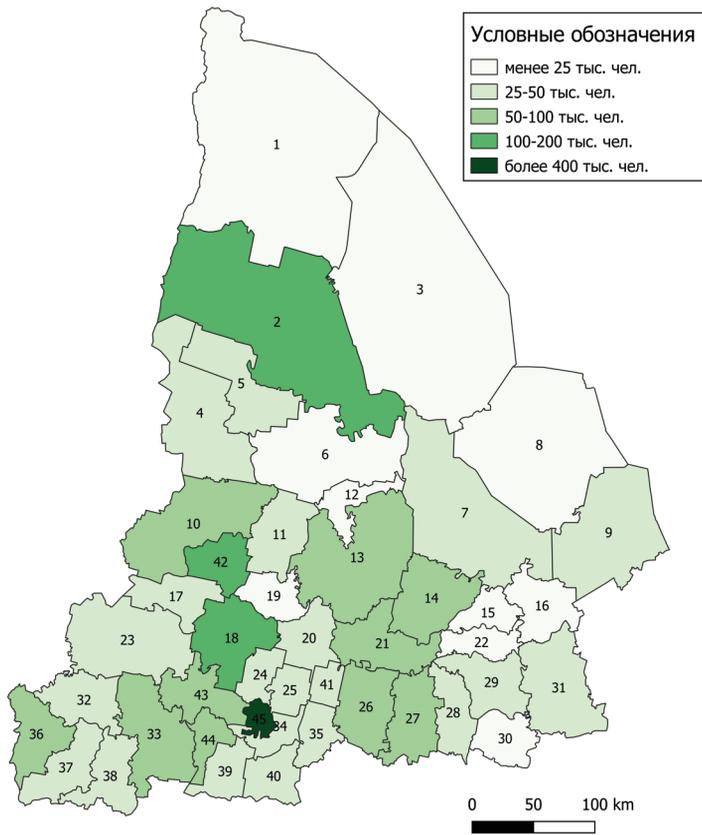
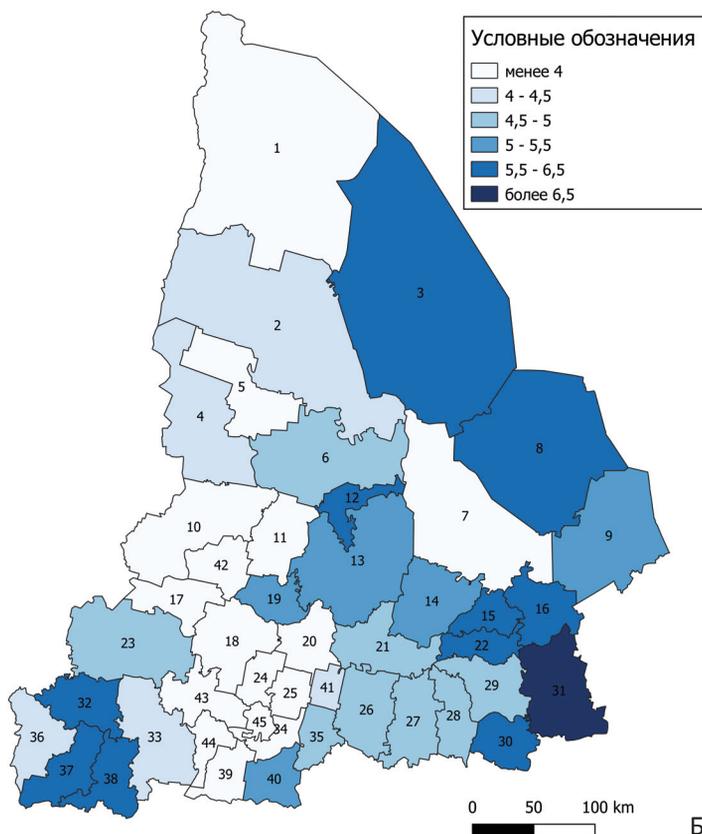

Рис. 13. Сеть учебных заведений профессионально-технического образования в Свердловской области в 1940 — первой половине 1941 г. с официальной нумерацией училищ и школ

А)

Б)

Рис. 14. Численность населения (А) и распределение доли призывников в учебные заведения Государственных трудовых резервов от численности населения в промилле (Б) по районам Свердловской области в 1940 г.

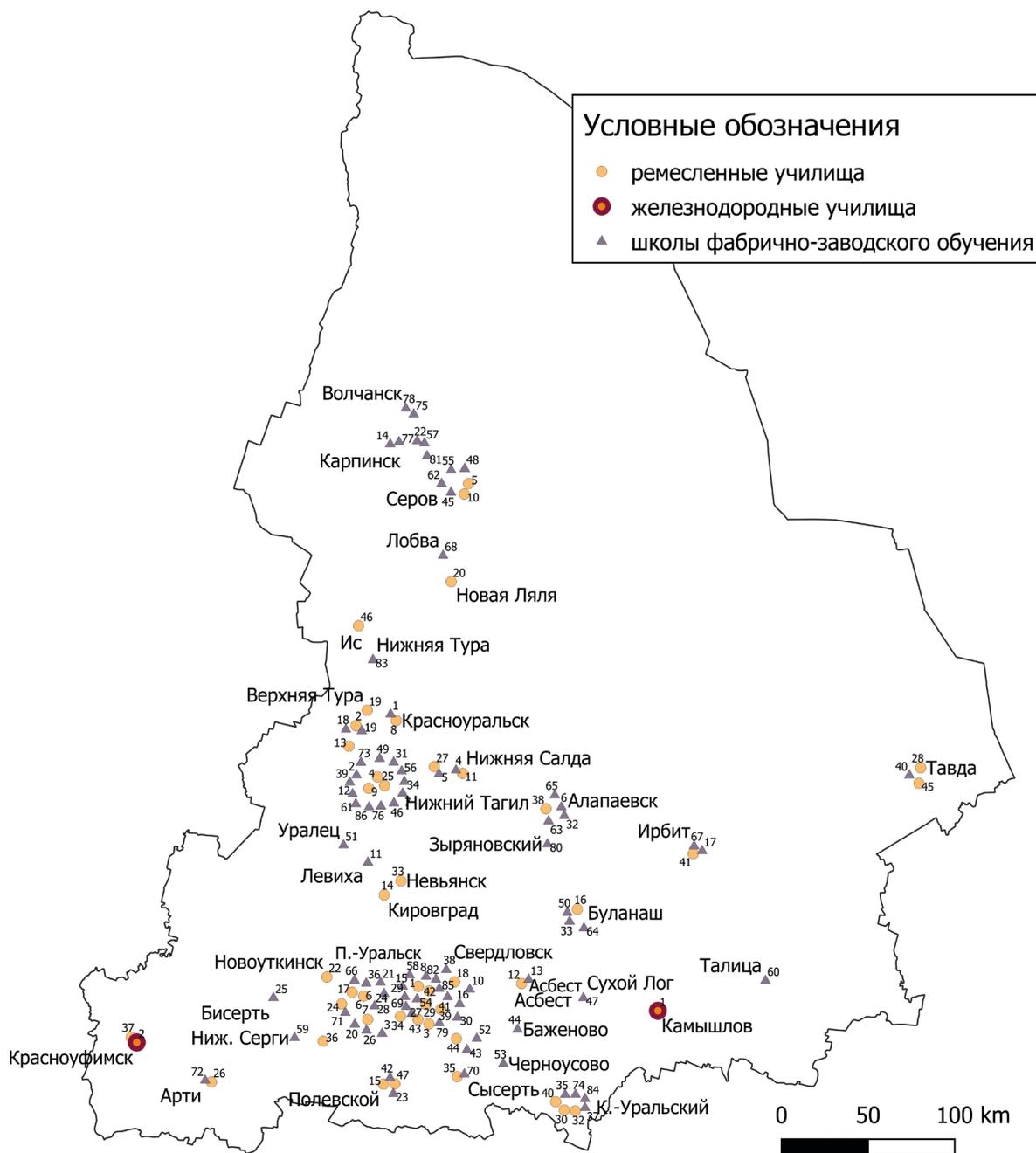

Рис. 15. Сеть учебных заведений Государственных трудовых резервов в Свердловской области в 1948 г. с официальной нумерацией училищ и школ

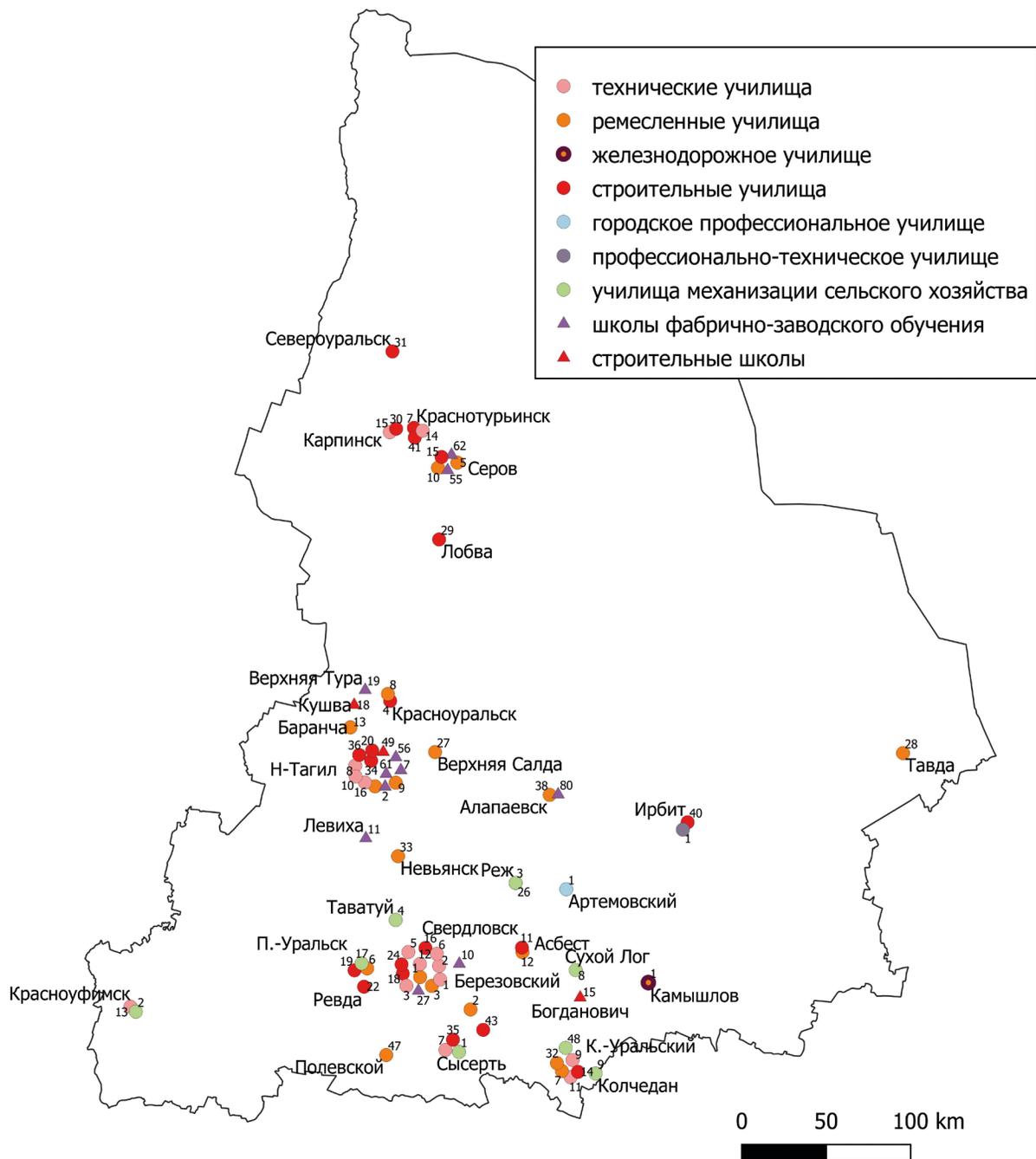

Рис. 16. Сеть учебных заведений Государственных трудовых резервов в Свердловской области в 1958 г. с официальной нумерацией училищ и школ

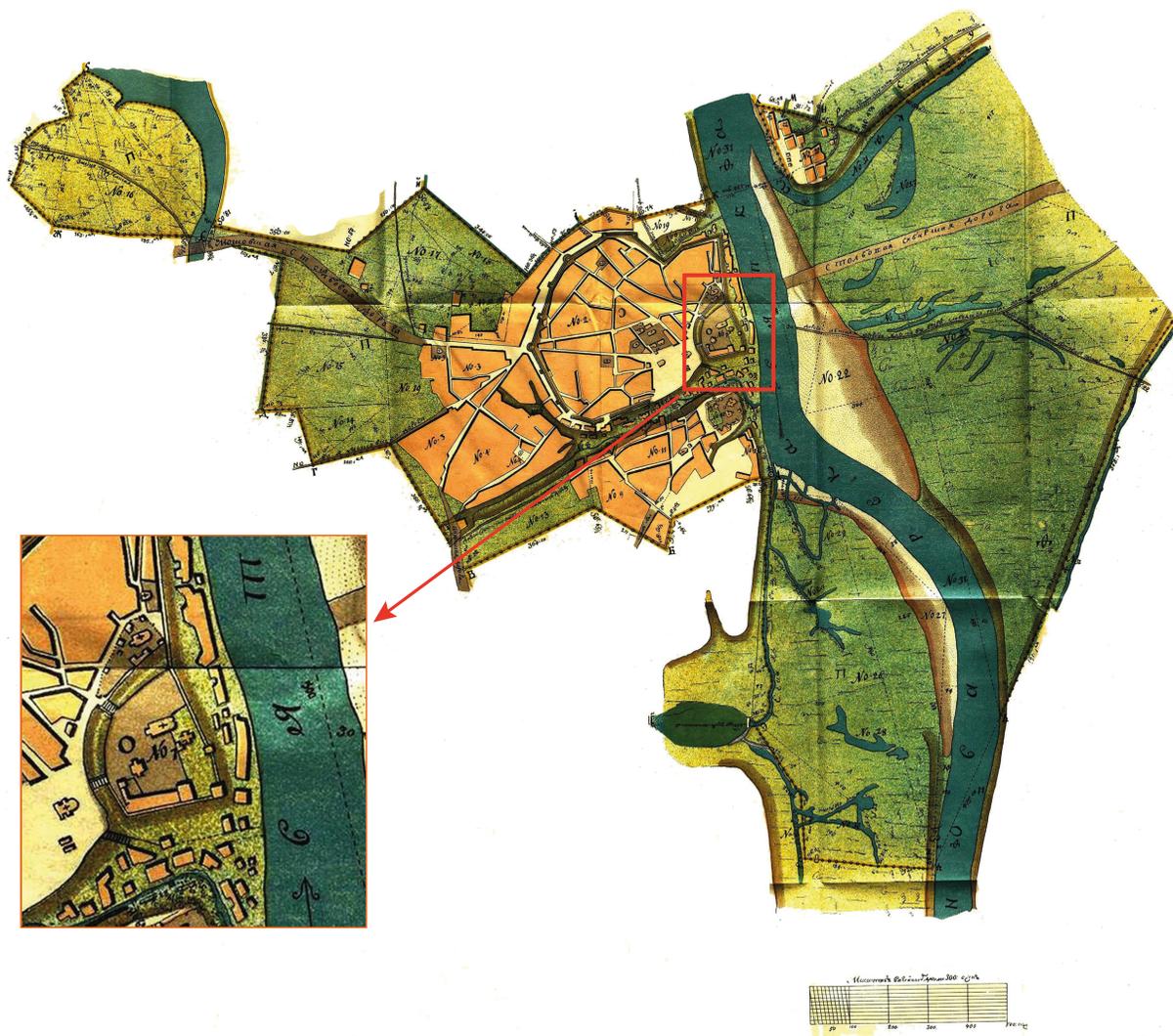

Рис. 17. План города Хлынова (Вятки, ныне Кирова) 1759 г. (составитель П. Иванов).
Из книги: Окружные межевые книги Вятской провинции города Хлынова 1759 года.
Вятка: губернская типо-литография Вятки, 1917

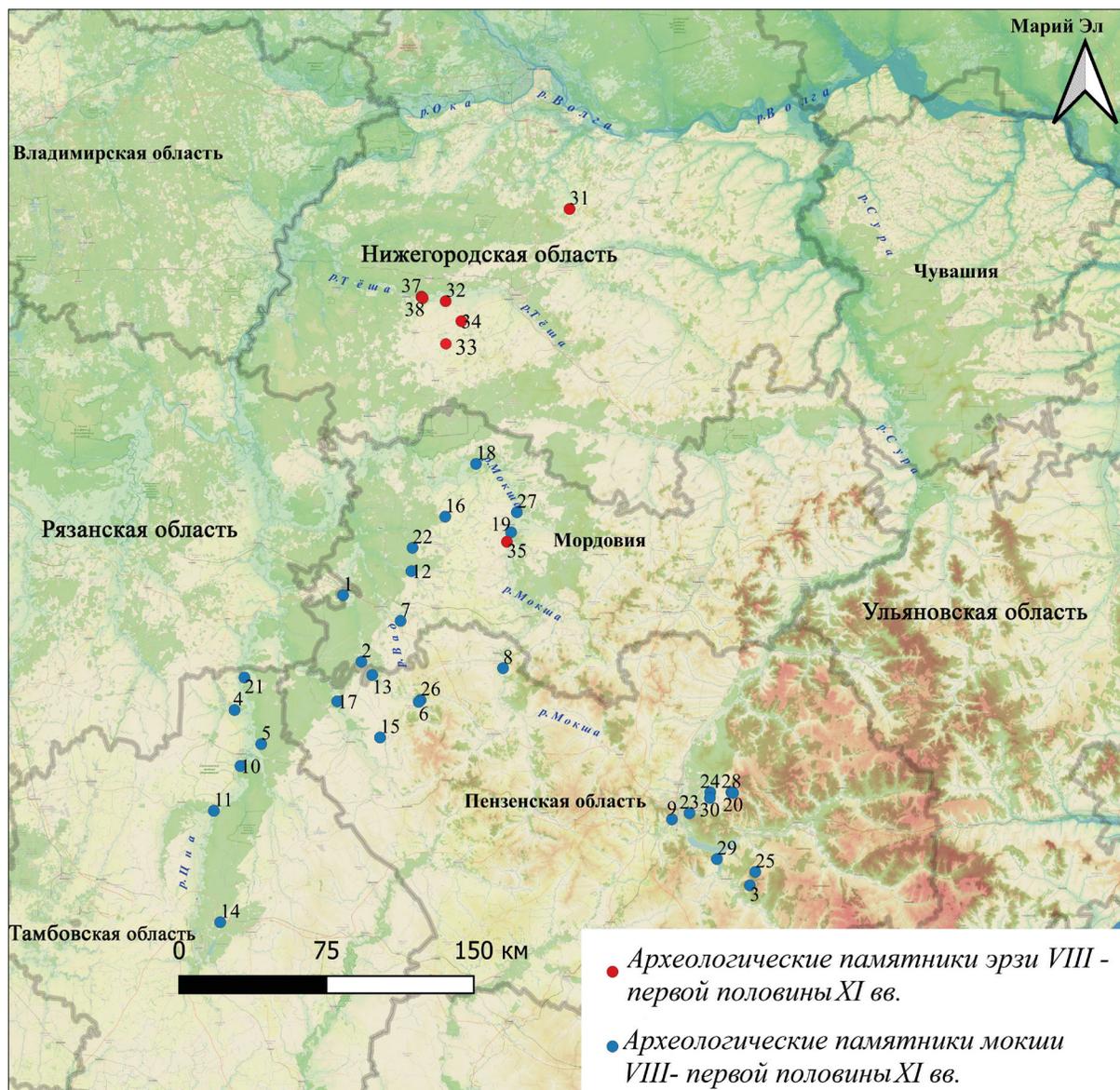

Рис. 19. Мордовские археологические памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья VIII — первой половины XI вв.

Могильники мокши: 1 — 2 Журавкийский; 2 — 2 Старобадиковский; 3 — Армиёвский 2; 4 — Давыдовский; 5 — Елизавет-Михайловский; 6 — Кармалейский; 7 — Кельгининский; 8 — Красный Восток; 9 — Кривозерский; 10 — Круковско-Кужновский; 11 — Кулеватовский; 12 — Куликовский; 13 — Луговской; 14 — Лядинский; 15 — Малоижморский; 16 — Мордовско-Козловский; 17 — Пановский; 18 — Пурдошанский; 19 — Старозубаревский; 20 — Степановский; 21 — Томниковский; 22 — Шалинский

Поселения мокши: 23 — Ахуны; 24 — Васильевка; 25 — Васьянсад-1; 26 — Кармалейское; 27 — Клюквенное-4; 28 — Степановка-1; 29 — Усть-Узинское (святилище); 30 — Чемодановка

Могильники эрзи: 31 — Выползово; 32 — Личадеево 5; 33 — Погибловский; 34 — Стексовский 2; 35 — Тенишевский

Поселения эрзи: 36 — Саконы 1; 37 — Саконы 2; 38 — Саконы 3

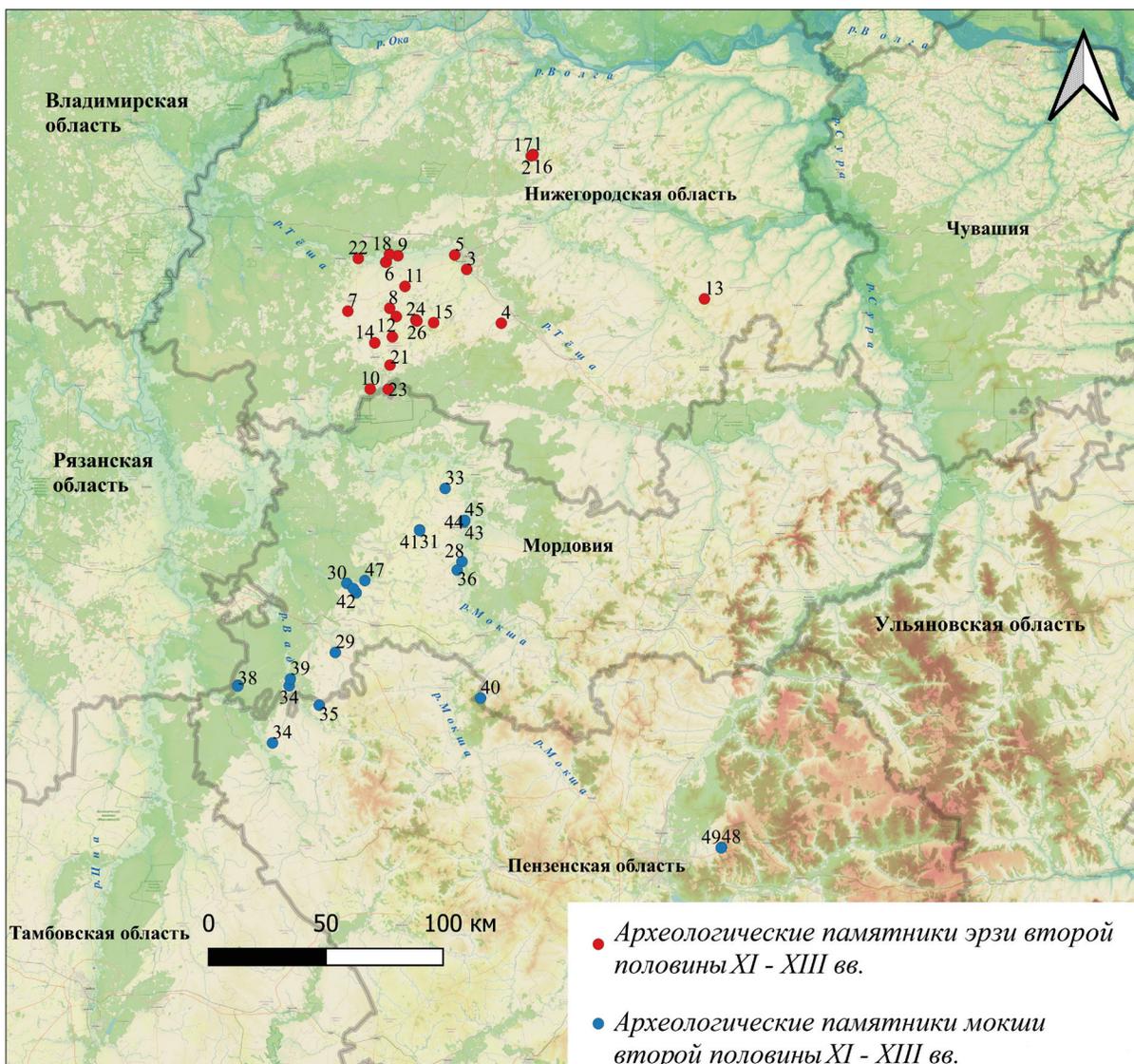

Рис. 20. Мордовские археологические памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI–XIII вв.

Могильники эрзи: 1 — Выползово 2; 2 — Выползово 6; 3 — Заречное 2; 4 — Коринский; 5 — Красное 1; 6 — Личадеево 5; 7 — Мл.Кужендеевский; 8 — Погибловский; 9 — Пятницы 7; 10 — Саровский; 11 — Стексовский 2; 12 — Сыресевский

Поселения эрзи: 13 — Б. Череватово; 14 — Верякуши 1; 15 — Выползово 4 и 5; 16 — Кожино 1; 17 — Красная речка 1; 18 — Круглые Паны 2; 19 — Личадеево 1; 20 — Рузаново 2; 21 — Саконы 2; 22 — Саров; 23 — Стуклово 1; 24 — Стуклово 2 и 3; 25 — Федоровское

Могильники мокши: 26 — Ефаевский; 27 — Кельгининский; 28 — Куликовский; 29 — Мордовско-Паркинский; 30 — Старобадиковский 1; 31 — Стародевиченский; 32 — Сядемский; 33 — Татарская Лака 2; 34 — Черемисский

Поселения мокши: 35 — Выша 1; 36 — Выша 2; 37 — Жуковка 2; 38 — Красная Поляна; 39 — Мордовские Парки; 40 — Новое Четово; 41 — Новый Усад 2; 42 — Новый Усад 3; 43 — Новый Усад 5; 44 — Подлесная Ивановка; 45 — Старая Пичеморга; 46 — Степановка 1; 47 — Степановка 2

